

уральский 1992 5.6
С Л Е Д О П Ы Т

НА СНИМКАХ СВЕРХУ ВНИЗ:
Группа в Тобольске. Справа у поленицы стоит Николай II.
Благовещенская церковь в Тобольске. На заднем плане — дом губернатора, где жила царская семья. Николай II и П. Жильяр, учитель Алексея Николаевича.
Внизу слева: Николай II с охраной в Тобольске.

НИКОЛАЙ II В ТОБОЛЬСКЕ

Эти фотографии должны были сопровождать очерк Т. Павловой и В. Хрусталева «Скорбный путь Романовых. Тобольск», напечатанный в № 3 «Уральского следопыта», но по техническим причинам не попали в номер.

Напомним читателям, что семья бывшего царя по решению Временного правительства была отправлена из Царского Села в Тобольск 1 августа 1917 года, а в апреле 1918-го комиссар Яковлев по заданию Советского правительства вывез из Тобольска сначала Николая Романова и Александру Федоровну с дочерью Марией, а затем и остальных членов семьи.

На снимках, которые хранятся в фондах Тобольского краеведческого музея, отражены моменты пребывания бывшего царя в Тобольске.

Учредители —
 Союз писателей России,
 Ассоциация советских
 книгоиздателей,
 трудовой коллектив журнала
 Издатель —
 Средне-Уральское
 книжное издательство

Вниманию книготорговых органи-
 заций, оптовых заказчиков:
 Средне-Уральское книжное изда-
 тельство (Екатеринбург)
 предлагает в 1992 году:

Моруа А. Три Дюма. Роман.
 27,2 л. В пер. 32 р. 200 000 экз.

Джексон Ш. Лотерея. Роман,
 рассказы. 11 л. В обл. 12 р. 100 000 экз.

Макбейн Э. Последний уик-энд;
 Охота на полицейских; Кукла. Пове-
 сти. В пер. 30 р. 100 000 экз.

Лондон Д. Морской волк; Белый
 клык. Роман, повесть. 25 л. В пер.
 35 р. 100 000 экз. Выпуск I.

Лондон Д. Рассказы. 25 л. В пер.
 35 р. 100 000 экз. Выпуск II.

Волошин М. А. Стихотворения и
 поэмы. 18 л., ил. В пер. 70 р.
 20 000 экз.

Шекли Р. Лавка миров. Рассказы.
 30,2 л. В пер. 40 р. 100 000 экз.

Грэм К. Ветер в ивах. Сказка.
 15 л. ил. В пер. 23 р. 200 000 экз.

Сальгари Э. Черный корсар. Ро-
 ман. 16,8 л. В обл. 25 р. 200 000 экз.

Барри Дж. Питер Пэн. Сказочная
 повесть. 17 л. Цветные ил. В пер.
 50 р. 150 000 экз.

Свифт Дж. Путешествия Гулли-
 вера. 20,5 л. Цветные ил. В пер. 100 р.
 100 000 экз.

Аленькия Б. Ф. Массаж и здо-
 ровье. 9,5 л. В обл. 10 р. 100 000 экз.

Якубовский Э. Г. НЛО вокруг нас.
 10 л. В обл. 12 р. 150 000 экз.

Рукоделия [альбом-книга]. 40 л.,
 ил. В пер. 100 р. 200 000 экз.

Телефон для справок: 51-41-62.

2
 СКОРБНЫЙ ПУТЬ РОМАНОВЫХ.
 Пермская репетиция
 Т. Павлова, В. Хрусталева

9
 КНЯЗЬ-КООПЕРАТОР
 А. Давыдов

12
 НАД СВЕТОЙ РЕКОЙ БЕРЕЗОВОЙ
 В. Русанов

14
 «ПО ЧАСТИ ЯЗЫКА ГЛУБОКО
 ПАШЕТЕ...» Переписка
 В. П. Бирюкова и А. К. Югова
 В. Серебровский

16
 КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА

20
 ОХОТА ЗА ИМЕНЕМ
 А. Матвеев

22
 БУДЕТ, КАК БЫЛО
 Сколько городов в Российской
 Федерации должны вернуть себе
 историческое имя?
 С. Ворошилин

23
 СВЕТЛЫНЬ ДУШИ — ЛЮБОВЬ.
 Стихи
 О. Поскребышев

24
 ДЕВУШКИ В ТЕЛНЯШКАХ
 М. Дайбо

26
 МАЛЕНЬКИЕ ИСТОРИИ БОЛЬШОЙ
 ВОЙНЫ
 С. Шмерлинг

31
 КУЗНЕЧИК. Повесть
 А. Папченко

41
 СКАЗКА ПРО ВАНЬКУ. Повесть для
 кино
 Л. Порожня

57
 ЗАОЧНЫЙ КЛФ

62
 СОЛЬВЕИГ И МЫ ВСЕ.
 Историческая повесть
 М. Семенова

75
 СВЕЧА МОЕЙ ПЕЧАЛИ. Стихи
 И. Тюленев

76
 САД НА ИРТЫШЕ
 В. Шрам

78
 СЛЕПЫЕ КОТЯТА
 А. Кракало

83
 КТО БЫСТРЕЕ!
 Г. Миллер

84
 ПРЕДЧУВСТВИЕ. Зарубежный
 детектив
 А. Виннингтон

88
 ДУБОВЫЕ ДОЩЕЧКИ
 Ю. Шинкаренко

93
 О ЧЕМ ПОВЕДАЛИ ТАРОККО, ИЛИ
 ЯСНОВИДЦЫ В МИРЕ ЧИСТОГАНА

96
 КОЛЛЕКЦИЯ «МОЙДОДЫРА»
 Н. Митина

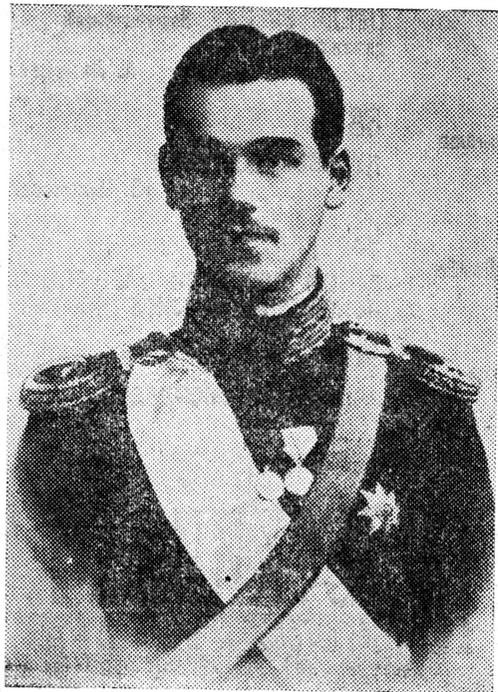
уральский 5.6
 СЛЕДОПЫТ

КОРЫННЫЙ ПУТЬ

Михаил Романов, брат Николая II, был в 1917 году претендентом на императорский престол. Однако 3 марта он подписал акт об отречении, в котором говорилось: «Принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, через представителей своих в Учредительном Собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского».

В ночь с 12 на 13 июня 1918 года великий князь был расстрелян в Перми. По всем обстоятельствам дела это было убийство, совершенное по политическим мотивам, Михаил Романов стал первой жертвой, принесенной на «калгари революции».

Фото из фондов ЦГАОР

Великий князь Михаил Александрович в молодости

ПЕРМСКАЯ

Тайный брак

Оценка великого князя Михаила Александровича, как личности, в отзывах его современников не однозначна. Он был на 10 лет моложе своего брата Николая II (родился 20 ноября 1878 года по старому стилю). Многие сходились на том, что Михаил Романов по своей природе был чрезвычайно скромным и застенчивым человеком, тяготившимся своим высоким положением. Это не помешало ему стать блестящим офицером, отличным наездником и спортсменом. Он мечтал управлять аэропланом, слыл театралом и заядлым автолюбителем. Многие отмечали его воспитанность и доступность.

Флигель-адъютант, полковник А. А. Мордвинов, многие годы состоявший адъютантом при великом князе Михаиле Александровиче, в своих воспоминаниях писал: «Многим Михаил Александрович казался безвольным, легко поддающимся под чужое влияние. По натуре он действительно был очень мягок, хотя и вспыльчив, но умел сдерживаться и быстро остывать. Как большинство, он был также равнодушен к ласке и излияниям, которые ему всегда казались искренними. Он действительно не любил (главным образом из деликатности) настаивать на своем мнении, которое у него всегда все же было, и из этого же чувства такта стеснялся и противоречить. Но в тех поступках, которые он считал — правильно или нет — исполнением своего нравственного долга, он проявлял обычно настойчивость, меня поражающую».

Несмотря на покладистый характер, Михаил Александрович был способен на поступок и самопожертвование. Это своеобразие его натуры проявлялось еще в детстве. Так, греческий принц Николай (родственник Романовых), постоянно гостивший при русском дворе, рассказывал один эпизод: «Миша был 10-летним мальчиком, когда отец его Александр III, бесспорным любимцем которого он был, направил на него в саду рукав и основательно его выкупал. Миша не сказал ни слова, отправился в свою комнату и сменил платье. Когда он возвратился в сад, то застал отца сидящим на скамейке за чтением. Миша схватил рукав и не оставил его, пока не промочил костюм отца до последней нитки. За это он не был наказан». Как говорят, по заткам юного отрока можно судить о характере мужа.

Среди великих князей дома Романовых Михаил Александрович, по свидетельству А. Мордвинова, был самым богатым, но и самым неприятельным: «Деньгам для себя лично он не придавал никакого значения, совсем плохо разбирался в относительной стоимости различных

РОМАНОВЫХ

РЕПЕТИЦИЯ

вещей и оставался совершенно безучастным ко всем докладам, говорившим об увеличении его материальных средств». Согласно закону, он впервые стал наследником престола в 1898 году после смерти среднего сына Александра III, Георгия Александровича, от которого наследовал и значительную долю имущества. После рождения цесаревича Алексея Михаил Романов носил звание «правителя государства».

Среди великих князей Михаил Александрович особенно ничем не выделялся. Пожалуй, всеобщее внимание он привлек к себе в 1912 году тайным вступлением за границу против воли царя вmorganатический брак с дважды разведенной дочерью московского адвоката Натальей Сергеевной Шереметьевской. Графиня Л. Воронцова-Дашкова писала: «Брак великого князя предшествовал длительному роману... В 1908 году он командовал эскадрой кирасирского ее величества полка, шефом которого состояла мать великого князя, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Полк стоял в Гатчине, под Петербургом. Там на одном из полковых праздников великому князю в числе других жен офицеров была представлена Наталия Сергеевна Вульферт».

Это, казалось бы, мимолетное знакомство перешло быстро в длительный роман, закончившийся браком и отречением великого князя от всех присущих ему по положению прав.

Наталия Сергеевна Вульферт была женщиной красивой и образованной, происходила она из очень интеллигентной семьи. Ее отец, С. Шереметьевский, был известным адвокатом. Первым браком Наталия Сергеевна вышла за музыканта С. Мамонтова, вторым за кирасирского офицера Вульферта...

Брака великого князя и Н. С. Вульферт не желали ни император Николай II, ни мать, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Когда император узнал о намерении великого князя все-таки жениться на Н. С. Вульферт, он вызвал его во дворец и отдал краткий приказ: — Черниговские гусары!

Великий князь назначался командиром Черниговского гусарского полка, стоявшего в Орле, куда он должен был немедленно отправиться.

Гатчина, кирасиры, Н. С. Вульферт — все было покинуто. Но мягкий по своему характеру великий князь в данном случае проявил непреклонную волю, решив жениться на любимой женщине, даже несмотря на противодействие императора.

Великий князь уехал в Орел. Но роман продолжался.

По настоянию великого князя ротмистр Вульферт согласился на развод с женой. И в 1912 году М. А. Романов и Наталия Сергеевна покинули Россию, уехав за границу, в Вену, где великий князь в строгой тайне предполагал совершить обряд венчания».

Николай II, узнав о намерении брата, предпринял ряд шагов, чтобы помешать заключениюmorganатического брака. За Михаилом Романовым был учрежден строжайший надзор. С целью принять все меры к недопущению за границей брака госпожи Брасовой (Вульферт) с великим князем Михаилом Александровичем был специально командирован генерал-майор корпуса жандармов А. В. Герасимов. При этом российским посольствам, миссиям и консульствам за границей предписывалось оказывать ему всяческое содействие вплоть до «ареста лиц» по его указанию.

Однако Михаил Александрович проявил незаурядные способности конспиратора, оставив своим попечителям возможность наполнить досье лишь объяснительными документами о провале порученного им дела. Даже в Вене при заключении брака великий князь был вынужден действовать с крайней осторожностью. Он нашел сербского православного священника, чтобы заключенный брак не подлежал расторжению святейшим Синодом. Несомненно, это был брак по любви, в противном случае Михаил Романов не пошел бы на нарушение законов, сознательно лишая себя права на российский престол.

Гнев его величества вылился в запрещение «своевольному брату» въезда в Россию. Шифрованная жандармская телеграмма свидетельствовала: «Граф Брасов (великий князь Михаил Александрович — прим. авт.) очень удручен и никуда не выходит». 15 декабря 1912 года царь подписал указ Правительствующему Сенату о передаче в опеку имущества Михаила Романова, а 30 декабря с него было снято звание «правителя государства». Великий князь, как частное лицо, был вынужден жить за границей. Из Австрии в 1913 году он вместе с женой и сыном Георгием переехал в Англию и поселился в замке Неборт, недалеко от Лондона.

В конечном итоге, благодаря вмешательству матери, отношение Николая II к поступку брата смягчилось. В 1914 году великокняжеская чета вернулась в Петербург, опека с имущества была снята. Наталие Сергеевне был пожалован титул «графини Брасовой».

Отречение

В годы 1-й мировой войны Михаил Романов в звании генерал-майора был на фронте, получил Георгиевский крест, командуя так называемой «дикой дивизией», позднее 2-м кавалерийским корпусом. Он не участвовал в интригах царского двора, но многие опасались влияния его властной и энергичной супруги. В частности, об этом свидетельствуют дневниковые записи обер-гофмейстерины Е. А. Нарышкиной. 21 февраля 1917 года она написала:

«Грустные мысли: императрицу ненавидят. Думаю, что опасность придет с той стороны, с которой не ожидают: от Михаила. Его жена,— очень интеллигентна, никаких сдержек интеллигентной среды. Она уже проникла к Марии Павловне. В театре ее ложа полна великих князей, сговорятся вместе с Марией Павловной. Добьются быть принятой императрицей-матерью и императором. Чувствую, что они составляют заговор. Бедный Миша будет в него вовлечен, вопреки себе, будет сперва регентом, потом императором. Достигнут всего».

Февральская революция застала Михаила Романова в Гатчине. Документы свидетельствуют, что он делал все возможное, чтобы избежать кровопролития, спасти монархию, но отнюдь не для того, чтобы занять престол. 27 февраля 1917 года по настоятельной просьбе председателя Гос. Думы Михаил Александрович связался по прямому проводу со Ставкой, где находился царь, прося его уступить и создать правительство доверия. Ответив через начальника штаба генерала Алексева, Николай II отказался последовать его совету. Безуспешно попытавшись вернуться в Гатчину, Михаил Романов вынужден был укрыться на квартире князя П. П. Путятина (Миллионная, 12), поддерживая тесную связь с М. В. Родзянко. Именно сюда 1 марта явился присяжный поверенный Н. Н. Иванов с просьбой подписать так называемый «великокняжеский манифест». Документ этот, появившийся в окружении великого князя Павла Александровича, был очередной попыткой спасти трон, уступив власть Государственной Думе. От имени царя предполагалось провозгласить следующее: «Поручаем Председателю Государственной Думы немедленно составить Временный комитет, опирающийся на доверие страны, который в согласии с нами озаботится созывом Законодательного собрания, необходимого для безотлагательного рассмотрения имеющего быть внесенным правительством проекта новых основных законов Российской империи...» Рядом с подписями великих князей Павла Александровича (дядя царя) и Кирилла Владимировича (двоюродный брат царя), поставил свою и Михаил Александрович. Однако «Манифест» запоздал. Революционные события развивались настолько стремительно, что уже на следующий день, 2 марта 1917 года, М. В. Родзянко поставил вопрос об отречении Николая II в пользу наследника Алексея, при регентстве Михаила Романова.

Поползший слух о том, что Михаил добивается престола, переполюсовал остальных членов императорской фамилии. Павел Александрович незамедлительно обратился за разъяснениями к третьему участнику «великокняжеского манифеста». В письме к Кириллу Владимировичу он писал, что ему «ужасно не понравилось новое течение, желающее назначить Мишу регентом» и что все это, вероятно, интриги Н. С. Брасовой. Очевидно, Михаил Александрович, зная мнение своих родственников, нашел возможность успокоить их. Во всяком случае, Кирилл Владимирович, бывший в курсе событий и знавший,

где находится Михаил, в ответном письме Павлу Александровичу ответил, что «Миша работает ясно и единомысленно с нашим семейством».

Создается впечатление, что Родзянко скорее ставил в известность Михаила Романова о варианте отречения Николая II, чем просил его согласия. Во всяком случае, нет документальных подтверждений, что Михаил Александрович дал свое согласие на регентство.

Отречение Николая II от престола за себя и несовершеннолетнего наследника сына Алексея в пользу брата Михаила явилось для всех полной неожиданностью. С дороги в Могилев Николай II посылает телеграмму брату, которая, однако, так до него и не дошла:

«Петроград. Его Императорскому Величеству Михаилу Второму. События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если огорчил тебя, и что не успел предупредить. Остаюсь навсегда верным и преданным братом. Горячо молю Бога помочь тебе и твоей родине. Ники».

3 марта в 10 часов утра в квартире князя Путятина открылось совещание по обсуждению вопроса, объявлять ли возложение на себя Михаилом Романовым императорских обязанностей или не объявлять? Многие советовали Михаилу Александровичу власть на себя не брать.

Например, А. Ф. Керенский заявил: «Я не вправе скрыть здесь, каким опасностям Вы лично подвергаетесь в случае решения принять престол... Я не ручаюсь за жизнь вашего высочества». Наоборот, в противовес большинству П. Н. Милюков и А. И. Гучков убеждали, что Михаил Александрович не только может, но и обязан взять трон. Однако Михаил Романов после совещания, трезво оценив ситуацию в стране, подписал акт своего отречения от престола.

Акты об отречении Николая II и Михаила Романова были обнародованы в «Вестнике Временного правительства» одновременно 5 марта 1917 года. Принимая историческое решение, Михаил Александрович не знал, может ли он опереться на поддержку армии и народа или встретит оппозицию. Решение о форме правления страной откладывалось до Учредительного собрания. По сути дела в эти дни выбор был уже предрешен в пользу республики. Михаил Александрович считал, что выполнил свой долг так, как он его понимал.

Уже на второй день после отречения царя Петросовет, учитывая требования, выдвинутые на многочисленных митингах и собраниях, постановил арестовать царскую семью. В этом же постановлении специально подчеркивалось: «По отношению к Михаилу произвести фактический арест, но формально объявить его лишь подвергнутым фактическому надзору революционной армии».

Если Петросовет опасался угрозы восстановления прежних порядков, то представители дома Романовых беспокоились за безопасность своих близких. 5 марта 1917 года на заседании Временного правительства рассматривается письмо великого князя Михаила Александровича о принятии мер к охране членов импе-

На костюмированном балу

раторской фамилии. В вынесенном по этому поводу решении правительства было записано: «Поручить Военному министру установить, по соглашению с Министром внутренних дел, охрану лиц императорского дома».

Тревога была не напрасной. 10 марта 1917 года «Маленькая газета» (г. Петроград) опубликовала заметку «Покушение на в. к. Михаила».

С весны 1917 года великий князь Михаил Александрович продолжал жить сравнительно неприметно возле Гатчины, не принимая участия в политической жизни страны. Накануне отъезда Николая II и его семьи в Тобольск Михаил Александрович получил разрешение прогнаться с братом. Мы не знаем, о чем говорили они в последнюю встречу. Е. А. Нарышкина, фрейлина царицы, записала в дневнике: «Приехал Михаил, Керенский его впустил, сел в угол, заткнул уши и сказал: «Разговаривайте!»

Бурные события не обходили его стороной. Так случилось в дни корниловского мятежа. Роковую роль в судьбе великих князей сыграли попытки монархических кругов связаться с высланным в Тобольск Николаем. Дело Маргариты Хитрово, так до конца и не выясненное, подтолкнуло Временное правительство к принятию постановления об аресте великого князя Михаила Александровича и его супруги, Павла Александровича и его жены, княгини О. Палей, и их сына Владимира Палея. В газетах подробно описывались аресты, произведенные 21 августа 1917 года:

«В седьмом часу вечера из Петрограда был отправлен в Гатчину и Царское Село наряд воинских частей в составе одной роты. Вслед за тем выехал в Гатчину министр-председатель А. Ф. Керенский, в сопровождении помощника главнокомандующего войсками петроградского военного округа Козмина и адъютанта.

По приезде на место, А. Ф. Керенский проследовал на дачу, занимаемую Михаилом Александровичем, и в тот же момент дача была окружена войсками. А. Ф. Керенский лично объявил Михаилу Александровичу о мотивах, побуждающих Временное правительство применить по отношению как к самому великому князю, так и к его супруге, домашний арест.

Михаил Александрович выразил некоторое удивление по поводу изложенных соображений, но вместе с тем сказал, что он, конечно, готов подчиниться постановлению Временного правительства...

В ту же ночь, как передают, были произведены аресты некоторых других великих князей...»

Однако, как выяснилось позднее, предположение о монархическом заговоре оказалось несостоятельным. Дело было прекращено.

После «переворота» Петроградский ВРК 13 ноября 1917 года рассмотрел вопрос о переводе Михаила Александровича в Гатчину или Финляндию: «Комиссар Гатчины Рошаль удостоверил, что Гатчина и линия железной дороги всецело в наших руках. Постановили: Военно-революционный комитет возражений против перевода его под домашний арест в Гатчину не имеет. Запросить по этому поводу Военно-следственную комиссию.

Разрешено перевести Михаила Романова в Гатчину под домашний арест».

Известно, что в ноябре 1917 года Михаил Александрович явился в Смольный и обратился к В. Д. Бонч-Бруевичу с просьбой каким-либо образом узаконить его положение в Советской России, чтобы заранее исключить возможные недоразумения. Управляющий делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич на официальном бланке оформил разрешение о «свободном проживании» Михаила Романова — как рядового гражданина республики. В конце 1917 года состоялась беседа В. И. Ленина с зам. наркома Госконтроля Э. Э. Эссеном, который сообщил о просьбе, поданной в Совнарком, бывшим великим князем Михаилом Романовым о перемене его фамилии на фамилию его жены — Брасов (чтобы перейти на положение гражданина Российской советской республики). Ленин ответил, что этим вопросом он заниматься не будет.

«Похищение» и смерть Михаила Романова

В феврале 1918 года, в связи с германским наступлением на Петроград, контрреволюционным заговором и другими событиями, общая ситуация в стране резко ухудшилась. Нахождение Михаила Романова, как и других великих князей, вблизи границы представлялось опасным.

Это послужило поводом для рассмотрения вопроса о судьбе Михаила Александровича на заседании Совнаркома 9 марта 1918 года. В протоколе Совнаркома записано: «Слушали: О высылке князя М. А. Романова и других лиц в Пермскую губ. (Урицкий). Постановили: Принять с внесенными поправками. Высылку М. А. Романова поручить т. Урицкому».

На этом же заседании Совнаркома было принято решение, подписанное В. И. Лениным: «...Бывшего великого князя Михаила Александровича Романова, его секретаря Николая Николаевича Джонсона... выслать в Пермскую губернию впрямь до особого распоряжения. Место жительства в пределах Пермской губернии определяется Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, причем Джонсон должен быть поселен не в одном городе с бывшим великим князем Михаилом Романовым».

Управляющий и личный секретарь великого князя англичанин Брайан (Николай Николаевич) Джонсон остался в нашей стране добровольно. Английский посол в Петрограде Бьюкенен рекомендовал Джонсону покинуть Россию, но тот ответил: «Я не оставлю великого князя в такой тяжелый момент».

Михаил Романов предчувствовал все испытания ссылки и поэтому взял с собой деньги, личный багаж, много книг, аптечку и автомобиль «роллс-ройс». За своим «господином» в Пермь добровольно последовали камердинер В. Ф. Челышев и шофер Борунов. На все просьбы графини Н. С. Брасовой, желавшей разделить участь мужа, великий князь отвечал ей отказом и, наконец, уговорил остаться в Гатчине и ждать исхода событий.

В Англии

С дороги, со станции Шарь, 15 марта 1918 года Н. Н. Джонсон телеграфировал Председателю Совнаркома В. И. Ленину: «Постановлением Совнаркома по прибытии <в> Пермь меня распоряже(нием) разлучают <с тем>, у кого я <состою> секретарем; не прибыл еще даже <в> Вятку, несмотря <на> четырехдневное утомительное путешествие, совершающееся при самых тяжелых условиях. Прошу Вас и Совет <Народных Комиссаров> принять <во> внимание расстроенное его здоровье, усугубленное таким путешествием. <Прошу> телеграммой отметить состоявшееся постановление о разлучении. Джонсон».

В Перми слышных встретили негостеприимно, о чем можно судить по телеграмме Михаила Романова, направленной В. Д. Бонч-Бруевичу и Урицкому: «Сегодня двадцатого <марта> объявлено распоряжение местной власти немедленно водворить нас всех <в> одиночное заключение <в> пермскую тюремную больницу вопреки заверению Урицкого о жительстве <в> Перми <на> свободе, но различно с Джонсоном, который телеграфировал Ленину, прося Совет <Народных Комиссаров> не разлучать <нас> ввиду моей болезни и одиночества. Ответа нет. Местная власть, не имея никаких директив центральной <власти>, затрудняется, как иначе поступить. Настоятельно прошу незамедлительно дать таковые. Михаил Романов».

Две телеграммы в адрес Пермского совдепа — из Совнаркома за подписью Бонч-Бруевича от 25 марта 1918 года и из Петроградской ЧК за подписью Урицкого — указывали: «В силу постановления, Михаил Романов и Джонсон имеют право жить на свободе под надзором местной Советской власти».

Пермский совдеп принял указание к руководству, но со своей стороны предупредил Михаила Романова, что тот освобождается без всякой гарантии, и исполком не берет на себя ответственность за последствия.

На некоторое время великий князь поселился в номерах гостиницы при бывшем Благородном собрании. Об этом, в частности, свидетельствует в своих воспоминаниях В. Ф. Сивков — член Президиума Пермского губисполкома: «Осталась в памяти встреча с Михаилом Романовым, который жил в номере напротив моего, до того, как его перевели в бывшие Королевские номера. Произошло это утром. Когда я уходил на работу, одновременно со мною в коридор вышел высокий стройный блондин с военной выправкой, в сером свободном плаще, в фуражке военного образца и начищенные сапогах. При виде его невольно возникло представление о гвардейце».

Заинтересовавшись этим человеком явно не нашей среды, я пошел за ним, и так мы дошли до губчека. Там он зашел в комнату дежурного коменданта, а я прошел к Малкову и, рассказав о встрече, спросил, кто это такой.

Павел Иванович, улыбаясь, спокойно ответил мне, что это калиф на час Михаил Романов, в пользу которого Николай II отказался от престола. Он здесь в ссылке и обязан утром и вечером регистрироваться в нашей комендатуре. За ним установлено наблюдение...»

Когда Пермский губисполком снесся с центром и, указывая на создавшееся положение, снял с себя ответственность за «целость» Романова, то по предложению Петрограда надзор был поручен местной ЧК. Об этом событии Михаил Александрович 21 мая 1918 года сделал следующую запись в своем дневнике: «В 11 час. Джонсон, Василий Челышев и я отправились в Пермскую Окружную Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. Я получил бумагу, в которой мне предлагается являться туда ежедневно в 11 час. (Люди добрые, скажите, что это такое). После этой явки я отправился домой...»

Были ли к этим строгим мерам основания? Очевидно, были. Так, с митинга, состоявшегося на Мотовилихинском заводе, в Пермский совет поступила резолюция: если органы власти не посадят Михаила под замок, то рабочие «сами с ним разделаются».

Сохранились воспоминания Крумпнуса, написанные

им в эмиграции. Он проживал в Королевских номерах в то время, когда там же находился великий князь: «Сначала я опасаясь останавливаться здесь, ибо полагал, что пребывание великого князя привлечет к гостинице внимание Советской власти, но меня успокоили, сказав, что великий князь пользуется полной свободой, ходит сам по городу... Я жил во втором этаже Королевских номеров, великий князь жил на третьем этаже, занимая с Джонсоном две небольшие комнаты. Я видел великого князя несколько раз в коридоре гостиницы и на улице. Он носил серый костюм и мягкую шляпу, и палку. Всегда был в сопровождении Джонсона. Бросаясь в глаза контраст высокого роста великого князя и низкого г. Джонсона... Великий князь часто заходил в магазин Добрина, что на Сибирской улице, где беседовал с его доверенным о разных делах. Однажды доверенный Добрина спросил его, почему он, пользуясь свободой, не принимает мер к побегу. На это великий князь ответил: «Куда я денусь со своим огромным ростом. Меня немедленно же обнаружат». При этом он все время улыбался...»

Живя «на свободе», Михаил Романов имел возможность скрыться, но этим поступком он опасаясь усложнить положение своих родственников.

Поводов для беспокойства было более чем достаточно. В прессе публиковались материалы о переводе Николая II в Екатеринбург и предстоящем судебном процессе над ним.

Михаил Александрович обратился телеграммой на имя А. В. Луначарского о положении семьи бывшего царя.

Живя под «надзором», великий князь был связан с друзьями и некоторыми родственниками перепиской, существовала и непосредственная живая связь между Пермью и Петроградом. В начале мая в Пермь приезжала его жена. Этому событию посвящены многие строки в дневнике: «Пермь, 25/8 мая, среда. Утром читали, после завтрака я познакомился с инженером Эльзавовским. Около 3¼ часа Наташа, Джо(нсон) и я на извозчиках поехали к Тушиным, где пили чай и ели много вкусных вещей. В 7 час. простились с ними, Наташа поехала, а Дж(онсон) и я пошли до дома пешком. Вечером к чаю пришел Петр Нилович Второв. Погода была отвратительная...»

Пермь, 26/9 мая, четверг. Утром читали, днем прошли по Торговой, Монастырской, а обратно вдоль реки. После чая Наташа и я легли отдохнуть. К обеду пришли Знамеровские и остались до 11½. Погода была полусолнечная, 2°.

Пермь, 27/10 мая, пятница. Около 11½ Борунов и я переехали на лодке на другую сторону Камы (поселение Средняя Курья), там мы пошли налево вдоль опушки леса, затем, выйдя к реке, переехали обратно. После завтрака был у нас датский вице-консул Рее с секретарем австрийцем — мы угостили их кофе. В 5¼ Наташа, Дж. и я отправились в Петропавловский Собор, где служил пасхальную вечерню архиепископ Андроник, — служит он очень хорошо. Вечером я играл на гитаре. Погода была пасмурная, кроме вечера, 2°.

Пермь, 28/11 мая, суббота. Утром Борунов и я отправились на другую сторону Камы, где прошли в лес направо и дошли до полигона. Возвратились к завтраку. Днем Наташа, Дж. и я неудачно съездили в цветочные магазины, а затем в рыбный магазин Анны К., затем пешком пошли к архимандриту Матвею (ректор семинарии). Мы смотрели его квартиру, так как все ищем, куда бы можно было переехать. Нас угостили кофе и пасхой — он, бедный, будучи нездоров, лежал в постели. Оттуда, с Монастырской, мы возвратились пешком домой. В 8 час. мы пошли в театр, где шла «Мечта любви»...»

Жизнь Михаила Романова шла своим чередом, но Брасова не собиралась смириться с высилкой мужа. Поняв, что судьбу мужа могут решить только высшие советские власти, она решила ехать в Москву.

По сведениям представителя английской миссии Р. Вильтона, графиня Брасова встречалась с председате-

лем Совнаркома В. И. Лениным и ходатайствовала о разрешении Михаилу Романову выезда, но безрезультатно.

В стране разгоралась гражданская война. Осложнение политической и военной обстановки не ускользнуло от внимания Михаила Александровича, о чем свидетельствуют его дневниковые заметки.

С захватом белочехами 26 мая Челябинска и 7-июня Омска движение поездов на Сибирь прекратилось, и в Перми скопилось около 10 тысяч пассажиров, пытавшихся проехать на восток. Среди них было много бывших военных, в том числе сочувствующих белому движению. Однако, несмотря на осложнение обстановки, положение Михаила Романова и его окружения в Перми по существу не изменилось. В этот же период у великого князя началось обострение давней болезни: «6 июня. Сегодня у меня появились мои знаменитые боли в желудке, лег поэтому раньше...»

Последняя запись в дневнике Михаила Романова была сделана 11 июня, т.е. за день до трагической развязки, и ничего особенного не предвещала: «Сегодня боли были послабее и менее продолжительные. Утром читал. Днем я на час прилег. К чаю пришел Знамеровский и мой крестник Нагорский (правовед), он кушал с большим аппетитом, еще бы после петроградского голода. Потом я писал Наташе в Гатчину. Доктор Шипицин зашел около 8½. Вечером я читал. Погода была временами солнечная, днем шел недолго дождь, 13°, вечером тоже. Около 10 зашел мой крестник правовед Нагорский проститься, он сегодня же уезжает в Петроград».

Следует заметить, что Михаил Александрович регулярно и аккуратно заполнял дневник, и отсутствие последних записи 12 июня 1918 года наводит на определенные размышления. Возможно, он не успел заполнить дневник, чему помешал арест, а возможно, последняя запись была изъята после обыска помещения чекистами. Во всяком случае, Михаил Романов перед арестом был поднят из постели, о чем имеются несколько свидетельств очевидцев.

15 июня 1918 года газеты опубликовали сообщение «Похищение Михаила Романова»: «В ночь с 12 на 13 июня в начале первого часа по новому времени в Королевские номера, где проживал Михаил Романов, явилось трое неизвестных в солдатской форме, вооруженных. Они прошли в помещение, занимаемое Романовым, и предъявили ему какой-то ордер на арест, который был прочитан только секретарем Романова, Джонсоном. После этого Романову было предложено отправиться с пришедшими. Его и Джонсона силой увели, посадили в закрытый фаэтон и увезли по Торговой улице по направлению к Обвинской.

Вызванные по телефону члены Чрезвычайного Комитета прибыли в номера через несколько минут после похищения. Немедленно было отдано распоряжение о задержании Романова, по всем трактам были разосланы конные отряды милиции, но никаких следов обнаружить не удалось. Обыск в помещениях Романова, Джонсона и двух слуг не дал никаких результатов. О похищении немедленно было сообщено в Совет Народных Комиссаров, в Петроградскую Коммуну и в Уральский Областной Совет. Проводятся энергичные розыски».

В этих же номерах газет давалась информация о ложности слухов о расстреле Николая II, что невольно навредило читателя на мысль о возможности побега и бывшего царя.

До появления газетных сообщений события развивались следующим образом. 13 июня 1918 года Пермской ЧК была послана тревожная телеграмма одновременно в несколько адресов:

«Москва, Совнарком, Чрезком. Петроградская коммуна Зиновьеву.

Копия: Екатеринбург, Облсовдеп. Чрезком.

Сегодня ночью неизвестными в солдатской форме похищены Михаил Романов и Джонсон. Розыски пока не дали результатов приняты самые энергичные меры. Пермский округ Чрезком».

Трудно сказать, насколько эти события оказались неожиданными для советских органов, но председатель Уральского облсовдепа Белобородов срочно направил телеграфный запрос:

«Пермь. Чрезвычайной Комиссии.

Немедленно телеграфно сообщить: когда был приведен в Пермь Михаил, кому сдан, каковы были указания режима, от кого они исходили, какие меры принимал губсовдеп к усилению режима, кем было отменено содержание его в тюрьме? Что дало следствие, кто арестован, их фамилии, также показания. Белобородов».

Так называемый «побег» Михаила Романова был использован властями для ужесточения режима содержания царской семьи в Екатеринбурге и великих князей в Алапаевске и Вологде.

Описание обстоятельств «ареста» Михаила Романова и его секретаря в основном совпадают по показаниям очевидцев: Крумпниса, камердинера императрицы А. А. Волкова (со слов В. Ф. Челышева) и др. Они соответствуют цитируемой выше газетной официальной публикации. Позднее белогвардейский следователь Н. А. Соколов частично опубликовал их в книге «Убийство царской семьи» (Берлин, 1925):

«В одной камере с Челышевым содержался уже известный нам камердинер государыни Алексей Андреевич Волков... При допросе у меня Волков показал: «В одной тюрьме с нами (в Перми) сидел камердинер великого князя Михаила Александровича Василий Федорович Челышев. С ним я встречался в коридоре, и он мне рассказывал, как он попал в тюрьму.

Михаил Александрович проживал в Перми в Королевских номерах, где в другом номере жил с ним и Челышев. Там же жил и его секретарь Джонсон... Ночью в 12 пришли в Королевские номера какие-то трое вооруженных людей. Были они в солдатской одежде. У них всех были револьверы. Они разбудили Челышева и спросили, где находится Михаил Александрович. Челышев указал им номер и сам пошел туда. Михаил Александрович уже лежал раздетый. В грубой форме они приказали ему одеваться. Он стал одеваться. Но сказал: «Я не пойду никуда. Вы позовите вот такого-то. (Он указал, кажется, какого-то большевика, которого он знал). Я его знаю, а вас не знаю». Тогда один из пришедших положил ему руку на плечо и злобно и грубо выругался: «А вы, Романовы! Надоели вы нам все!» После этого Михаил Александрович оделся. Они тоже приказали одеться и его секретарю Джонсону и увели их... Спустя некоторое время после этого (когда Михаил Александрович уже был увезен) Челышев сам отправился в Совдеп, как он мне говорил, и заявил там об увозе Михаила Александровича... На другой же день после этого Челышев был арестован, и как я потом читал в Тобольской газете, был расстрелян».

Имеются свидетельства и противоположного лагеря. Так, член Президиума Пермского губисполкома В. Ф. Сивков позднее вспоминал: «После этой заметки (о «похищении» Михаила Романова — прим авт.) по Перми и губернии поползли всевозможные слухи. Приверженцы старого режима, которых было немало, видели в похищении «перст господень» — чудо спасения от большевиков члена царской семьи. Они заказывали молебны о здравии раба божия Михаила и ждали, когда этот чудом спасенный появится во главе войска, «освободит плененного монарха и восстановит порядок». Слухи доходили до меня, я рассказывал о них Малкову, а по его информации знал, что подобные настроения были и среди значительной части служащих советских учреждений Перми и Мотовилихи.

Все это были слухи, а мне хотелось знать правду, и на мой вопрос по этому поводу Павел Иванович совершенно спокойно отвечал: «Найдется Михаил, куда он денется!». Судя по ответу Малкова, мольбы монархистов и церковников не дошли до адресата...»

В самом деле, заместитель Пермского губчека Павел

Иванович Малков знал, что говорил. Об этом можно судить по многим архивным документам. В частности, в одной из автобиографий П. И. Малкова, датированной 13 октября 1954 года, читаем: «В марте 1918 года Пермским губкомом и губисполкомом я был назначен для организации губернской чрезвычайной комиссии. Работая в должности председателя коллегии, я по поручению Пермского городского комитета партии большевиков вместе с товарищем Марковым А. В. и Трофимовым А. В. был организатором похищения из номеров гостиницы Михаила Романова (брата Николая II) и его расстрела».

Однако наиболее полно операцию по уничтожению «претендента на Российский престол» раскрывают воспоминания Андрея Васильевича Маркова — непосредственного исполнителя ареста Михаила Романова и его расстрела. Марков аргументировал принятое решение обстоятельствами военного времени: «Надвигалось бурное время, приближался фронт белых банд Колчака, бушевала буржуазия, шла национализация имущества, бушевали попы, а мы, большевики, тогда были не так сильны... И вот все это, взятое вместе, и то, чтобы не удрал бы как из Перми куда-либо, или не украли бы, или не скрыли где Михаила Романова, мы, небольшая группа большевиков, вздумали Михаила Романова изъять из обращения путем похищения его...»

Первая мысль об этом зародилась у тов. Мясникова Н. И. Об этом он сказал в Управлении милиции тов. Иванченко, который был комиссаром по охране гор. Перми... Мясников повел час... но троим нам, конечно, это сделать было невозможно, и мы решили пригласить, по рекомендации тов. Иванченко, тов. Жужгова Николая, а по моей тов. Колпашикова Ивана... В Перми лошадей поставили во дворе губчека, посветили в это дело председателя губчека тов. Малкова (зам. председателя губчека — прим. авт.) и помощника Иванченко тов. Дрокина В. Здесь окончательно был выработан план похищения. Решено было так: явиться около 11 часов вечера в номера, где жил Михаил Романов, предъявить ему документ, подписанный тов. Малковым, о срочном его выезде. Если он будет брыкаться и откажется следовать, то взять силой. Документ этот я сел за пишущую машинку и напечатал, поставил не особенно ясно печать, а тов. Малков неразборчиво подписал...»

Нигде, однако, не упоминается один из участников «ареста» левый эсер Алексей Иванович Плешков — начальник милиции Мотовилихи. Между тем в следственных материалах Н. А. Соколова имеются показания А. С. Рубухина: «Я стал расспрашивать Плешкова: «Как было дело? Расскажи», — говорю. Он мне начал рассказывать, как ночью они приехали в номера, где помещался великий князь, забрали его и увезли на Сибирский тракт, а там свернули в сторону и велели ему выйти. Далее он рассказывал мне, что Жужгов хотел выстрелить в него, но у него сделалась осечка, то есть револьвер не выстрелил, и в это время великий князь взял его за шиворот и повалил под себя. — «и когда, говорит, я выстрелил в князя, тогда только Жужгов освободился...»

Воспоминания А. В. Маркова дают такую интерпретацию событий: «Переехали керосиновый склад (бывший Нобеля), что около 6 верст от Мотовилихи. По дороге никто не попадал: отъехавши еще с версту от керосинового склада, круто повернули по дороге в лес, направо. Отъехали сажень 100—120, Жужгов кричит: «Приехали — вылезай». Я быстро вскочил и потребовал, чтобы и мой седок (Джонсон — прим. авт.) то же самое сделал. И, только он стал выходить из фаэтона, я выстрелил ему в висок, он, качаясь, пал. Колпашиков тоже выстрелил, но у него застрял патрон браунинга. Жужгов в это время проделал то же самое, но ранил только Михаила Романова. Романов с растопыренными руками побежал по направлению ко мне, прося проститься с секретарем. В это время у тов. Жужгова застрял барабан нагана... Мне

пришлось на довольно близком расстоянии (около сажени) сделать второй выстрел в голову Михаила Романова, от чего он свалился тотчас же...»

Мотивы замалчивания участия в событиях эсера Плешкова вполне понятны, т. к. воспоминания Маркова написаны в 1924 году, и бывшие «соратники» революции уже были преданы забвению. Явно принижалась и роль в этом деле Г. И. Мясникова, который проведение этой акции в свое время ставил себе в актив. В ответе на письмо В. И. Ленина в 1921 году (по поводу рабочей оппозиции), указывая на преследование инакомыслия, Мясников отмечал: «Был бы я просто слесарь, коммунист того же завода, то где же я был бы? В чека или, более того, меня бы «бежали», как я некогда «бежал» Михаила Романова...»

Устранение «претендента» на российский престол, а по сути дела, уголовное убийство, обернулось для организаторов обратным эффектом. Появились многочисленные газетные сообщения подобно следующему: «Распространяются слухи, что бывший великий князь Михаил Романов находится в Омске и принял главенство над сибирскими повстанцами. Им якобы издан манифест к народу с призывом к свержению Советской власти и обещанием созвать Земские соборы для решения вопроса, какая власть необходима России».

Очевидно, чтобы сбить эту волну, готовилось к печати фальсифицированное объявление чека о задержании Михаила Романова. Но в самый последний момент по какой-то причине оно было снято с газетных полос, где вместо него остались зиять черные (заштампованные) или белые (незаполненные) квадраты. Под штамповкой в пермских газетах от 18 сентября 1918 года в лабораторных условиях читается следующий текст:

«Задержание Михаила Романова».

После побега бывшего великого князя Михаила Романова контрразведкой Пермской Губернской Чрезвычайной Комиссии были разосланы агенты по всем направлениям для задержания Михаила Романова. 12 сентября в 10 верстах от Чусовского завода, по Пашийскому тракту, одним из посланных агентов было обращено внимание на двух проходивших по направлению к Пашийскому заводу лиц, которые держали себя довольно подозрительно. Один из них высокого роста, с русой бородой «буланже» особенно обратил на себя внимание.

Агент потребовал от этих лиц предъявления документов. Последние оказались ему сомнительными, а потому вышеуказанные лица были задержаны и препровождены в Пермскую Губернскую Чрезвычайную Комиссию для выяснения личности.

После ряда сбивчивых показаний при допросе, а также ненормальности лица (по наблюдению, лица у них были заgrimированы), им предложено было назвать свои фамилии и снять свой грим, что они сделать отказались. Оставаясь уверенными, что спрашиваемые лица заgrimированы, мы силой заставили их снять грим. После снятия грима нами были опознаны в них бывший великий князь Михаил Романов и его секретарь Джонсон, которые тотчас были заключены под сильную охрану.

По делу побега ведется в спешном порядке следствие, результаты допроса будут опубликованы.

Председатель Пермской Губернской Чрезвычайной Комиссии П. Малков».

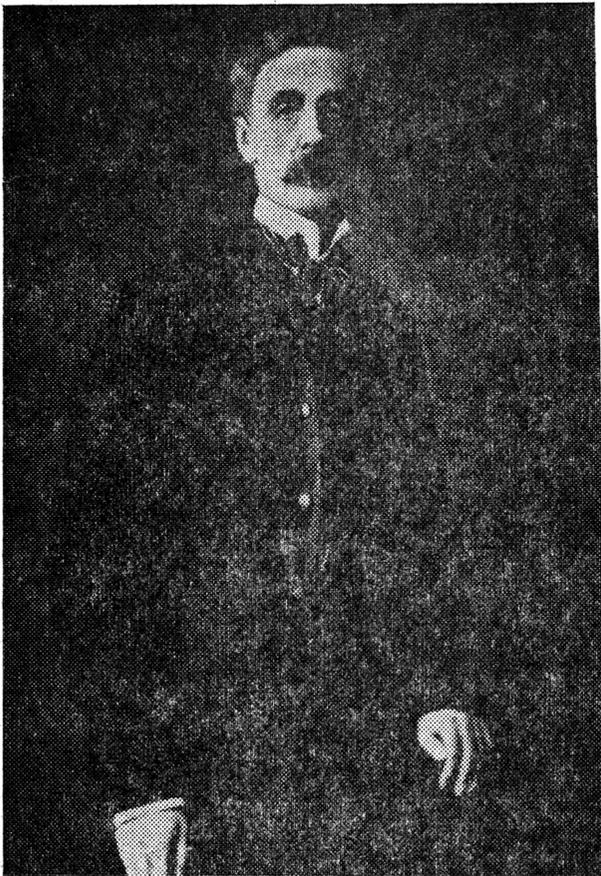
Несмотря на то, что фальшивку не решились запустить в ход, все же утечка дезинформации произошла. Так, сохранилась телеграмма РОСТА, переданная 20 сентября 1918 года по прямому проводу из Москвы в Киев (бывший в то время центром монархического движения). Текст телеграммы лаконичен: «Пермь. 18 сентября. В 10 верстах от Чусовского завода агентом Пермского губрезкома задержаны Михаил Романов, его секретарь. Они препровождены в Пермь».

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Князь- кооператор

«Я преследовал в моей жизни цель — жить не для удовольствия и печалей, а для дела, настоящего дела, и смотрел на жизнь как на поприще, которое надо пройти честно от начала до конца».

Из переписки князя А. И. Васильчикова

Князь Александр Илларионович Васильчиков

За плечами у наших современников — многие и многие поколения предков. Но мы сегодня хорошо помним только своих бунтарей и разрушителей, но очень мало знаем о «консерваторах», «либералах», так называемых «буржуазных» кооператорах... Необходимо восстановить справедливость, отдать долг памяти всем нашим славным предшественникам.

Князя А. И. Васильчикова — противника марксизма — В. И. Ленин назвал «маленьким либеральным экономистом», «народничающим помещиком», и поэтому в течение десятилетий советские авторы рисовали нам образ князя в черном свете. Например, из «Экономической энциклопедии» 1972 года узнаем, что Васильчиков был — одновременно! — и деятелем либерально-помещичьего направления, и представителем мелкой буржуазии, и апологетом «кабальных феодальных отношений».

На деле же Александр Илларионович был патриотом и гуманистом, лидером либерального общественного движения прошлого века, активным участником дискуссий о путях развития России, одним из первых российских кооператоров. Он вращался в разных слоях общества — среди аристократов, разночинцев, крестьян. Ему довелось быть участником почти всех крупнейших событий своего времени. Кстати, в прошлом году исполнилось 110 лет со дня смерти А. И. Васильчикова и 120 лет со времени образования им первого в стране кооперативного центра.

Александр Илларионович принадлежал к древнему аристократическому роду, ведущему свою историю с 1353 года, когда основатели рода — Леонтий, Константин и Федор — начали свою честную службу московскому князю. Много позднее одна из Васильчиковых — Анна Григорьевна — состояла в супружестве с царем Иваном Грозным.

Родился он 26 октября 1818 года. На формирование его личности сильно повлиял отец — Илларион Васильевич, человек «старого закала», строгий, требовательный к себе и другим, но в то же время терпимый в отношении чужих убеждений. Он участвовал в Отечественной войне 1812 года, был ранен в Бородинском сражении, прошел с боями половину Европы. Рассказы отца производили на юного Александра и его брата Виктора (в будущем киевского генерал-губернатора) огромное впечатление. Братья росли горячими патриотами.

В 1835 году Александр сделал первый в своей жизни самостоятельный выбор — поступил на юридический факультет Петербургского университета. Тогда это было еще редким явлением в аристократических семьях. Сам император Николай I с некоторым неудовольствием относился к университетам и старался обратить детей своих сановников и приближенных на путь истины, то есть в юнкерские школы, лажеский и кадетский корпуса. Молодому А. Васильчикову пришлось проявить характер, добиваясь согласия отца на поступление в университет.

Александр, пойдя против течения, никогда не жалел об этом. С кафедр раздавались речи о вечных законах правды и справедливости, о правах, прирожденных человеку. Ничего подобного в отцовском доме ему слышать не приходилось.

Будущий юрист был влюблен в поэзию Пушкина, с наслаждением читал повести Гоголя... В такой общественной атмосфере формировались интеллект и мировоззрение Александра Илларионовича. Он и сам сочинял эпиграммы, написал повесть. Но скоро понял, что литературное творчество — не его призвание. Молодой Васильчиков отдался изучению науки. Его избрали старшиной студенческого кружка — «бурсы».

Порядки, введенные в «бурсе», хорошо отражали нравы студентов того далекого времени. Они основывались на «братстве», круговой поруке. Было правилом спасать «бурсаков» от преследований закона в случае дуэли, помогать им скрыться, собирать для них деньги. Но неизменно на первом месте стояло поощрение здорового соперничества в учебе. В сочиненных Александром «Правилах» студенческого кружка читаем: «Те, которые посвя-

тили какое-нибудь ученое сочинение обществу, имеют большее право на избрание в советники («бурсы» — А. Д.), а те, которые в продолжении всего своего бытия в университете не показали себя сильными в какой-нибудь избранной науке, те не имеют права на диплом общего к ним особенного внимания».

В год окончания университета (1839) Александр Илларионович близко сошелся с М. Ю. Лермонтовым. Поэт почувствовал в нем родственную душу: Васильчиков отличался самостоятельностью суждений и не принадлежал к карьеристам, искателям чинов.

Двадцатилетний князь вступил в петербургский «кружок шестнадцати», состоящий из оппозиционно настроенных студентов и офицеров — М. Ю. Лермонтова, его двоюродного дяди и ближайшего друга А. А. Столыпина, П. А. Валуева (будущего министра внутренних дел и председателя Комитета министров), А. Н. Долгорукого, Н. А. Жерве, К. В. Браницкого и других. «Каждую ночь, возвращаясь из театра или бала, они собирались то у одного, то у другого, — писал К. Браницкий, — все обсуждали с полнейшей непринужденностью и свободой, как будто бы III отделения Собственной его императорского величества канцелярии вовсе и не существовало».

Говорили о безразличности крепостного права, об отсутствии гражданских свобод, о беззакониях, творимых царскими чиновниками. Резко осуждались великосветские «лвы и львицы» за равнодушное отношение к недавней трагической гибели А. С. Пушкина. Васильчиков соглашался с необходимостью изменений в обществе, допущением свободы слова. Хотя и не во всем был солидарен с лидером кружка М. Ю. Лермонтовым. Александр показал себя либералом. Верил в способность властей осуществить радикальные реформы, отменить крепостное право. Лермонтов же был настроен скептически и с иронией называл своего товарища «умником».

Князь закончил университет со степенью кандидата права. Перед ним открылась возможность сделать блестящую карьеру в столице. Но Александр Илларионович решает поехать на Кавказ с миссией барона В. П. Гана — организовывать там новые органы управления. Не раз приходилось ему участвовать в опасных экспедициях в отдаленные и глухие районы для инспектирования местной администрации.

Весной 1841 года князь приехал на воды в Пятигорск и поселился рядом с М. Ю. Лермонтовым. «Жили дружно, весело и несколько разгульно, как живется в этом беззаботном возрасте», — рассказывал Васильчиков.

Но эта жизнь продолжалась недолго. Произошла ссора между Лермонтовым и майором Мартыновым. Секундантами на дуэль были приглашены А. Васильчиков, А. Столыпин, М. Глебов, С. Трубецкой. Александр Илларионович — секундант Лермонтова — вспоминал: «Мы истощили в течение трех дней наши миролюбивые усилия без всякого успеха». Мартынов оставался непреклонным.

15 июля 1841 года М. Ю. Лермонтов погиб. Велико было нервное потрясение, пережитое князем после потери друга. Его память навсегда запечатлела все детали и мелочи того страшного дня. За участие в дуэли Васильчиков был помещен в острог и предан суду. Ожидали сурового приговора. Но император Николай I простил его «во внимание к заслугам отца».

Возвратившись в Петербург, Александр Илларионович поступил на службу во II отделение Собственной его императорского величества канцелярии, занимавшейся кодификацией законов. Но идеи студенческой «бурсы» и «кружка шестнадцати» не были забыты. Посещая светские салоны, князь несколько раз высказывался «за свободу слова». Царь лично сделал выговор вольнодумцу и строго приказал «перемениться».

После этого Васильчиков еще раз круто изменяет свою жизнь и уходит со службы. К тому же дворяне Новгородской губернии, где располагались имения князя, избрали его своим предводителем.

В Новгороде князь с большим вдохновением принялся за работу. Однако иллюзии довольно скоро развеялись. «По обязанности предводителя дворянства, — рассказывал он, — я производил несколько дел о распутном поведении помещиков, дел, сопровождавшихся самыми отвратительными преступлениями. И, к стыду нашего времени, должен признаться, что редко находил возможность обвинить преступника. Как только дело доходило до опроса свидетелей или повального обыска, мне возражали, что показания крестьян против господ не принимаются, а дворяне при повальном обыске отзывались неведением».

Васильчиков страдал извечной болью русской интеллигенции — «горем от ума». Однако он не сдавался. Оставив пост предводителя дворянства, принялся за самообразование, изучал историю крестьянства. Когда началась Крымская война, пошел в ополчение. Беспечность и взяточничество в тылу воинских частей, чудовищная техническая отсталость России (русские парусные суда против английских пароходов) окончательно убедили Александра Илларионовича, что «далее так жить нельзя». Это определило всю его деятельность в период реформ — перестройки 1860—1870 годов.

Общество осознало необходимость освобождения крестьян, но отсутствовало единство мнений. Консерваторы требовали освободить крестьян без земли с одними приусадебными участками, с сохранением за помещиками сильной вотчинной власти над бывшими крепостными. Их противники, к которым без колебаний присоединился и князь Васильчиков, стояли за крупные крестьянские земельные наделы и сельское самоуправление.

Александр Илларионович был близок к влиятельным реформаторам Ю. Самарину и Н. Милютину, встречался с ними, помогал советами. Способствовал осуществлению реформ как член Новгородского губернского по крестьянским делам присутствия. Когда же в 1864 году вышло Положение о земских учреждениях, Александр Илларионович становится гласным Новгородского земского собрания.

Идейная борьба между тем обострялась. По мере развития «перестройки» Александра-освободителя противники консерваторов разделялись на две группы. Одни — сторонники Н. Г. Чернышевского — делали ставку на революционное насилие. А либералы, в том числе Васильчиков, высказывались за постепенный и мирный прогресс общества.

Обострение этого спора поощряло Александра Илларионовича к научному поиску путей развития России. В течение нескольких лет князь пишет двухтомный труд «О самоуправлении», изданный в 1869 году.

Автор доказывал необходимость скорейшего устройства в России местного всеобщего самоуправления. Оно решило бы три узловых задачи: всеобщее начальное образование, общедоступный народный кредит, уравнение податей и повинностей крестьян и представителей всех других сословий. Появилась бы возможность подъема производительных сил и культуры деревни, причем главным образом силами самих свободных крестьян. Земства не отвечали идеалу самоуправления А. Васильчикова, и он предлагал решительно их перестроить в плане полного отказа от жесткой регламентации.

Васильчиков не склонен был идеализировать крестьянскую общину или искать в ее существовании причину чуть ли не всех бед землевладельцев. Он полагал, что бесконечные споры о судьбе общины уведут общество в сторону от главного — сосредоточения сил на создании стройной системы народного кредита в виде множества самоуправляющихся кооперативов, которые помогут крестьянам справиться с бедностью.

В развитии местного самоуправления, «выражающего правильное взаимодействие народной воли и местных властей в пределах закона и под сенью суда», Александр Илларионович видел разрешение вопросов о начальном образовании, народном кредите, об уравнении податей и по-

винностей. Ему — либералу по убеждениям — и в голову не приходило звать народ «к топору». Он принимает решение посвятить оставшиеся годы созданию системы российского народного кредита, действующего на основе кооперации. Это был последний в его жизни выбор. Как оказалось, самый главный, к которому Александр Илларионович шел все предшествующие десятилетия.

К шестидесятым годам прошлого века в Германии мировой судья из города Делич Г. Шульце создал несколько кредитных товариществ. В России первый ссудосберегательный кооператив появился в 1864 году в селе Рождествено Костромской губернии. Его основали крупные помещики Владимир и Святослав Лугинины. Отношения между кооперативами строились на принципах взаимопомощи. В случае нужды они брали в кассе деньги в долг, а после продажи своих продуктов делали денежные вклады.

Васильчиков пришел к выводу, что функции товариществ могут быть расширены. Оставаясь органами «самопомощи», ссудосберегательные кооперативы одновременно станут «артериями для проведения кредита из центральных банков — государственного и частных — в народ».

Так он предполагал насытить сельское хозяйство капиталами, удовлетворить потребности крестьян в орудиях труда, рабочем скоте и т. д.

Летом 1870 года по инициативе Васильчикова новгородское земство решило организовать несколько ссудосберегательных товариществ. В столице империи он собрал вокруг себя единомышленников — А. В. Яковлева, Е. де Роберти, В. Н. Хитрово... Возник так называемый «Петербургский кружок». Его члены приступили к созданию центра ссудосберегательных товариществ. Но сразу столкнулись с бюрократическими преградами. Выяснилось, что создать союз кооперативов можно лишь при каком-либо обществе сельских хозяев. Петербургское общество отказалось взять на себя ответственность.

Наконец Комитет сельских ссудосберегательных и промышленных товариществ образовался при Московском обществе сельских хозяев. В Петербурге же возникло его отделение. Но именно оно руководило ссудосберегательными кооперативами. Бюрократические рогадки удалось преодолеть.

Комиссия во главе с Васильчиковым разработала устав Петербургского отделения. В. Н. Хитрово вспоминал: «С нового 1871 года мы вновь собрались в кабинете князя Васильчикова (в Петербурге, в доме на Литейном проспекте — А. Д.), чтобы установить программу дальнейших действий и распределить между собою роли. И по возрасту, и по положению своему князь Васильчиков был нашим председателем, его не только выслушивали, но и исполняли его... ходатайства». Выходит, никто иной, как аристократ Васильчиков стоял у истоков российской кооперации.

В то же время личность Александра Илларионовича оценивалась в обществе совсем неоднозначно. Князь, унаследовавший от предков «родовые черты», был человеком корректным и сдержанным в проявлениях чувств, чуждым всякой аффектации. Некоторым разночинцам, мелкопоместным дворянам это казалось проявлением спеси, высокомерия. Но Александр Илларионович не придавал значения обидным для себя разговорам. На первом месте у него всегда были интересы дела, крестьянства.

На первых порах бюрократы-перестраховщики усмотрели в его деятельности «социализм», а самого князя называли «красным». Пропагандистской работе Комитета, изданию и распространению бесплатных брошюр чинились всяческие препятствия. Так продолжалось до тех пор, пока на московской Политехнической выставке 1872 года министр финансов М. Х. Рейтер не одобрил публично работу петербургского отделения. А через несколько лет А. И. Васильчиков и В. Н. Хитрово удостоились высочайшей благодарности за их патриотическую деятельность.

Александр Илларионович очень много сделал для про-

цветания своего детища. Он и его товарищи разработали образцовый устав «низовых» кооперативов, упрощенную систему счетоводства, издавали «Листок С.-Петербургского отделения». Князь помогал кооператорам налаживать связи с банками, ходатайствовал перед министром финансов о предоставлении им ссуд. В итоге за четыре года члены Петербургского отделения наладили работу более пятисот ссудосберегательных товариществ. Большого тогда сумели добиться лишь сотрудники Г. Шульце из Делича. На брюссельской международной выставке 1876 г. немецкому кооператору вручили золотую медаль, серебряную же было решено отправить в Петербург, в адрес отделения Комитета сельских товариществ.

Ежегодно Васильчиков выступал на заседаниях Вольного экономического общества с докладами о положении дел в ссудосберегательных кооперативах. «Князя Васильчикова нельзя назвать блестящим оратором, — читаем в газете «С.-Петербургские ведомости», — изложение его отличается безыскусственностью и простотой, подходящей местами до сухости. Но простота здесь находится в прямом отношении с богатством внутренним содержанием». Выступления князя привлекали общественность к идеалам, теории, практике кооперации. В России начинала формироваться отечественная кооперативная традиция.

Но доклады Александра Илларионовича вызывали и дискуссии. Его заявление о том, что ссудосберегательные товарищества создаются прежде всего для крестьян-средняков, которые в состоянии возвращать ссуды с небольшими процентами, подверглось критике некрасовского журнала «Отечественные записки». Журнал упрекал князя в «службе кулакам», требовал широко открыть двери кооперативов для «крайних бедняков». Васильчиков решительно возражал: нельзя строить кооперативное дело только на принципах благотворительности.

В начале восьмидесятых годов Александр Илларионович и его коллеги разработали проект организации банка поземельного кредита, построенного на кооперативных принципах. Крестьяне могли бы получать в нем долгосрочные кредиты для покупки земли. В этом виделось одно из средств решения аграрного вопроса. Однако проект остался неутвержденным из-за убийства 1 марта 1881 года народолюбцами царя Александра II.

Васильчиков тяжело переживал страшное событие. Он понимал, что ответом на убийство царя станет резкое усиление реакции и отказ от углубления реформ. С надеждами на скорое развитие кооперативного самоуправления приходилось расстаться на долгий срок. А коли так, то жизнь теряла смысл. Подавленное состояние, ослабив защитные силы организма, усугубило воздействие лихорадки, которая мучила князя осенью 1881 года. «Пора умирать», — такого от Александра Илларионовича раньше никогда не слышали... Князь скончался 2 октября 1881 года на 63-м году жизни.

Память об Александре Илларионовиче свято чтит его соратники и последователи. Был учрежден «Капитал имени А. И. Васильчикова», предназначенный для премирования авторов лучших научных сочинений, «касающихся хозяйственных условий жизни сельского населения». Труды Васильчикова стали настольными книгами кооператоров и земских работников. Созданное им Петербургское отделение Комитета сельских товариществ успешно действовало до конца 1917 года.

Прикамские леса... Немного они занимают места на обширной карте странствий писателя И. С. Соколова-Микитова, но он неоднократно вспоминал свое житье на берегах Камы, не теряя связь с теми, с кем свела его здесь судьба.

Известие о войне застало Ивана Сергеевича в Новгородской области. Там писатель провел первую, полную лишений, военную зиму. Весной 1942 года он с женой и дочерью эвакуируется в Пермь и становится специальным корреспондентом «Известий», совмещая журналистские поездки с работой в лесоохроне.

Нередко доводилось приезжать в Осу, где живет его друг — писатель В. В. Бианки. Директор Осинского лесничества Н. П. Катаев, человек интересный и доброжелательный, посоветовал Ивану Сергеевичу обосноваться в деревне Субботино, в 13 километрах от районного центра — поближе к лесу, природе.

«На постой» он встал к Анастасии Вахромеевне Субботиной — старушке от природы умной, с большим жизненным опытом. Она была грамотна, и в деревне считалась наставницей по житейским и хозяйственным делам. С Вахромеевной Иван Сергеевич нашел общий язык.

В ее домике жила еще одна старушка — Минна, американка. Приехала к сыну, который работал по найму в СССР. Началась война, и все планы нарушились. Минна оказалась в Субботино, где прожила одну зиму. Писатель Г. А. Горьнин сообщил мне одну из притч, которую он записал со слов Ивана Сергеевича.

«И еще жила с нами у Вахромеевны американка. Из Флориды приехала... И вот по утрам я вый-

ду — хотите верьте, хотите не верьте — сидят две старухи и вот разговаривают без умолку. Одна по-русски, другая — по-американски. Я говорю: «Вахромеевна, а вы понимаете друг друга?»

— А как же, — она говорит. — Понимаем, конечно. Об одном ведь мы с ней говорим».

В Осе я разыскал дочь Вахромеевны — Веру Осиповну. Она часто бывала в доме матери, общалась с писателем. Работала тогда в соседней деревне учительницей. Вот что рассказала Вера Осиповна о Соколове-Микитове.

— Это был высокого роста, грузный, богатярского сложения мужчина. Всегда курил трубку. Имущества у него было мало: вещевой мешок, печатная машинка, бумаги, ружье и зеленая эмалированная кружка — в ней Иван Сергеевич варил кофе. Была с ним пестрая собака с висячими ушами — с ней часто играла моя трехлетняя дочь Нина. Она чутьем ребенка чувствовала доброго человека: он то пошутит, то угостит кусочком сахара. Чтобы Нина не мешала, когда Иван Сергеевич работает, он давал ей листок бумаги и карандаш. Покладистый, говорил ласково, смеясь. Рассказчик был отличный, знал много народных пословиц, поговорок, примет — это нас очень поражало. Спал Иван Сергеевич на простой железной кровати, прямо на досках в спальном мешке. Вставал очень рано, печатал и печатал на машинке. И работал допоздна.

Одно время занимался фотографией.

Вера Осиповна роется в сундучке и достает несколько снимков, которые сделал Иван Сергеевич. На одном из них — Вахромеевна за пряхкой с внучкой Ниной.

— Часто ходил в лес, но стрелял мало, — продолжала Вера Осиповна. — Возле дома текла речка Березовка. Иван Сергеевич очень любил эту речку, восторгался ее чистотой, тем, что она «течет по галечкам». Пил ключевую воду, умывался по утрам и по возвращении из леса.

Мне довелось побывать в Субботино. Сохранился домик — крайний справа, если встать лицом к деревне при въезде со стороны Осы. Многие здесь напоминают «избу Вахромеевны»: и лес недалеко, и пасущиеся на лужайке гуси, и речка Березовка. Правда, она уже не та: вода загрязнена фермой.

...А Вера Осиповна, еще порывшись в сундучке, достает... письмо И. С. Соколова-Микитова от 14 февраля 1951 года:

«Вспоминаю иногда субботинское житье, и каким подчас хорошим оно теперь мне вспоминается. Часто представляю мудрую и гостеприимную Вахромеевну, Вас, сестру Вашу — сказочницу и тогда маленькую Нинку. Вспоминаю, как ходили

с Андреем по лесу за волками, как приходили ко мне весной девчата «фотографироваться» (чай, все теперь замуж повыходили?) — сколько наслышался я тогда интересных историй. Хорошо помню многих субботинских людей и даже Вахромеевых животных: старую гусыню и молодого гусака, кошку с котенком, весенних скворцов в скворешнях... Все это крепко и навсегда запомнилось.

(Подлинник письма вместе с фотографиями передан в Осинский историко-краеведческий музей.)

Кто такой Андрей? С помощью Веры Осиповны я списался с А. А. Меженным. Живет он в Новгородской области. С Иваном Сергеевичем был знаком еще до войны. Был ранен на войне, после госпиталя приехал в Осу и стал помощником лесничего, поселившись в Субботино.

Судьба сделала Андрея Александровича спутником писателя по охоте. В письмах он делится воспоминаниями об Иване Сергеевиче.

Была у писателя собака — английский сеттер. Иван Сергеевич то и дело обращался к ней с шутливым предложением: «Давай покурим трубку». На что собака усленно махала хвостом. Об этой собаке И. С. Соколов-Микитов писал в своей очерке «Мои собаки».

«В тяжелые годы войны я не расставался с любимницей Ринкой. В Новгородской области мы провели голодную зиму. Вместе со мною она побывала в лесном Прикамье.

Мы охотились в приуральских богатых дичью местах, летали на маленьких самолетах лесной авиации. Помню, как, положив красивую голову мне на колено, сидит она в тесной кабине самолета, как бродили мы с нею по прикамским поемным зарослям и лугам. Уже после войны Ринке-Малинке была присуждена самая высокая для собак награда. В Ленинграде за красоту и полевую работу она получила звание чемпиона, имела много ценных наград.

В то трудное время писателю жилось, как и многим советским людям, тяжело. Голодал, бывало, целыми днями. Иногда выручало звание писателя. В. Б. Чернышев в своих воспоминаниях приводит следующую историю, рассказанную И. С. Соколов-Микитовым.

В Осе председатель райисполкома дал Ивану Сергеевичу записку к колхозному начальству с просьбой выписать меду. В записке так и значилось: писателю.

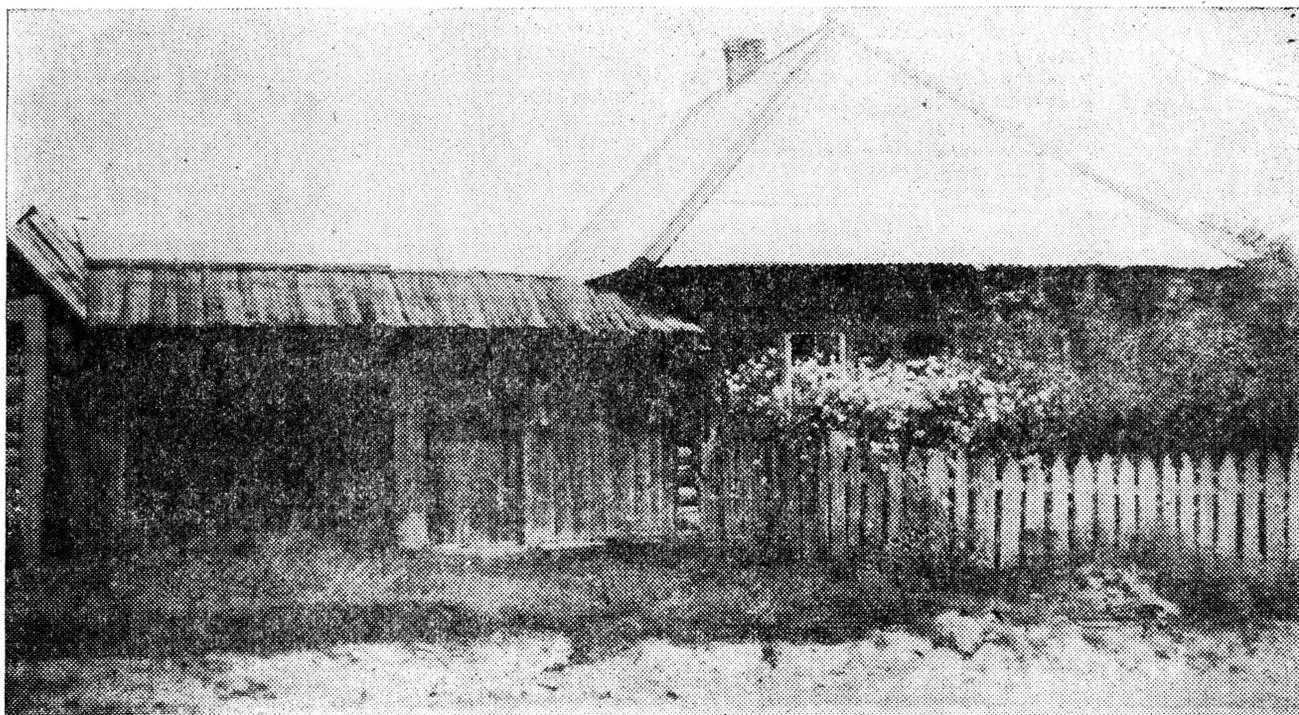
Иван Сергеевич пришел в деревню, ему показали председателю избу. Дома оказалась только жена, сам мылся в бане. Иван Сергеевич сел подождать. Пришел председатель — красный, распаренный и благодущный. Выпил стопку самогону, взял записку и стал звать жену. Та пришла. Председатель спрашивает ее, видела ли она когда-нибудь писателя. Та, к удовольствию хозяина, призналась, что нет, не приходилось. «Вот и я не видел, — сказал председатель, —

так вот смотри, — показал он на Ивана Сергеевича, — это писатель». Потом он начертал на записке распоряжение кладовщице, чтобы отпустила меду, но уже не столько, сколько просил предрика, а втрое больше.

Отпустили ему меду. Шел Иван Сергеевич с остановками, — слаб, нести неудобно. В деревне на улице был ключик, обстроенный колодой. Сел у ключика, решил поесть меду, запивая водой. Съел много. И сразу же почувствовал, как возвращаются к нему силы, как становится бодрее.

Здесь, в лесах Прикамья, писатель прожил три года. Осинские эпизоды вошли потом в рассказы «Бурлундук», «Лоси». В Субботино И. С. Соколов-Микитов подготовил книгу «Над светлой рекой». Это сборник рассказов и очерков о его северных путешествиях. Книга вышла в Пермском книжном издательстве в 1947 году и давно стала библиографической редкостью.

На снимках: И. С. Соколов-Микитов в Прикамье, дом Вахромеевны.

**Владимир
СЕРЕБРОВСКИЙ**

Первый подтвердил мою догадку П. З. Кочегин на страницах нашей областной газеты, а потом появился Ваше приветственное письмо, которое так обрадовало меня. С него я и начал создавать в своем собрании фонд «А. К. Югов»...

...Хотел уже подписаться, как вспомнил, что при чтении одной из Ваших статей в «Литературке» мне пришла на память поговорка «Дивеса — дыбом встали волосы!». Ее моя жена заучила на родине в с. Каргополье, тогда (1880—90 гг.) Шадринского уезда.

Шлю Вам свой земляческий привет.

Вл. Бирюков».

«ПО ЧАСТИ ЯЗЫКА ГЛУБОКО ПАШЕТЕ...»

Переписка В. П. Бирюкова и А. К. Югова

Владимир Павлович Бирюков и Алексей Кузьмич Югов были земляками. Первый родился в Далматовском районе Курганской области — по нынешнему административному делению, а по старому — в Шадринском уезде. Второй — в Куртамышском районе той же Курганской области, но деды у него были шадринские. Однако дело не в географии, а скорее в археологии. Любовь к истории и языку русского народа, исследовательский талант — вот что сблизило и подружило двух выдающихся сынов Зауралья.

Переписка их длилась менее десяти лет. У нас сохранилось 27 писем Бирюкова и 16 — Югова. Алексей Кузьмич сам не печатал на машинке, а отдавал свои письма на перепечатку супруге — Ольге Ивановне. Иногда обстоятельства не позволяли снять копии. Видимо, в архивах подлинники юговских писем сохранились в полном объеме.

Владимир Павлович, как и следует ученому, служил в архиве, был до педантизма аккуратен в своей переписке. Кроме писем, написанных в больнице или в поезде, все остальные перепечатывались на машинке. Все они, кроме одного, датированы. Почти во всех указано место отправки. Правда, после переезда в Свердловск автор допускал иногда небольшую «вольность» — писал «Уралгород».

Содержание переписки отражало любовь к народному языку; часто это было обсуждение статей Югова о языке и «Слове о полку Игореве». Владимир Павлович почти всегда был готов подкрепить примером то или иное утверждение Югова.

Земляки не только глубоко уважали, но и нежно любили друг друга. Поражает и восхищает скромность обоих, их взаимная доверительность. Узнав о бытовых трудностях Бирюкова, Югов трогательно заботился, находил слова для моральной поддержки.

Замечателен язык писем. Это полигон, где ни один выстрел не был сделан вхолостую. Употребляя слова и выражения, многими забытые, они наслаждаются взаимопониманием. Они не кокетничают архаизмами, а активно используют в своей речи все богатство русского языка. Высокая эрудиция, целеустремленность, преданность родному языку в сочетании с редкой скромностью и бескорыстием не могут не вызвать восхищений у всех, кто соприкоснется с их трудами и перепиской.

Письма печатаются в сокращении.

«Шадринск, 9.XII.1962 г.

Дорогой Алексей Кузьмич!

Вы дороги мне, во-первых, потому, что ратуете за народное слово, а во-вторых, Вы — мой земляк...

...Когда впервые за подписью «А. Югов» я стал встречать статьи по вопросам языка, подумал: «Вот ведь уральская фамилия и даже наша, курганская... Неужели он, автор, мой земляк?»

Вскоре состоялась встреча Бирюкова и Югова в Москве, и началась переписка. Югов поздравил Владимира Павловича с 75-летием и опубликовал в «Литературной России» (20.IX.63) статью «Потаенное сокровище».

«11.X.63. Шадринск

Эка втора — не на месте контора!

Дорогие Ольга Ивановна и Алексей Кузьмич!

Ваше письмо от 19-го августа начинается с экой вторы, а я вот «добавошно» к Вашей...

Спасибо Вам за память и юбилейное поздравление! Только Вы перевозносите меня излишне. В своем ответном слове на юбилейном заседании я сказал, что хожу в собирателях крупинок народной мудрости, а потому всегда памятую такие речения, как «Выпала честь на капусту», «Хвалили, хвалили, да под гору свалили», «Хвали сено в стогу, а барина в гробу». Хотел показать этим, что вовсе не упиваюсь великими хвалениями, которыми отметили курганцы, шадринцы, челябинцы и свердловцы мое 75-летие...»

Вскоре Алексей Кузьмич прислал номер «Литературной России» с отрывком из романа «Шатровы», где всего на двух страницах убедительно и художественно излагалась история Распутина. Многие рекомендовали тогда Югову написать роман о «чудотворце», но он отвергал даже разговоры об этом, считая, что для Гришки и этого хватит, а эпопею пишут о народе.

Письмо Бирюкова из больницы. 3.III.64 г.

«Вы есте соль земли; аще соль обуяет, чим осолится?»

Дорогой Алексей Кузьмич!

Мне иногда приходит мысль, если бы «Соль» была у Пугачева, то не было бы у него, вообще у этого движения, удачи? Зато такая Соль как Распутин, привела Романовых к трагическому концу.

Очевидно, Вы много потрудились, чтобы выявить полученное Николаем и Алисой воспитание с образованием. Для меня не загадка, что Распутин опутал их: людей так перерафинировали, что они тюменского дикаря-прордоху приняли за откровение и ниспосланника свыше...»

В переписке 66—68 годов явный пробел. Может быть, не сохранились письма. Но и возможности для переписки у Владимира Павловича сократились: в 1966 году случился паралич у его супруги, и два года он ухаживал за ней, не бросая и свою работу. В итоге сам попал в больницу, а жена — в Дом ветеранов труда.

В январе 1969 года Югов посылает свое, быть может, самое суровое слово о врагах русского языка — о «педелях». Это статья «Нельзя? Нет, можно!» («Наш современник», № 12, 1968 г.) Педелями в старинных школах назывались помощники инспекторов, которые следили за нравственностью учащихся.

Один из примеров — склонение слов пламя, имя, знамя, стремя. Один маститый литератор требовал

говорить и писать только «пламени», «имени» и т. д. А Югов доказывает правомерность применения усеченной формы без «ен».

Письмо Бирюкова от 31.01.69 г.

«Еще раз вижу, что Вы по части языка глубоко пашете, а я ведь все около берега, так что языкознанием мне не приходится делиться...

О словах на «мя»: у нас в Зауралье, да и на Среднем Урале, например, в Невьянске, говорят: вымё, симё, так что родительный на «мя» — законно! Ну на подобие «сито» — «сита»...»

Несколько слов о письме Югова, которого нет в бирюковском фонде и о котором не знал Владимир Павлович. Это письмо в правление Союза писателей РСФСР с просьбой представить «подвижника слова» к ордену Трудового Красного Знамени в связи с 80-летием. «Это будет почетом, которого давным-давно заслуживает этот изумительный человек», — писал в заключение Югов (5.III.69).

Письмо Бирюкова 27.V.69 г.

«Дорогой землячок, милый Алексей Кузьмич!

Сразу предупрежу, что мое письмо будет не из веселых, — возраст-то мой «не к Петрову, а к Покрову», а с другой стороны, подвергся я нападению злого гриппа...»

Далее идет рассказ о длительной болезни и о продолжении работы. В это же время Владимир Павлович получил вторую книгу эпосов Югова «Страшный суд».

Продолжение письма Бирюкова:

«...Читал я и радовался, как же Вы хорошо пишете — и стилистически, и психологически, и исторически. Шадринская и курганская обстановка того времени были несколько различными, так фигура Арсения Тихоновича, по незнанию прототипа, явилась для меня неожиданной. Не думаю, что этот персонаж — целиком плод Вашего творчества, а все же некий сколок с прототипа?

В заключение про домо суа (латинских литер в машине нет). Пока что бытовая обстановка у меня жуткая: соседней стесняюсь просить купить хлеба, молока и нередко сижу на пицце святого Антония. Вызвал двоюродную сестру и сговариваю жить у меня. Дала согласие, чем обрадовала меня!»

Письмо Югова 4.IV.69 г.

«За отзыв о «Страшном суде» спасибо. Конечно, Шадринск и «городок на Тоболе» сильно отличались друг от друга. Насчет «прототипа» старого Шатрова... Но спросите у пчелы, из нектара каких цветов составила она мед свой? А Матвей Кедров? Роман есть роман!...»

30 сентября 1969 года Бирюков откликнулся на статью Югова «Русский язык сам собой правит»:

«Как не согласиться со всем тем, что Вы пишете, как не задуматься над многими положениями...»

Приходит на память слово «тесник»:

— Пошто же он такой маленький? — спрашивает человек о карлике.

— Тесник у него, — отвечает другой.

Подумайте только: человеку бы надо расти, а в теле какая-то теснота, засел какой-то тесник, ну и растущий стал карликом, не успев развиваться до нормального роста...

...Докладываю, что, вернувшись из заключения (исправительное учреждение, именуемое «дом отдыха»), тотчас же поехал в Шадринск, даже не успев в Свердловске ладом опнуться (Ваш тятенька, наверняка, говорил это словечко, а Вы его знаете?), а оттуда в Курган...

...В газете «Советское Зауралье» прочел о звериноголовском бате, отце Василии Бирюкове. В годину смерти Льва русской литературы, отлученного синодом, батя решил поставить этому синоду «дулю» — поехал в Ясную Поляну и на могиле Толстого отслужил панихиду. Полиция, конечно, всполошилась, давай искать попику, а он уж скрылся...

А Вы знали того батю — «отца» Василия?»

Письмо Югова 28.X.69.

«Дорогой Владимир Павлович!

Ваши светлые письма всегда столь насыщены строго

деловыми вопросами, что я, боясь упустить что-либо, сразу начну с ответов на них.

От деда моего, Александра Симоновича Югова, я лет семи слышал как бы песенку, очень жалостную, по ходу какой не помню сказки. Вот уцелевший в моей памяти отрывок:

- Уточка моховая,
Где ты ночесь ночевала?
- Под мостом, горстишком,
Под городом городишшом...

Далее в моей памяти — зияние. Но твердо помню, что напевно сказывал он и такую строфу:

- ...Князя Романа убили.
Под мостом схоронили.
Вы, гудцы, не гудите;
Князя Романа не будите!

Вот и все, что я помню об этом. Удивляться, что идет речь о князе Романи, не приходится. Вспомните: «Князь Роман жену терял...» Слово «гудцы» явно говорит за древность этого сказа. И что еще примечательно: ведь знаменитый Роман Галицкий (отец Даниила) действительно был убит предательски, во время объявленного перемирия, на охоте, у реки...

Дед мой был родом из села Галкино Шадринского уезда. Неграмотный, но знал много сказок и на память всю церковную службу. А кроме того славился как чудотворный лекарь-бессребреник, в особенности — нервных припадков. Помню, он говорил мне: «Я ветвь, Алешенька, не дьяволицыной лечу, а божественный!»

Отца Василия Бирюкова я, к сожалению, не помню: когда скончался Лев Толстой, мне было всего 8 лет.

Письмо Бирюкова 25.VI.1970 г.

«Ваша рукопись «Русский язык сам себя (правильно: «собой» — В. С.) правит» очень и очень обрадовала меня. Вот это настоящий архивный материал, а книги это все-таки полураритет, на который истратено бумаги центнерами. А рукопись есть рукопись, второе лицо автора, отражение его в прекрасном зеркале, нечто в единственном экземпляре, своего рода однолюбие...»

Последнее письмо Бирюкова 23.XII.70 г.

«...Ваш личный фонд в нашем УралЦГАЛИ позавчера обогатился еще одним Вашим произведением — переводом «Слова о полку Игореве»... Получил я книгу во время работы в архиве. Как же утерпеть, чтобы сейчас же не уткнуться в дорогие строки. Все-таки это удивительное творение! Пока книгу в Ваш фонд я не положу, а подержу у себя на рабочем столе, чтобы время от времени «приглядываться» к ней. Не сохранилось ли у Вас черновики этой работы? Если сохранились, то что Вы намерены сделать или уже сделали с их судьбой? Пишу, как видите, со своего архивного коня...»

Письмо Югова в газету 9.VII.71 г.

«Дорогой товарищ редактор!

Может быть, «Советское Зауралье» найдет место для этой страницы воспоминаний о незабвенном Владимире Павловиче Бирюкове. Весть о его кончине дошла до меня с запозданием по причине моего тяжелого заболевания и выезда в Подмосковье.

Если возможно, обезопасьте мой текст от всякой правки...

...С уважением Алексей Югов».

Как-то рассказывая о своем жизненном пути собира- теля, Владимир Павлович приводит услышанное им от одного рабочего выражение: «Жизнь моя прошла на больших весах». Вот почему последняя статья Югова о Бирюкове названа «На больших весах»...

Соавтор «Интернационала» и Лев Толстой

Валентин
ШУМОВ

В августе 1893 года в Ясную Поляну пришел молодой человек в форменной тужурке горного ведомства. Это был штейгер рудника, расположенного недалеко от Ясной Поляны, у селения Колпны, Аркадий Коц.

Сын мелкого служащего из Одессы, он окончил четырехклассное городское училище и уехал в Горловку — небольшое поселение в Донбассе с крупным рудником Общества южнорусской каменноугольной промышленности. Там, при Корсунском руднике, существовало горное училище, в котором готовились штейгеры и маршейдеры. Аркадий выбрал профессию штейгера — специалиста, ведающего рудничными работами.

Молодого горного техника приняли заведующим шахтой на руднике Гиля в Колпнах Тульской губернии. А по соседству жил гениальный писатель, чьими произведениями Аркадий зачитывался.

Так в августе 1893 года он оказался в яснополянской усадьбе. Толстой приветливо встретил юношу. Узнав, что он горняк, дотошно расспрашивал, какие существуют устройства для предупреждения от падения в шахту рабочих в случае, когда канат, к которому подвешена клеть с людьми, внезапно обрывается.

Аркадий рассказал, что существуют приспособления, называемые парашютами, объяснил их устройство и принцип действия. Лев Николаевич слушал внимательно. «Из-под нависших бровей сурового и, как мне казалось, огромного лица на меня были устремлены глаза, забыть которые невозможно, — писал потом в своих воспоминаниях А. Я. Коц. — Взгляд их как бы пронизывал меня насквозь, добираясь до самого дна души, и

чувствовалось, что от него никуда не скроешься».

Спустя почти год, 21 июля 1894 года, Толстой сам посетил рудник в Колпнах. Он вспомнил прошлогоднего знакомого, и Аркадий Коц сопровождал его при осмотре шахты, давал пояснения.

В 1897 году Аркадию удалось уехать за границу, он стал студентом Парижского горного института. Среди прогрессивно настроенной французской молодежи тогда пользовались популярностью песни Парижской коммуны, а также «Интернационал», созданный участником парижских баррикад Эженом Потье.

Аркадий Коц, вошедший в среду русских революционеров-эмигрантов, тоже сочинял вольнолюбивые стихи, переводил творения участников Парижской коммуны. Он перевел на русский язык и три строфы «Интернационала».

В 1902 году выходящий в Лондоне марксистский журнал «Жизнь» опубликовал перевод А. Коца. Вернее, это было вольное переложение с французского на русский язык первой, второй и шестой строф «Интернационала».

Перевод Аркадия Коца оказался самым удачным. Ведь «Интернационал» переводили многие русские поэты, в том числе и Вл. Маяковский. А прижился один.

Вернувшись в Россию, А. Коц опубликовал ряд других переводов с французского, в том числе Поля Лафарга «Поклонение золоту» и Октава Мирбо «Дурные пастыря».

В 1907 году петербургское издательство «Наш голос» выпустило сборник стихотворений Аркадия Коца «Песни пролетариев». Однако полиция конфисковала его и уничтожила. Одно из стихотворений этого сборника посвящено Л. Н. Толстому — «Я слышу звук его речей».

Я слышу звук его речей...

Среди всеобщего смятения

Великий старец наших дней

Зовет на путь непротивленья.

После конфискации книжки А. Коц долгие годы не брался за перо. Лишь в советское время он вновь стал писать стихи, которые публиковались в днепропетровской газете «Борьба», харьковском «Пролетарин». Многие из них были посвящены близкой и хорошо знакомой автору шахтерской героике.

В предвоенные годы Аркадий Яковлевич Коц жил в Москве, а в октябре 1941-го перебрался из прифронтовой столицы на Урал и поселился в Свердловске. Тяжело болел, но продолжал творческую работу. Его стихи печатались в газете «Уральский рабочий». В сборнике «Говорит Урал» было опубликовано стихотворение «Два сына — два бойца». Сыновья поэта были на фронте. Младший — Юрий — командовал ротой и вскоре погиб.

15 июля 1942 года старый поэт с гордостью сообщал литературоведу А. Дымшицу, что стихотворение «Тебе, Урал» «переложили на музыку, скоро будут распевать». Музыку для хора на стихи А. Коца написал Дм. Шостакович.

Поэт умер 13 мая 1943 года в Свердловске. В некрологе говорилось: «А. Я. Коц — поэт-гражданин, политический лирик, страстный интернационалист и гуманист. Стихи его отмечены пафосом поэтизации труда и гражданского долга».

г. Каменск-Шахтинский

Встреча через 70 лет

Александр
КРОПАЧЕВ

В восемнадцатом году мой дядя Павел Николаевич Кропачев, бывший солдат царской армии, собрал партизанский отряд для борьбы с белыми. Из его родной деревни Муравьевки (ныне Уинский район Пермской области) ушли вместе с ним братья Илья и Егор Бяковы, Николай Скурепов и другие. Действовал отряд в районе между городами Осой и Воткинском.

Мой отец Василий Кропачев, двоюродный брат командира отряда, остался в деревне. Его и в царскую армию не призвали как единственного кормильца: четверо детей малолетних (братья и сестра), и жена Агафья Павловна готовится стать матерью.

В один из сентябрьских дней 1918 года, когда в деревне стоял колчаковский отряд, мой отец бесследно исчез. Искать, делать запросы — не то было тогда время. Решили в семье, что колчаковских это рук дело, оплатили потерю кормильца и стали жить дальше. Через несколько дней после исчезновения отца появился на свет я.

Что и говорить, трудно пришлось с нами матери одной. В мае 1921 года вернулся из немецкого плена дед — Федор Екимович — с орденом Святого Георгия, который я храню по сей день. Мне тогда не было и трех лет, но в памяти сохранилось: сижу у деда на коленях, а женщины — моя мать и бабушка — падают ему в ноги, выражая свою радость, — глава большого семейства домой вернулся...

После окончания гражданской войны дядя Паша с семьей и некоторыми однополчанами оказался в Ташкенте, где и остался жить. Но часто навещал родных в Муравьевке. Бывая у нас, просил:

— Агаша, отдай мне Шурика,

Я его выучу, на ноги поставлю. Тебе одной этого не сделать.

— Что ты, Паша,— отвечала мама,— как я его отдам. Ведь заре-вусь без него.

Я держался за подол мамино-го платья, тоже готовый зареветь.

Среднего образования в школе я так и не получил — только семилетнее. Мама в 1935 году скончалась. Пришлось работать. А учился потом — перед войной при политотделе погранвойск Белорусского военного округа на курсах киномехаников.

После демобилизации работал в Уинском районе. Как-то приехал к нам дядя Паша. Было это в 1954-м. Пришли мы с ним ко мне домой, сели обедать.

— Саша, так ты и не знаешь судьбу своего отца? — спросил он меня и, помолчав, продолжил: — Ты меня прости, если можешь, но в исчезновении Василия и я тогда был виноват. Не рассказывал тебе, ждал, когда станешь взрослым.

И дядя Паша вернул меня в сентябрь 1918 года.

Решил он тогда повидаться с родными в Муравьевке. Пришел в деревню ночью с группой партизан, разведал обстановку. Колчаковцы базировались в нижнем конце деревни, а дом его отца стоял на противоположном краю, у Коробейниковского леса. Спешил. Сестра Мария сообщила о госте двоюродному брату Василию. Тот мигом прилетел. Обнялись, поговорили. Прощаясь, Василий спросил:

— По какой дороге поедешь в отряд?

— По дорогам ездить нельзя — всюду колчаковцы. Поеду Коробейниковским лесом. Поздравляю тебя, братан, с будущим сыном — раз сына ждешь.

Так и простились.

Вернувшись домой, Василий надернул уздечку на единственную в хозяйстве Рыжуху, сунул за пазуху каравай ерушника (хлеб из овсяной муки с примесью суррогатов) и поехал вдогонку партизанам. Догнал по следам смятой травы.

Павел напугался на братья-ника:

— Что ты делаешь, сукин сын! Дома четверо — мал-мала меньше. Агаша на сноях. Возвращайся домой немедленно!

Но ни уговоры, ни брань не помогли. Василий остался в отряде.

Долго воевать ему не пришлось. В одной из вылазок он был тяжело ранен. Врача в отряде не было, и Василий скончался...

Так я узнал о печальной судьбе своего отца. Не осталось от него в семье даже фотокарточки.

Позднее я организовал в Чернушках музей истории конезавода «Азинский». Есть в музее материалы

и о легендарном начдиве Вольде-маре Азине. В книге удмуртского издательства «Владимир Азин» встре-тил фотографию группы бойцов дивизии. Фамилий не было, но один из солдат оказался мне похожим на брата отца — дядю Максима. Снял с фотографии копию и послал в Шадринск сестре отца — тете Наде: не признает ли кого на фото. Каково же было мое удивление, когда тетя Надя ответила: с правой-то стороны солдатик стоит — мой брат Васенька, а твой отец!

Вот так в 1988 году произошла моя первая встреча с отцом.

Теперь фотография висит в музее против моего рабочего стола. Работая вместе с отцом. Утром, подхо-дя к фотографии, говорю: «Доброе утро, папа. Как ночевал, здоров ли? Привет тебе от моей супруги Клав-дии, твоей снохи, от дочери Светла-ны, твоей внучки...»

И мне кажется, что отец улыба-ется мне: «Ну вот и хорошо, сын. Вот и хорошо».

г. Чернушки Пермской обл.

Пугачев на уральских заводах

Михаил ПЕТРОВ

До сих пор точно неизвестно, кто же построил Верхнесергинский и Нижнесергинский заводы, распо-ложенные на юге Свердловской обла-сти. Инженер И. Ф. Герман в своем «Описании заводов, под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоящих» пишет, что построены они бывшим дворянином Иваном Ни-китиным Демидовым. То же самое сообщает нам «Русский биографиче-ский словарь», изданный в 1905 году, и «Календарь-справочник Свердло-вской области» 1968 года. А вот ис-следователи уральской горнозавод-ской промышленности Н. И. Павлен-ко и Б. Б. Кафенгауз, а также «Исто-рия Урала», вышедшая в 1989 году, утверждают, что Сергинские заводы основал Никита Никитич Демидов.

Почему же возникло такое раз-ногласие? Ответ прост. Оба Сергин-ские заводы в январе 1774 года ока-зались во власти Пугачева. И хотя заводы сдались без сопротивления, победители сожгли лесопильную мельницу с деревянными частями

плотины и пристань с поселком. Надо полагать, что была уничтожена и контора со всеми документами, по-тому и нет никакой возможности вос-становить имена первых строителей.

А конторы сжигали зачастую не пугачевцы, а сами рабочие. Вот как пишет об этом Д. Кашинцев в «Исто-рии металлургии Урала»: «Первое, на что набрасывались после захвата повстанцы и их союзники из завод-ского населения, были деньги и доку-менты. Деньги, как правило, посту-пали в распоряжение штаба и неред-ко многотысячными суммами пере-правлялись в войсковой центр. До-кументы же, а именно долговые де-нежные «письма» и трудовые дого-воры, конторские шнуровые книги и всякие «письменные дела, даже раз-ные «присутственных мест указы», — все шло в огонь. Так приписные крестьяне и закабаленные масте-ровые пытались ликвидировать свою юридическую зависимость вслед за фактической...»

Как пишет тот же исследователь, в «легких» случаях грабеж ограни-чивался только господским и приказ-ным инвентарем и поджогом до-мов, в более тяжелых повстанцы рас-таскивали инструменты и готовый металл, а в катастрофических, как это было при восстании башкир на юге, разгрому и огню подвергалось все, могущее быть уничтоженным, — от мирных хижин работников до пло-тин, цеховых зданий и агрегатов. Так, на Билимбаевском заводе «доменное действие остановлено и совсем за-стужено». На Уткинском заводе до-менную печь остановили «необыкно-венным порядком». На Урале семь пострадавших заводов так и не смо-гли никогда оправиться от разгрома. Среди них Кухтурский (возле Бело-рецка), основанный в 1770 году.

Двадцать пять заводов после за-хвата и разрушения были восстано-влены через 2, 3, 10 лет.

Саткинский завод вначале был занят пугачевцами, потом башкира-ми, разорен и сожжен. Повреждена была плотина, пришла в негодность домна, уцелело только несколько кричных горнов. Завод понес убыток в 514 217 рублей. За 26 месяцев про-стоя не выплавлено меди 3085 пудов, чугуна — 363 тысячи пудов.

На Урале во время пугачевского восстания так или иначе пострадал 101 завод с общим обывком в 2 млн. 770 тыс. руб., не считая стоимости невыплавленного за это время ме-талла. Погибли и пропали без вести 3578 мастеровых и крестьян.

Однако разрушенные заводы бы-ли восстановлены и производство чугуна вышло на прежний допуга-чевский уровень. Если в 1770 году выплавлялось 3,9 млн пудов, то в 1780 году 5,3 млн.

Скачок был обусловлен двумя

немаловажными обстоятельствами. В 1774 году Россия выиграла войну с Турцией, и для нее открылся торговый выход в Средиземное море.

Кроме того, Англия начала длительную войну со своими Северо-Американскими колониями. Спрос на русское железо из года в год начал повышаться, и одновременно стали расти на него цены.

Все это и побудило уральских заводчиков в кратчайший срок наладить производство черного металла.

г. Екатеринбург

Русская вилла в Риме

Виталий ДОВГОПОЛ

В Италии немало мест, имеющих отношение к Уралу, и, в том числе, это римская вилла «Абамелек», которая принадлежит советскому посольству. Итальянцы говорят: «Владеть этой villой — все равно что в центре Москвы иметь в своей собственности Александровский сад».

Мне посчастливилось быть в составе советской делегации на 44 Международном конгрессе литейщиков, он проходил осенью 1977 года в г. Флоренции. В сопровождении сотрудника нашего посольства Чернышова мне была предоставлена возможность посетить vilлу «Абамелек», почти в самом центре Рима. Виλλα соседствует в южной части Ватикана, который находится на возвышенном месте. По территории «Абамелек» проходит ветка (в туннеле), связующая с 1932 г. Ватикан с сетью итальянских железных дорог. За аренду земли, занятую этой веткой, Ватикан платит советскому посольству. Площадь villы «Абамелек» около 33 гектаров, а Ватикана — 44.

Виλλα была подарена России по завещанию князя Семена Семеновича Абамелек-Лазарева (1857—1916 гг.). Князь в 1897 году женился на Марии Павловне Демидовой Сан-Донатто (1873—1956 гг.) и таким образом породнился с родом Демидовых. Ее отец Павел Павлович (1839—1885 гг.) купил в 1872 году в Италии недалеко от Флоренции vilлу «Праوليوно», перешедшую по наследству его дочери Марии; vilлой она владела до конца своей жизни.

Детей у Абамелек-Лазаревых не было. После смерти его и жены — Марии Павловны, Абамелек-Лазарев

завещал римскую vilлу русской Академии художеств:

«Римскую мою vilлу, называемую «вилла Абамелек» и находящуюся вне ворот Св. Панкратия, со всею движимостью и землюю при близительню в триста метров оставляю в пожизненное владение жене моей княгине Марии Павловне Абамелек-Лазаревой, урожденной Демидовой. После ее смерти vilла Абамелек с движимостью и землюю завещается в собственность СПБ Императорской Академии Художеств для жительства в ней пенсионеров Академии, изучающих в Риме живопись, скульптуру и архитектуру на счет Академии. Если бы Академия послала в Рим профессора, директора или инспектора, то жить и ему в моей vilле. Непременно мое желание, чтобы vilла носила бы навсегда имя vilлы «Абамелек», чтобы деревья в ней не рубились, чтобы земля не застраивалась и чтобы земля не отдавалась в наймы под постройку зданий, чтобы художественные и просто древние предметы хранились в целости, никуда не увозились из vilлы. Проценты с завещанного миллиона должны идти на необходимые ремонты и на содержание vilлы в порядке, как при моей жизни. Если Академия Художеств не пожелает или не сможет принять на сих условиях vilлы, или если Академия перестанет посылать пенсионеров в Рим, то завещаю мою vilлу после смерти моей жены, на тех же условиях, императорской Академии наук с тем, чтобы она открыла в Риме Исторический Институт, носящий мое имя».

Далее в завещании было сказано, что в случае, если и Академия наук откажется от vilлы, то она должна быть продана, и сумма, вырученная от продажи, передана на врачебно-санитарные нужды в Тульской губернии.

Вышеуказанные положения завещания должны были вступить в силу лишь после смерти княгини Марии Павловны, ей vilла передавалась в пожизненное пользование. (Центральный Государственный Исторический архив СССР; Ленинград, Фонд 789, оп. 24, год 1917, дело 149). Вдова же, Мария Павловна Абамелек-Лазарева, в годы второй мировой войны здесь не жила. В период деятельности в Италии Союзной Контрольной Комиссии vilла «Абамелек» по ордеру военных властей была занята в 1944 году под клуб советских офицеров и резиденцию Советского представителя в Контрольной Комиссии.

Используя то обстоятельство, что вдова Абамелек-Лазарева не проживала в Риме, власти Королевским декретом от 26 мая 1946 года конфисковали vilлу. Но вскоре, 27 февраля 1947 года, Декретом временного

главы Итальянской Республики vilла была передана Советскому Союзу.

На территории vilлы было возведено для нужд нашего посольства несколько малоэтажных строений, посколькү это диктовалось архитектурными формами близлежащих зданий (собор Святого Петра, высота которого 132,5 метра). Здесь сохраняется также 6 кирпичных зданий XVIII века. Здесь — богатая картинная галерея, исторические музейные ценности. Здесь постоянно живут советские художники, приезжающие в Италию для творческой работы. Здесь разместились сотрудники советских представительств в Риме, здесь же находится дом приемов нашего посольства. Тут богатый парк. Почва — желтозем. Я взял образец ее и передал его Нижнетагильскому краеведческому музею, так как по некоторым данным эта vilла в прошлом была демидовской и, следовательно, эта земля была куплена за деньги тагильских предприятий, и в настоящее время также является собственностью советского государства.

О том, что vilла, получившая наименование «Абамелек», когда-то принадлежала Демидовым, мне еще в 1960 году говорил бывший наш посол в Италии Богомолов. Подтвердил это и сопровождающий меня посольский сотрудник Чернышов. Во время нашей экскурсии он задал мне вопрос: не наследник ли я Демидовых, что так подробно интересуюсь историей этой vilлы? Я ему ответил: «Никакой я не наследник, а просто тагильчанин, а Нижний Тагил — это бывшая вотчина Демидовых».

О наличии в начале XIX века Демидовской усадьбы в Риме есть упоминание знаменитого французского писателя Стендаля (1783—1842 гг.). В его рассказах «Прогулка по Риму», впервые изданных в 1829 году, писатель сообщает, что у Николая Никитича (1773—1828 гг.) в Риме был дворец (палаццо Русполи), где он держал труппу французских актеров и за их вольное поведение попал в немилость римской полиции и папы Римского Льва XII (годы папства 1823—1829 гг.), и затем переехал во Флоренцию, где он с 1815 года и жил почти постоянно.

Архивными и литературными источниками о принадлежности в прошлом этой vilлы Демидовым и каким образом в начале этого столетия она стала собственностью князя С. С. Абамелек-Лазарева я не располагаю.

Искор

городок на Искорке

Первые сведения о городке Искоре — столице Искорского княжества — обнаружены в древних актах 1472 года. Городок этот, оказывается, был важным стратегическим пунктом в период завоевания Москвой Перми Великой. Именно здесь, у Искора, сошлись в смертном бою дружины московского князя Федора Пестрого и чудская великопермская рать. Верх взяли московские ратники. Искор пал, а с тем завершилась и покорение Перми Великой — она стала автономной областью Московского государства.

Известно даже, что это случилось на Фоминой неделе после Пасхи, следовательно, в апреле месяце. По сию пору неподалеку от села Искор посреди поля видны две лесные рощи. Они обозначают собой два могильника. В одном похоронены воины, погибшие в том памятном бою, другой — более раннее чудское захоронение. На месте первого стояла некогда часовня.

Однако археологические находки — чудское городище и чудской могильник — относят время появления городка едва ли не к V—VII векам — периоду царствования в Персии династии Сассанидов. Вполне возможно, что уже тогда стоял Искор на пути торговых сношений Прикаспийских стран с Северной Двиной.

Таковы труднодостижимый возраст и многосюжетная история этого невеликого ныне села на речке Искорке (притоке Колвы) в Чердынском районе Пермской области. Не всякая многомиллионная столица такой историей может похвастаться.

Ныне здесь немного осталось свидетельств прошлого. Первый свидетель — конечно, Рождественский храм, выбравший себе самое высокое место в центре села. Он возник в 1783 году стараниями старинной искорской фамилии зажиточных крестьян, купцов и баржестроителей Пешехоновых.

Ныне двери и окна храма безбожно распахнуты. Гуляет под сводами ветер, хозяйничают голуби и галки. Стены выщерблены, разрисованы и исписаны непростояностями. Храм полон униженной красоты и святости.

Но вопреки всем надругательствам сияет со стен интерьера великолепная роспись. Текст, уцелевший на одной из арок, сообщает нам, что стены в алтаре, самом храме и трапезной расписаны в 1869 году иконописцем села Усолье Александром Ивановичем Мельниковым. Перед нами сюжеты евангельской истории о земных деяниях, гибели и воскресении Иисуса Христа. В трапезной находим изображение Христофора с песьей головой, покровителя охотников...

Как пишет историк Чердынского края Г. Н. Чагин, искорский храм Рождества Христова славился в прошлом богатым набором колоколов; украшали церковь печь с изразцами XVIII века, искусной работы деревянная решетчатая дверь между крыльцом и папертью, пятиярусный иконостас...

В самом начале XIX века к основной церкви был пристроен большой придел, освященный в честь Великой Параскевы Пятницы. Эта ве-

ликомученица в пору римского гонения на христиан была приведена на суд к правителю области, и тот обещал взять ее в жены, если она отречется от Христа. Параскева предпочла расстаться с жизнью...

С этой святой и связан эпизод, происшедший в здешних местах и описанный добросовестным историком И. Я. Кривошековым в его «Словаре Чердынского уезда». Икона великомученицы Параскевы явилась, якобы, искорцам на пне в Чудском городище. На месте этом была воздвигнута часовня, и в девятую пятницу по Пасхе сюда стекались не только искорцы, но и жители отдаленных селений.

И. Я. Кривошеков, побывавший в Искоре в начале нашего века, нашел здесь 178 дворов и 1026 жителей обоего пола, которые занимались заготовкой и сплавом леса, баржестроением, извозом, охотой и рыболовством. В селе с 1877 года существовало земское училище, начало которому положил своими пожертвованиями Наум Якимович Пешехонов, а содержало уездное земство. Историк сообщает, что право открыть школу Пешехонов купил на сельском сходе за два ведра водки.

Кроме того, в селе была церковно-приходская школа, ветеринарный и фельдшерский пункты, земская станция. Действовали семь кузниц, кирпичделательное и два синильных заведения. 8 сентября и 26 декабря проходили в Искоре торжки.

Ю. СЕНТЯБРЬ

Александр
МАТВЕЕВ

ОХОТА ЗА ИМЕНЕМ

Теперь уже не узнать, когда возникли первые топонимы и вообще собственные имена. А вот на вопрос, что древнее — собственное имя или нарицательное, ответ найти можно: сперва человек должен был понять, что и он, и другие, сидящие рядом с ним у костра, двуногие существа — одно и то же, а уж потом, что люди — не на одно лицо. То же самое с горами и реками. Прежде всего надо было осознать, что и та, и другая, и третья возвышенность — «гора», а уж потом, что у них разная форма или цвет. Короче говоря, общие понятия должны были возникнуть раньше. А что это именно так и случилось, подтверждают первобытные имена.

В детстве мне очень нравился мужественный и благородный Нао, главный герой повести французского писателя Жозефа Рони Старшего «Борьба за огонь». Теперь-то я понимаю, что даже самые лучшие из наших далеких предков — людей каменного века — были не столь идеальны: суровой и жестокой была их жизнь. И все-таки между человеком и животным уже пролегла пропасть: каменные орудия и «открытие» огня сделали человека хозяином Земли. А его союзником в освоении мира стал язык: на смену первобытному стаду пришел коллектив мыслящих и говорящих людей.

Мы можем только догадываться о том, как древние люди именовали друг друга, как называли реки и горы. Давно отзвучала первобытная речь. И только языки теперь уже немногих отсталых племен в глухих уголках земного шара — где-нибудь в джунглях Амазонки или на Новой Гвинее — да сама логика развития языка подсказывают, как могли выглядеть первые собственные имена людей и мест — антропонимы.

Правда, писателям «древникам» нет дела до таких тонкостей. Они придумывают ничего не значащие, но красивые имена для своих положительных героев, неблагозвучные — для отрицательных: недаром племя Нао называется Уламры, соперник Нао — Агу, племена людоедов — Кзамы. Все это обычная «писательская» выдумка. Невероятно, чтобы в то время, когда только еще возник язык, человек упражнялся в создании красивых, но бессмысленных собственных имен. Даже представить трудно, чтобы сидящие у костра неандертальцы спорили о том, как назвать младенца — Нао, Лао, Рао или еще как-нибудь в этом роде.

Конечно, и сейчас в русском языке сколько угодно

«бессмысленных» собственных имен, например, Петр или название реки Сылва. Но историк языка знает, что русские заимствовали эти слова и что в древнерусском языке петра — «камень», «скала», а Сылва в переводе с коми-пермяцкого «Талая вода».

Собственные имена образуются от нарицательных или от уже существующих собственных. Поэтому правы те писатели-«древники», которые называют своих героев, конечно, «в переводе» на русский язык — «Длинноногий» или «Одноглазый», а географические объекты — «Большая река» или «Черная гора». Прав тот же Рони Старший, когда в тексте его повести появляются Сын Зубра, Сын Леопарда, Люди Без Плеч, Большое Болото.

Такие же топонимы и антропонимы бытуют и у «первобытных» народов современности. В знаменитой книге Джона Теннера «Тридцать лет среди индейцев», которая так понравилась в свое время А. С. Пушкину, есть Черепашья гора, Раковинная река, Озеро Грязной воды, Гора Охоты На Бизонов. А людей индейцы называли: Отрезанная Рука, Маленький Ястреб, Тот У Кого Есть Колокольчик, Украшающий Себя Перьями...

Значит, никаких Нао и Агу в древности не было и не могло быть. Писатели-«древники» явно фантазируют. Советская и зарубежная фантастика кишит экзотическими названиями планет, космонавтов и инопланетян. Сочиняют кто во что горазд... Только бы позвучнее! А между тем самые древние имена не сочинялись. Они возникли естественно: одноглазый человек становился Одноглазым, большое болото — Большим.

Без собственных имен — как без рук. Но в древности они значили больше, чем имя. отождествление имени и предмета, имени и человека вело к наивной вере, что, узнав имя врага, можно погубить его при помощи магических обрядов. Поэтому имена хранили в тайне от чужих людей. Вот почему у первобытных народов охотники за черепами одновременно были и охотниками за именами.

Известный датский писатель и путешественник Арне Фальк-Рёнке в своей книге «Путешествие в каменный век» так описывает действия таких охотников на Новой Гвинее:

«Прежде чем убить своих врагов и отрубить им головы, они узнают их имена: голова ценится вдвое дороже, если известно, кому она принадлежит. Имя убитого приносится в дар новорожденному мальчику в своем селении. «Скажи мне твое имя, и я тебя не трону!» — кричат нападающие мужчинам, укрывшимся в хижинах. Но это лишь военная хитрость — стоит им узнать имя, и они убивают человека, чтобы овладеть его головой. По пути домой воины держат перед собой в лодке трофеи и бесчисленно число раз повторяют имена убитых».

В цивилизованном обществе об охоте за именами можно говорить только в переносном смысле. Более того, в эпоху точных топографических карт, космических кораблей и компьютеров мы почти не ощущаем роли имен в поддержании миропорядка, хотя без списков населенных мест, каталогов рек, телефонных справочников, списков избирателей и многого другого в том же роде не может обойтись ни одно государство.

В бесписьменном обществе человек мог надеяться только на свою память да на вспомогательные знаки, которые можно было начертать на камне или дереве. Поэтому роль имени в жизни первобытного человека была очень значительной: они помогали осваивать мир.

Человек запоминает географические объекты не по отдельности, а в системе, относительно друг друга. Топонимы отражают эту систему, они как бы окутывают мир своего рода сеткой, и эта сетка с древности служит эквивалентом географической карты.

Нет-нет да и сообщит какая-нибудь газета или журнал, что на куске мамонтового бивня археологи нашли фрагмент древней карты. Обнаружили там реку, лес, хижины... Может быть, археологам действительно повезло, но я уверен в том, что люди древности отлично ориентировались в окружающей местности и безо всяких карт. Они просто

запоминали свои охотничье-рыболовецкие и собирательские маршруты, а топонимия помогала им в этом. Постепенно и образ всей местности откладывался в памяти древнего человека.

Один из проводников-манси, с которым я работал на Северном Урале, — Дмитрий Ильич Санбиндалов — был неграмотен, но в карте разбирался мгновенно, узнавая знакомые очертания рек и контуры гор. Он тут же говорил их названия. Казалось, в его памяти, подобно киноленте, прокручивалась в мельчайших подробностях линия того или иного маршрута. Так было и в глубокой неолитической древности, так поступаем и мы в загородных прогулках и туристских походах, если перед нами нет карты с ее голубыми линиями рек, зеленою лесов и горизонталями гор.

Но вот что интересно. Топонимия не только фиксирует фрагменты такой «карты», извлеченные из сознания и памяти народной. Она то и дело творит образы для мифологии фольклора.

В северо-восточной Монголии есть особо почитаемая населением гора Кентей-Хан. А вокруг нее образовался целый богатый мир: другие горы стали братьями и сестрами Кентей-Хана, его оруженосцами или лошадьми. Есть и священное зеркало — красивое альпийское озеро, и даже скалы — коновязи богатых коней.

Но ведь ориентировка на открытой и закрытой местности различна. Стоящий на вершине человек может охватить одним взглядом всю панораму близких, а то и далеких гор. А как быть в открытом океане, где не видно берегов, или в глухой тайге?

В таких случаях, чтобы показать связь объектов, человек делил целое на части. И тогда возникал уже не мир богатей, а части тела какого-нибудь мифического чудовища.

Долго хвастался своей силой один надменный великан из мансийской мифологии, но развалился на куски от удара стрелы отважного богатыря. И на местности появились названия, которые в переводе с мансийского языка означают «Колени», «Две реки концов пояса», «Остров ножен», «Остров мешочка для огнива», «Озеро желудка», «Деревня кусков сапога», «Плес бедренной кости». А в другом месте мансийские мужи вынуждены были разрубить на куски колдунью-великаншу. Ее живот стал «Озером живота женщины», руки и ноги — заливами, пояс — мысом на озере, груди — буграми в прибрежном лесу, нос — лесной гривой, глаза — двумя небольшими озерами. Есть даже «Кустарниковый мыс зада женщины».

У морского народа — другие образы. Так, у полинезийцев Тихого океана существует предание о возникновении Таити и других близлежащих островов из огромной рыбы. Голова рыбы — остров Таиарапу, туловище — Великий Таити, первый спинной плавник — Малый Таити. Великолепен анализ этих названий, который находим в книге полинезийского ученого Те Ранги Хироа «Мореплаватели солнечного восхода»: «Я не осознавал, какое значение имело расположение отдельных островов, образующих архипелаг Общества, пока вновь не рассмотрел карту под углом таитянской мифологии. Эти предания возникли из устных описаний мореплавателей, выходявших в открытый океан. Картина взаимного расположения островов настолько соответствует действительности, что кажется, будто перед глазами сказителей лежала современная карта».

Значит, память о самых древних картах до сих пор живет в топонимических системах разных народов.

ЗАГОВОРИЛ УРАЛ С ОНЕЖСКИМ ОЗЕРОМ

Есть в Вытегорском районе Вологодской области довольно необычное Шим-озеро. Раз в семь — десять лет вода из него уходит под землю, в карстовую воронку Черная яма. Впрочем, такое странное поведение озера заслуживает отдельного рассказа, а у нас речь о другом: по середине Шим-озера находится единственный в его акватории остров с коротким именем Нёр.

Название явно не русское, но для ученых-топонимистов происхождение его видится достаточно ясно: в языке финского народа саамов, или, как их именовали в древности, лопарей, есть слово, в разных диалектах звучащее с небольшими вариациями — нёрр, нюр, нюрра. В переводе на русский язык они означают: подводный камень, утес, невысокий остров. По-видимому, на Шим-озере когда-то жили лопари, они и дали название острову.

Похожие топонимы есть и на Кен-озере, что находится на западе Архангельской области. Так как Кен-озеро в несколько раз больше Шим-озера по площади, то и островов на нем больше — около десятка. Три из них носят названия — Нюра, Нюры, Нюрица. Среди других кенозерских островов эта тройка выделяется тем, что на них не растет лес, а по весне они вовсе скрываются под водой, потому что невысокие, с плоской поверхностью. Эту особенность в свое время и подметили лопари, бороздившие на своих лодках Кен-озеро.

Любопытно, что и в огромном Онежском озере, неподалеку от села Шелтозеро есть островок с коротким, словно всплеск камешка, названием Нюрк.

Лопарские названия островов на озерах русского Севера напомнили мне мансийское имя Уральских гор — Нёр, что на языке манси означает «Камень». Нет ли какой-нибудь связи между лопарским словом «нёрр», в значении «остров, утес», и мансийским «нёр» — «камень, отдельная гора»? По мнению ряда ученых, саамы в древности кочевали в предгорьях Северного и Приполярного Урала, то есть совсем рядом с территорией обитания манси. Вполне возможно, что слово «нёрр» было заимствовано ими из мансийского языка, только вот значение его у лопарей, которые в отличие от манси обитали на равнине, претерпело изменения и вместо «отдельной горы» стало обозначать «остров».

Сергей ВОРОШИЛИН

БУДЕТ, КАК БЫЛО

Сколько городов в Российской Федерации должны вернуть себе историческое имя?

Раньше в России перемены названий были редки. Не практиковалось изменение названий и на присоединенных территориях... В России не стремились «стирать дороссийскую историю», как после революции потом «стирали дооктябрьскую». Но так делали немцы, переименовавшие на германский лад все названия на землях полабских славян. Также переделали на свой лад все географические названия в Прибалтике латыши, литовцы и эстонцы.

В России тысячи населенных пунктов сохранили тюркские названия (Астрахань, Казань, Карабаш, Шарташ), угро-финские (Москва, Лысьва, Кушва), кавказские (Тифлис, Темир-Хан-Шура), германские (Ямбург, Выборг). Русские названия давались новым крепостям и поселкам. Лишь несколько городов было переименовано Екатериной Второй (Яицк — Уральск, Верхне-Яицк — Верхнеуральск, Хлынов — Вятка, Ягошихинский завод — Пермь) и Николаем Вторым (Каракол — Пржевальск, Кустанай — Николаевск, Фергана — Скобелев, Петербург — Петроград).

Никто не сосчитал (по крайней мере, не опубликовал), сколько всего городов и селений было переименовано на территории Российской Федерации после 1917 года. Это 40 % городов-полумиллионников и около 20 % городов и селений меньшей величины. Таких массовых переименований в стране, формально не подвергшейся иноземной оккупации, история не знала! При этом из общего числа 439 городов, имевших к 1900 году собственный герб.

Но все годы после Октября идет также и восстановление исторических названий. Еще до конца Отечественной войны вернулись: Гатчина (Троцк), Павловск (Слуцк), Ставрополь (Ворошилов). После осуждения культа личности восстановили свои названия Пермь (Молотов), Оренбург (Чкалов), и частично Новокузнецк (Сталинск). Почему частично? Первоначальное название города — Кузнецк.

В годы перестройки вернули свои имена Рыбинск (Андропов), Набережные Челны (Брежнев), Шараново (Черненко) и Ижевск (Устинов). Позднее, после напряженной борьбы, к ним присоединились Владикавказ (Орджоникидзе), Тверь (Калинин), Нижний Новгород (Горький) и Самара (Куйбышев). Но потребовался «разгром» августовского путча и «департизация» страны, чтобы в сентябре 1991 года на картах страны вновь появились Санкт-Петербург, Екатеринбург и Сергиев Посад.

Таким образом, вернули названия 17 городов. Это 60 % всех переименованных ранее городов с населением более полумиллиона (9 из 15) и 23 % от переименованных городов с населением от 100 000 до 500 000 человек. Меньше всего восстановили свои названия малые города, всего 3.

Сколько же всего городов должны вернуть свои исторические названия? Каким из них следовало бы вернуть свои имена в первую очередь?

Наиболее важно восстановить названия наиболее крупных городов, поскольку с ними связана жизнь большей части населения, и они чаще других указываются на отечественных и зарубежных картах и упоминаются средствами массовой информации. Во-вторых, важно также восстановить названия городов, которые чаще других упоминаются в хрониках и исторических документах, в художественной и исторической литературе (со старыми названиями). В-третьих, необходимо обязательно восстановить названия всех городов, существовавших под своими первоначальными именами более 100 лет, особенно возникших до 1800 года, имевших гербы. А это показатель того, что город достаточно стар, имел историческое и административное значение. Кстати, из числа перечисленных выше городов, восстановивших свои названия, не имели до 1900 года своего герба только Ижевск и молодые города — Шараново, Набережные Челны.

Ныне в Российской Федерации среди городов в населением более полумиллиона не вернули свои исторические названия только 6. Из них 4 города возникли до 1800 года и имели свой герб. Это Волгоград — Царицын, основанный в 1589 году, Ульяновск — Симбирск (1684), Краснодар — Екатеринодар (1780), Тольятти — Ставрополь-на-Волге (1780). Не имели своего герба до 1900 года, получившие статус города позднее: Новосибирск — Новониколаевск (1896), и Шегловск — Кемерово (1925).

Среди городов с населением от 100 000 до 500 000 человек не вернули свои прежние названия 16 городов. Однако из их числа лишь 9 городов возникли до 1800 года, причем только 7 из них имели свой герб. Вот эти города, чьи названия должны быть возвращены обязательно, в кратчайшее время: Калининград — Кенигсберг (1253), Йошкар-Ола — Царевко-к-

шайск (1584), Димитровград (Ульяновск, обл.), — Мелекесс (1826), Мичуринск — Козлов (1636), Улан-Удэ — Верхнеудинск (1666), Первоуральск (Свердлов, обл.), — Шайтанск (1732), Сыктывкар — Усть-Сысольск (1780), Киров — Вятка (1780), до того — Хлынов, Ногинск (Моск. обл.) — Богородск (1781), Махачкала — Петровск (1844), Серов (Свердлов, обл.) — Надеждинск (1896), Энгельс (Саратов, обл.) — Покровск (1914), Ленинск-Кузнецкий (Кемеров. обл.) — Кольчугино, Дзержинск (Нижегор. обл.) — Растяйно, Калининград (Моск. обл.) — Подлипки, Электросталь (Моск. обл.) — Затихье. Из городов этой группы имели свои гербы лишь города, возникшие до 1800 года, за исключением Мелекесса и Шайтанска.

Среди малых городов, названия которых были изменены, собственные гербы имели до 1900 года: Приозерск (С.-Петерб. обл.) — Кексгольм (1295), Халтурин (Киров. обл.) — Орлов (1459), Печалин (Тульск. обл.) — Лихвин (1565), Петрокрепость (С.-Петерб. обл.) — Шлссельбург (1702) — Петергоф (1705), Пушкин (С.-Петерб. обл.) — Царское Село (1710), Ломоносов (С.-Петерб. обл.) — Ораниенбаум (1710), Гагарин (Смолен. обл.) — Гжатск (1776), Демидов (Смолен. обл.) — Поречье (1776), Белинский (Пенз. обл.) — Чембар (1780), Пугачевский (Саратов, обл.) — Николаевск (1780), Бедноземьянск (Тамб. обл.) — Спасск (1781), Куйбышев (Новосиб. обл.) — Каинск (1782), Сортавала (Карелия) — Сердоболь (1783), Тутаев (Яросл. обл.) — Борисоглебск-Романов (1822), Буйнакск (Даг. АССР) — Темир-Хан-Шура (1866).

Из перечисленных здесь 40 городов 32 возникли до 1800 года. У 29 из них были до 1900 года свои гербы. Их имена многократно упоминаются в летописях и хрониках, в исторических документах и произведениях литературы. Их именами назывались полки, что было одной из традиций Российской армии со времен Петра Великого.

Еще 25 городам с гербами названия были изменены незначительно: Далматово — Далматово, Ядринск — Ядрин, Корсун — Карсун, Сарануль — Саранул.

Но кроме перечисленных городов в Российской Федерации имеется множество еще меньших, но не менее славных, названия которых были изменены, хотя их имена были также связаны с теми или иными историческими событиями. Таковы Салехард — Обдорск, название которого было изменено на национальное, хотя прежнее название тоже было национальным и к тому же было наименованием дорусского государственного образования — Обдорского княжества. Таковы Буденновск — Святой Крест, Чаплыгин — Раненбург, Серафимович — Усть-Медведицк, Карпинск — Богословск, Маркс — Екатериненштадт, Георгиу-Деж — Лиски.

А имеются еще сотни населенных пунктов, носящих конъюнктурные партийные названия. Почти в каждой области имеются безликие названия — Советский, Октябрьский, Первомайский, Комсомольский, Красноармейский, Кировский, Ленинский и т. д. и т. п. Что-то надо же делать с этими названиями.

Но первоочередной должна быть задача восстановления исторических имен названных выше 40—50 русских городов. И жители этих городов обязаны включиться в борьбу по их восстановлению.

Олег
ПОСКРЕБЫШЕВ

Светлынь души ~ любовь

***

В полпечи огонь — к изводу дров:
Так, без жара изгорят поленья.
И любовь в полсердца не любовь —
Маета одна... томленья... тленья...

Не люби в полсердца, не люби —
Не томи ты друга, не губи!
Лучше уж немилый с нелюбимым,
Чем глаза слезить холодным дымом.

Нет, любовь — так чтобы, как заря,
По небу души летало пламя,
И цвели цветы до ноября,
И декабрь стал маем с соловьями.

Нет, любовь — так, если даже стар,
Чтоб светлым-светлеть не перестал,
Чтобы жар в груди и напоследки —
Словно уголье в печной загнетке.

***

За водою родниковой
Я иду, ведром звеня.
— Ну, и что же в ней такого? —
Кто-то спросит вдруг меня.

И чего стараться, вроде:
В лог спускаться,
Кверху лезть?
Есть вода в водопроводе:
Кран открыл —
Она и хлесты!

Что ж, все сказано толково,
Но, с упряминкой в груди,
Я иду — за родниковой,
Кто не хочет — не ходи.

ПРИМЕТА

Закончив стирку,
Вынесет
Во двор тяжелый таз
И для просушки вывесит
Белье, не торопясь.
Но если тут, как взбалмошный,
Дождь брызнет на белье,
То
(По приметам бабушек)
Муж разлюбил ее.

Зато пускай в полнеба хоть
Дождь перед стиркой льет,
Но если солнце непогоды
Лбом золотым пробьет —
И кинется,
Лучистое,
Скорей белье сушить,
То
(Как считалось исстари)
В любви хозяйке жить.

Ах, мало ль жизнью собрано
На все про все примет!
Но в этой —
Есть особенный,
Подспудный,
Тихий свет.
Тем и волнует нас она,
Что с давешних годов
В ней с ясным солнцем связана
Светлынь души —
Любовь.

***

Так времени шаги напряжены,
Так времени все тягостней давленье!
Последняя вдова былой войны
Недавно померла в моей деревне.

Пусть дольше, дольше длится
время их!
Увы, в моей деревне больше нет их!
Не меркнут вдовьи слезы
в общих бедах,
Судьбы их ветер обмер и затих.

Такая пустошь и такой пустырь:
Где в прошлом плавал свет —
клубятся тени,
Деревья молча изошли в кресты,
Трава лугов ушла в траву забвенья;

Поля сошли в беспяхотность земли,
Победы жданной голоса померкли...
А нам победа вышла не по мерке.
Не сдюжили.
В века не пронесли.

О, как невыносимо тяжело
Юдоль их доли сквозь забытость ноет!
Как снова каркает тупое зло
Над вдовьей,
Сплошь обкорнанной судьбою!

Что ж, видно, счастье не по мерке
нам —
Лишь счастьешко и выпало кому-то
Да счастьеца померкшие минуты,
Сиротские и вдовьи.
Пополам.

***

Вылез он словно из-за угла,
Этот слушок глухой.
Что-де бывлая война не была
Столь неизбежной войной.

Это придумать лишь —
Будто так
Все обойтись могло,
И не полез бы к нам лютый враг
Сеять лихое зло!

Мирно стояли б трава и стерня,
Звонкие шли деньки,
Тихо старели бы старики,
Бойко росла ребятня.

И не сгибалась бы скорбно мать,
Навзничь не падал сын.
И те...
Нет, лучше не продолжать! —
Черною станет синь;

Черными станут в небе заря,
А на земле цветы,
Стоит поверить лишь, будто зря
Были тот фронт и тыл.

Даже и не передумать всего,
Что нас томит и теперь...
Кровь запекается,
Скулы свело,
В горле комок от потерь,

Пусть не коснется слушок такой,
Милых, миляг, милят,
Что, не вернувшись с войны домой,
Знают — за что лежат!

ЭТОТ У ДОРОГИ ВАСИЛЕК...

Воздух, разомлев, едва струится,
В небе облака плывут с ленцой.
Весь народ отсаялся.

А птицы
По гнездовьям вывели птенцов,
Луг стоит, махрово отцветая,
И поет, скворчит, звенит — баю!
Время ожидания урожая —
Легкое... прозрачное...
Июнь.

Может, где-то копится и зреет,
Подготавливая гром, гроза;
Может, кто-то про меня все злее
И все желчней лжет позаглаза, —
Но такие плещутся без края
Волны, краски, листовенная сень,
Что, совсем по-детски обмирая,
Хочешь радости себе и всем.
И все пуще хочется такого —
Самого обыденного —
Впрок,
Как вот этого ручья подкова,
Этот у дороги василек.

ДЕВУШКИ В ТЕЛЬНЯШКАХ

Михаил ДАЙБО,
капитан 2 ранга
в отставке

Гитлеровцы топтали украинскую и белорусскую землю, захватили Прибалтику, окружили Ленинград, рвались к Москве... Чрезвычайная обстановка потребовала чрезвычайных мер. В начале мая 1942 года ЦК ВЛКСМ и Нарком Военно-Морского флота призвали к вооруженной защите Родины девушек. Многие из них хотели воевать на флоте и стали проситься туда добровольцами. Так на Урале сформировался «девичий эшелон». Он отправился из Перми в июне 1942 года.

Ехали в товарных вагонах до Ладожского озера. «Будете связистами на Краснознаменном Балтийском флоте», — объявил начальник эшелона.

Боевое «крещение» получили уже в прифронтовой полосе — налетели бомбардировщики. «Вечером погрузились на катера и баржи, к утру прибыли в Ленинград. И сразу увидели блокадных ленинградцев — худые, бледные, они еле держались на ногах. Мы поделались с ними последним, что осталось от домашних шанежек и калачиков. Никогда не забыть те просящие глаза!» — писала мне Валентина Карякина из Лысьвы.*

Две недели жили в солдатских казармах. Днем и ночью воздушные тревоги, артобстрелы. Девушки обрезают свои косы, надевают темносиние береты, тельняшки, гюйсы, черные юбки, чулки, ботинки, фотографируются для воинских документов. Валентина попала в роту телеграфистов учебного отряда флота.

Учились по десять часов в день, а кроме того — наряды по боевой охране острова при частых бомбежках и артобстрелах: здесь был фронт, Кронштадт — передний край обороны Ленинграда.

После экзаменов Валентину направили в роту связи при штабе Военно-Воздушных Сил Краснознаменного Балтийского флота. Участвовала в прорыве блокады, а когда гитлеровцев погнало на запад, вместе со штабом ВВС прошла всю

Прибалтику, Восточную Пруссию, побывала в разрушенном Тильзите, Кенигсберге, видела дороги, заваленные разбитой вражеской техникой, толпы людей, освобожденных из плена и возвращавшихся домой.

В 1946 году и сама вернулась на Родину. Сейчас Валентина Ивановна Карякина — технический контролер на Лысьвенском металлургическом заводе.

Комсомолка Маша Коноплева, вернувшись в Лысьву, пошла работать библиотекарем в школу № 2, где сама училась до войны. Она тоже ветеран дважды Краснознаменного Балтийского флота. В 1975 году Мария Степановна ездил в Москву на 30-летие Победы, сфотографировалась вместе со всеми бывшими флотскими связистами. Вспоминали боевую молодость, девичьи косы, тельняшки...

Наташа Демина три раза подавала заявление в военкомат с просьбой направить ее на фронт. Добилась — направили. Трактористка из села Щипачи Богдановичского района села за руль трехтонки на «дороге жизни» через Ладогу...

Строки из боевой характеристики: «Старший краснофлотец Н. Е. Демина проявила себя дисциплинированным, исполнительным бойцом, отличным шофером подразделения, участвовала во всех боевых операциях в Прибалтике и Восточной Пруссии: защищала город Ленинград в дни его блокады, участница ее прорыва, за что награждена медалью «За оборону Ленинграда»; участница операций на Карельском перешейке, под Нарвой, Таллинном, Кенигсбергом, Пилявой, Данцигом и Гдыней».

Машинист электровоза из города Асбеста Шура Пономарева-Лямина в годы войны стала наводчиком дальнего боевого морского орудия в отдельном железнодорожном артиллерийском дивизионе Краснознаменного Балтийского флота. Участвовала в прорыве блокады Ленинграда, а закончила свой боевой путь в Восточной Пруссии. После войны опять водила электровозы на комбинате «Ураласбест».

Ирина Анатольевна Боброва — два года сражалась в отряде народных мстителей, затем — в бригаде морской пехоты. Погибла в Польше, посмертно награждена орденом Отечественной войны I степени.

Варя Дронина перед войной заводила парикмахерской в Свердловске. Услышав о наборе девушек на флот, написала заявление. Направили в Кронштадт. Закончила школу связи и стала радистом торпедного катера. В одном из боев была тяжело ранена. После госпиталя воевала в разведывательной роте 71-й бригады морской пехоты на ораниенбаумском плацдарме. «Две недели, — вспоминает Варвара Юрьевна, — наша группа просидела под носом у противника, добывая для командования нужные сведения. Я передавала их по радио. Фашисты засекли, открыли огонь. Меня ранило в голову и в ногу. Потом служила радисткой в медсанбате, где ранило в третий раз»...

Всего несколько строк, но в них — целая повесть о суровой боевой юности.

* Все воспоминания — из архива автора.

День Победы Варвара Юрьевна встречала в Восточной Пруссии. Домой вернулась инвалидом, потребовались долгие восемь лет, чтобы поправить здоровье. В 1953 году поступила работать на Уралмаш. Награждена орденом «Красной Звезды», медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Вспоминает Нина Григорьевна Красносельских. «Училась в Пермском сельскохозяйственном институте. Однажды летом 1942 года однокурсница Нина Моисеева сказала: — Девчата, кончай с агрономией, пошли в капитаны! Будем военные корабли водить! Ну, кто смелый?!

Гурьбой поехали в военкомат...

Занимались в Кронштадте, в тех самых классах, где ученый Александр Степанович Попов изобрел радио. Это была особая школа. Отбирали в нее тщательно. Из 330 девчат нашего пермского эшелона попало только трое, в том числе я.

Вскоре нашу группу с Лисьего носа переправили в блокированный фашистами Ленинград. В скверах, садах, во дворах, на газонах росли картофель, морковь, капуста — будущая добавка к скудному продовольственному пайку защитников города. Мы учились очень старательно и несли боевую вахту.

Меня распределили в 406-й дивизион 1-й Морской железнодорожной артиллерийской бригады. Мне и Вале Выгодской доверили работу в радиорубке, оборудование которой занимало целый вагон. Наши батареи на железнодорожных платформах были надежными защитниками города на Неве. Стоотрядцатимиллиметровые орудия доставали врага за 25—27 километров. После прорыва блокады громили фашистов с фортов Красная Горка, Серая Лошадь, Ораниенбаума и других бастионов. Держали постоянную радиосвязь с нашими кораблями и самолетами, со штабом флота и бригады, с дивизионами и разведчиками, пехотой и ПВО. Рации БПК-1, которые в шутку назывались «шесть километров пешком», носили на себе с батареями питания и прочей амуницией. А когда объявят привал, лезли на дерево антенну ставить.

И гибли как и все на войне: 1 февраля 1944 года, например, после налета вражеских бомбардировщиков, похоронили сразу 47 человек...

Когда я уезжала на фронт, отец уже воевал, а брат сказал мне: «Сестра, если можешь, не стриги косы и никогда не кури». Косы пришлось-таки остричь, а папиросы никогда в руки не брала».

После войны Нина Григорьевна работала в прокуратуре пермского гарнизона. После замужества переехала в Свердловск и до пенсионного возраста трудилась в Свердловском филиале Всесоюзного научно-исследовательского института метрологии им. Д. И. Менделеева. Сотрудничает в клубе морской пехоты при редакции газеты «Вечерний Екатеринбург», ведет устный журнал «Боевая подруга» в Окружном доме офицеров.

Валя Линник тоже была радистом. В феврале 1943 года участвовала в десантной операции — высаживали отряд моряков майора Цезаря Куникова на Мысхако под Новороссийском, где был захвачен и удержан плацдарм, получивший название «Малая Земля».

Бойцы любовно звали Валю Чижиком. Она участвовала в пяти десантных операциях, была радистом, снайпером, медицинской сестрой. Она дважды подавала заявленное в партию, но отказывали по возрасту. Третье партийная комиссия 255-й морской бригады рассматривала в марте 1944 года на Керченском полуострове, возле знаменитых Аджимушкайских каменоломен.

После войны она жила в Свердловске, работала в отделе кадров на фабрике «Уралобувь», закройщицей на швейной фабрике «Восток».

На стене деревянного дома № 108 по улице Коммунистической в рабочем поселке Зайково висит мемориальная

плита из серого мрамора: «В этом доме в 1943 году писатель Новиков-Прибой Алексей Сильч встретился с моряками-сослуживцами». Тогда здесь жил заведующий колхозной фермой С. А. Мурзин, участник сражения в Цусимском проливе в мае 1905 года. Два ветерана встретились через 37 лет после цусимской трагедии — в самый разгар Великой Отечественной.

Шура Мурзина воевала тогда в 331-м отдельном автотранспортном батальоне — снабжала боеприпасами и продовольствием корабли Балтийского флота. Старый цусимец гордился своей дочерью и рассказал о ней дорогому гостю.

После войны Александра Семеновна вернулась в родной поселок и стала работать в Зайковском строительном-монтажном управлении Облхозостроя. Не раз была с внуками в Ленинграде, показывала в Таврическом саду грузовик, напоминавший ей о родном батальоне, водила по улицам Чайковского и Лиговской, где в разное время находился его штаб.

В начале войны заведующая отделом городской санитарно-бактериологической лаборатории и ассистент кафедры микробиологии Свердловского медицинского института Н. Н. Самойлович стала начальником санитарно-эпидемиологической группы на Северном флоте. Санитарный отдел флота находился тогда в Мурманске. Город был в основном деревянный, и фашистские летчики, желая стереть его с лица земли, превратили Мурманск в сплошное пожарище. Медикам пришлось эвакуироваться в Полярный.

Капитан медицинской службы Самойлович отвечает за все воинские подразделения на побережье Кольского залива, Баренцева моря, острова Кильдин, полуостровов Рыбачьего, Среднего, у сопки Мустатунтури.

Вот как Нина Николаевна вспоминает то время: «По суше — на лыжах, по воде — на ботах или мелких суденышках, вчерашних рыбацких шхунах. Суровый ветер, леденящие волны, снежная буря, гулящие самолеты над головой, тревожные гудки кораблей, трескотня зениток, тяжелые разрывы бомб... Фашисты, господствуя в воздухе, на бреющем полете гонялись за каждым, кого увидят, атаковали окопчики и землянки, в которых мы жили.

В конце 1942 года произошла вспышка инфекционной болезни во взводе разведки и среди снайперов боевого охранения на сопке Мустатунтури. Мне с группой медицинских работников было приказано немедленно ликвидировать эту вспышку. Шли туда по «долине смерти» — по совершенно открытому полю, которое хорошо просматривалось и простреливалось фашистами. Осветив местность ракетами, они обнаружили нас и открыли минометный огонь. Несколько человек были ранены, но остальные все же выполнили задачу — больных перевезли в инфекционный госпиталь, встретившись при этом с еще одной трудностью: люди не хотели покидать боевую позицию, скрывали свою болезнь...»

После войны Н. Н. Самойлович закончила Севастопольское военно-морское училище, стала врачом-бактериологом в Свердловске. Потом работала ассистентом кафедры микробиологии медицинского института. Оpubликовала 12 научных работ, защитила кандидатскую диссертацию.

Кроме этого Нина Николаевна взяла на себя хлопоты по созданию в школе № 116 музея Боевой Славы. При активной помощи директора школы, учителей, ветеранов морской пехоты музей был открыт. Н. Н. Самойлович руководит им на общественных началах. Дома ее можно застать только рано утром или поздно вечером.

...У войны, говорят, не женское лицо, но факт остается фактом: за годы войны свыше ста тысяч женщин награждены боевыми орденами и медалями, четыре — орденом Славы всех трех степеней, почти девяносто женщин стали Героями Советского Союза. 3127 патриотов особо отличились в Военно-Морском Флоте...

На снимке: В. И. Карякина.

МАЛЕНЬКИЕ ИСТОРИИ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ

Как я покушался на Сталина

Рота спешила, машины оставили на обочине шоссе и замаскировали. А мы — около сотни красноармейцев, четверо взводных, старшина и я, девятнадцатилетний командир роты в необмявшейся шинели, с «кубарями», вырезанными из консервной банки, строем втянулись в лес. С неделю назад мы получили новое оружие и сутки очищали его от заводской смазки под недреманным оком полкового особиста. То были пулеметы ДШК-Дегтярев, Шпагин, крупнокалиберный. Мне они представлялись неодолимой силой, способной без промаха поражать наземные и воздушные цели. Вороненные стволы в ребристых кольцах, патроны, точно маленькие снаряды, стальные шиты — ни дать ни взять легкие орудия. Правда, тащить их на плечах и загорбках оказалось тяжелельно.

Походный строй двинулся по лесной дороге. И лишь прошагал с полчаса, как изменились лица моих подчиненных: в казарме то были совсем другие люди. Наше временное жилье находилось в недостроенном доме. Когда полстолетия спустя проезжаю станцию Сетунь, давно вошедшую в границы Москвы, то вижу это постаревшее здание. Его нижний этаж предназначался для магазина, но в сорок втором году в нем на скорую руку устроили казарму: сколотили двухъярусные нары, фанерой огородили глухие уголки, назвав их канцеляриями и каптерками. В помещении было тускло и душно, и солдатские лица там были скучны, угрюмы. Но, боже мой, как же быстро посвежели, зарумянились, повеселели они в лесу!

Рота вышла на развилку. Лесную дорогу пересекала широкая утоптанная тропа. Строй остановился. Я объявил привал. Меня одолевали сомнения. Единственная в полку топокарта этого района была у начальника штаба, по ней он и ставил задачу.

— Следите по карте и срисовывайте, — начштаба, полнокровный, грузноватый капитан повел карандашным жалом по извилистым линиям. — Вот шоссе... Тут поворот в лес...

Я торопливо зарисовывал маршрут. Мне мешал сосредоточиться Аксютич, командир первого взвода. Он подавлял меня громоздкостью. Все в нем было чрезмерно: рост, плечи, ноги, нос... Он нависал надо мной, и я плохо

понял маршрут. И вот в лесу испытал неуверенность: куда же поворачивать. Признаться в этом не посмел и решительно приказал свернуть налево.

— Н-но, товарищ лейтенант, идти следует в противоположном направлении, — возразил Аксютич.

— Влево!

— Как ротный сказал, так и будет, — поддержал меня старшина.

Марш продолжался, были еще два-три поворота, и я, не задумываясь, указывал путь. Так мы и продвигались, пока не вышли на просторную поляну с пожелтевшей стерней. Здесь было привольно и тихо.

— Как для ротного ученья? — спросил я старшину.

— На ять! — ответил он и поднял большой палец.

...И началось. Над поляной загремели голоса:

— Ориентир номер три — группа бомбардировщиков.

— Ориентир номер два — до роты пехоты противника!

— По самолетам...

— По пехоте...

А завершила все единая у всех расчетов команда:

— Огонь!

— Огонь!

Конечно, никаких выстрелов не было, но буйная разноголосица накрыла поляну. В пылу бескровного сражения новоиспеченные командиры пугались, то и дело кто-то из сержантов, указывая в небо, кричал: «По пулемету», а когда целили во вражеское орудие, то возглашал: «По самолету!»..

— Огонь! Огонь!

Я стоял у первого взвода, когда подбежал старшина:

— Поглядите, товарищ лейтенант...

На краю поляны среди пожелтевшего лесного подростка стоял незнакомый высокого роста офицер. Появление его было странным и вид необычным. Отлично пошита командирская шинель из мягкого довоенного сукна плотно облегла ладно сбитую фигуру. Фуражка — шегольская, с круглым блестящим козырьком и черным бархатным околышем. Хромовые сапоги начищены до зеркального блеска. Как только не запылил на проселочной дороге! Даже наш командир полка не был так богато экипирован... Что такое? Я не сразу понял его жест. Он шевелил ладонью, похоже, манил меня к себе. Точно — подманивал: дескать, иди, иди, сюда... Ну уж это чересчур! Под моим началом почти сотня бойцов и офицеров... Оскорбительно это! Я почувствовал, что краснею.

— Надо идти, товарищ лейтенант, — громко шепнул старшина. — Надо, он же майор.

В петлицах командира пунцово светились по две шпаль, не чета моим жестяным «кубарям». Между тем, пулеметные расчеты еще воевали: «Огонь!» «Огонь!» Но по мере того, как я медленно, сохраняя достоинство, приближался к незваному гостю, шум стихал. Лишь Аксютич командовал вдохновенно:

— По огневой точке противника... Дистанция — восемьсот... Пришел...

Я на ходу обернулся: четыре вороненых ствола смотрят на богато экипированного командира. Отдал ему честь, вежливо, но не подобострастно. Однако моя выправка не произвела на него впечатления, он спросил:

— Ты кто такой?

«Почему на «ты», мы же не пили с вами на брудершафт?» — захотелось повторить фразу эlegantного капитана Свечина, учившего нас строевой подготовке. Но что-то остановило. Может, то, что за спиной майора, прикрываясь стволами деревьев, тоже стояли бойцы с автоматами наизготовку. Такое оружие я пока в руках не держал, в училище довольствовались трехлинейками времен первой мировой войны.

— Ну, кто ты такой?

Лучший ответ на грубость, учил нас Свечин, — вежливость.

— Командир роты крупнокалиберных пулеметов лейтенант Романовский.

— Вижу, что пулеметной. А откуда?

Не мог же я неизвестно кому называть номер полка,

Быстро смекнул, что нам сообщили полевую почту, которая будет на фронте.

— Полевая почта номер...

— Ишь, какой секретный. А что тут делаешь?

— Вежливость и только вежливость.

— Товарищ майор, рота проводит тактические учения с элементами огневой подготовки.

— Элементы, значит, огневой. Ну, ну... А какой калибр твоих пулеметов?

Нет. Данные-то нового оружия называть не буду, точно.

— Чего молчишь?

От обиды и волнения не сразу разглядел его лицо, а теперь как-то успокоился. Наверное, и к грубости привыкают. В лице же его была уверенность, сила — широкие скулы, крепкий подбородок. Но по нему разлилась давняя усталость. Вот и под глазами черные полукружья...

— Ладно, сам вижу. А на какое расстояние бьют, метров на тысячу?

— Больше.

— Какую броню пробивают?

— Легкий танк, бронетранспортер...

— Боеприпасы с собой?

— Не выдавали — значит, нет.

— Могли и сами прихватить. Проверять? — Глаза его сузились и скользнули по лицам бойцов. — У командиров личное оружие заряжено?

Я опять почувствовал, что краснею. Пистолетов нам еще не выдали. Только у командира полка был «ТТ», да у начфина старый наган.

— Нету, нету! — вдруг крикнул зло лейтенант Аксютин. — Хочешь — проверь, — и растегнул пустую кобуру.

Майор не обратил внимание на вызывающее лейтенантское «ты», а подошел ко мне вплотную. За ним шагнули автоматчики. Теперь мы стояли лицом к лицу, я отчетливо видел его покрасневшие белки глаз. Толстые губы зашевелились, и я услышал:

— Ты вот что... Уходи, уходи отсюда, лейтенант. Понял? Сейчас же уводи всех.

Меня словно бы сковала эта неожиданная речь, особо доверительный тон ее. Я медлил.

— Ну! Иди, лейтенант, иди, иди-и-и...

Уразумел ли я до конца значение его слов? Вряд ли. Скорее ощутил их силу и необходимость. Кажется, кивнул головой. Из памяти выскочили все команды. Пока собирался с мыслями, зазвенел голос старшины:

— Рота! Разобрать оружие. В колонну — становись!

Топот ног. Тихие голоса. И еще раз в затылок мне майор бросил:

— Быстрее уходи, лейтенант. Уходи-и-и...

Какими же родными показались мне казарма, клетушка ротной канцелярии! Присев на патронный ящик, задумался. Что же, собственно, произошло? Меня обидели, оскорбили перед подчиненными, и я не смог достойно ответить. А с этими людьми мне надо воевать... Но он ведь был не только груб, но и заботлив. Разве не он же желал добра: «Иди, лейтенант, иди!» Вот и пойми...

Я не успел подумать, как в мою клетушку вошли старшина и Аксютин. Старшина сказал, непривычно торжественно именуя по должности:

— Товарищ командир роты, вы сходите к начштаба, доложите.

— Борис Петрович, — поддержал его Аксютин. — Вам непременно надо объясниться. Так будет лучше.

Они тоже учили меня и желали добра. Конечно, надо идти докладывать.

Начальник штаба взглянул на часы и поморщился:

— Что-то вы быстро отстрелялись, Романовский. Переутомились, видать?

— Нет, так уж получилось...

— Как это «получилось»? Нуте-ка, докладайте.

Тщательно подбирая слова, стараясь не вдаваться в подробности, я рассказал, как было дело. И хотя даже не

намекнул на грубость незнакомого командира, начштаба почувствовал мою обиду:

— Он что... грубо говорил?

— Д-да.

Капитан подумал минуточку-другую, повернулся к сейфу и достал топокарту:

— Нуте-ка покажите, где это случилось.

Дрожавшим пальцем повел я по извилинам шоссе, лесной дороги и остановился на развилке. И ужаснулся: перепутал. Аксютин был прав. Как-то похолодело в животе.

— В-вот сюда, и дальше... Здесь эт-та поляна.

— Та-ак. В трех соснах заблудились. Там только вас и ждали! — лицо начштаба пошло белыми пятнами. — Черти вас туда понесли. Так, так... Значит, говорите, что из лесу вышел майор. Уверены, именно майор?

— Так точно, по две шпалы в петлях.

— Н-да. У некоторых старших лейтенантов тоже бывает по две шпалы.

Тут я ничего не понял: у кого и зачем бывают чужие знаки отличия. Может, то был самозванец?

— Вы выйдите и подождите в коридоре, — строго приказал капитан. — Скоро придет командир полка, разберется. Между прочим, у него тоже две шпалы. Но он-то точно майор. Ждите.

Ничего хорошего ожидание мне не сулило. Ясно, что завел роту к черту на рога, нарвался на какой-то закрытый объект, к которому и приближаться-то не следовало. Уж, конечно, ротным командиром не быть. Как пить дать. Да и бог с ним, какой я еще ротный. Тут в голову влетела фраза, услышанная на вокзале от хмельного лейтенанта-фронтовика: «Дальше фронта не пошлют, меньше взвода не дадут». Бодрился, но бодрость не приходила.

— Вы кого ждете? — спросил подошедший командир полка.

— Вас, товарищ майор.

— Заходите.

— Ну, вот и доложите лично комполка, что с вами произошло, — в голосе начштаба зазвенел металл, а белые пятна так и не исчезли с его лица.

Я повторил рассказ и показал на топокарте место, где проводил учения. Майор и капитан выразительно переглянулись. Я ждал немедленного возмездия. Но оба моих начальника долго молчали, причем в отличие от начштаба командир так и не изменился в лице, лишь медленно зашагал по комнате. Его взгляд мне перехватить не удалось, но заметил, что в уголках его губ вдруг вспыхнула усмешка. Точно такая была у него с неделю назад, когда я проводил перед ним ротный строй, конечно же, шаткий и валкий, а сам изо всех сил выпячивал грудь и печатал шаг. Как тут не улыбнешься!

— Этот майор спросил, из какой вы части?

— Да, но я назвал только полевую почту.

— Ну, удружил. Найти — раз плюнуть. А вашу фамилию?

— Нет.

— Так вот он и сказал: «Иди, лейтенант?»

— Точно так.

— Надо бы сообщить обо всем уполномоченному особого отдела, — продолжил начальник штаба.

— Нет, не надо. Как-нибудь обойдется, — ответил майор. — По-до-ждем. А вы что, — обратился он ко мне, — к наказанию готовитесь? Небось прикинули: дальше фронта не пошлют, меньше взвода не дадут? Так вот, могут вам дать куда как поменьше взвода, и послать значительно подальше. Ясно? Ах, да нет, наверное, не ясно, — и повернулся к капитану.

— Подождем, начальник штаба, по-до-ждем!

Ждать пришлось не так уж долго, недели три, и все это время нервы были у меня как натянутые струны: вот-вот что-то свалится. Но сыграли «отбой-поход», погрузились в эшелоны и, к величайшей моей радости, покатали на фронт. И все-таки еще некоторое время одолевало меня беспокойство, но в боях явились другие тревоги и опас-

ности. До старого ли было? Полк редел. Командир полка и начальник штаба погибли вместе, от одной бомбы под Поньрями. Актютича срезала пулеметная очередь под Севском. Конечно же, я узнал, какие именно старшие лейтенанты носят знаки отличия на два ранга выше, видимо, для пушего авторитета.

Возможные же последствия того шумного учения на подмосковной поляне я отчетливо представил себе лишь много лет спустя. Тогда, когда в газетах, журналах, на телевидении появились подробности о жизни и быте Сталина. Рассказали народу и о его так называемой Близней даче, где провел он тяжкие дни после вторжения и бурного наступления немцев и потом еще жил подолгу, оберегаемый неусыпной охраной. Вот куда занесло меня, желторотого птенца-лейтенанта, только выпорхнувшего из училищного гнезда.

Как и многие фронтовики, я нередко испытывал запоздалый страх, который сковывал сердце, когда опасность уже миновала.

Но самый большой и грозный запоздалый ужас я испытал через годы и годы, поняв, какие последствия для меня могло принести то шумное учение под боком у Близней. Шутка сказать, шестнадцать вороненых стволов глядели на тайное жилище Верховного Главнокомандующего, Председателя Государственного Комитета Оборона, Великого вождя! Стоило тому чекистскому майору доложить куда следует, вероятно, к своей немалой выгоде, и пока-тился бы я куда Макар телят не гонял, а скорее обратился бы в лагерную пыль. А вот не доложил.

Промолчал.

«Иди, лейтенант, иди», — эти слова и посейчас звучат во мне...

Чай, сахар, белый хлеб

Чемодан меня выручил, без него я бы не довез до полка московские подарки. Я обежал в столице дюжину домов и в каждом мне что-то непременно передавали. А брать было стыдно, люди отрывали от себя нередко последний кусок, да еще самый дорогой и сладкий; посылали конфеты в обертках и без них, печенье, вязанные носки и варежки, белье и, конечно, чай, папиросы и табак. Получил я и белый хлеб, годами невиданный на фронте, и даже четыре нежные булочки с хрустящей золотистой корочкой, которые называли французскими.

У меня были заняты обе руки, и я рисковал за неотдание чести провести один из трех отпущенных мне дней в московской комендатуре, где меня гоняли бы на плацу, заново обучая столь необходимому на войне строевому шагу. Но этого не случилось: предусмотрительный дедушка нашего полкового разведчика, кряхтя, забрался на антресоли в прихожей коммунальной квартиры и из их глубины добыл огромных размеров фанерный чемодан, покрытый толстым слоем пыли. Несомненно, он служил ему в годы гражданской, а то и первой мировой войны, но был еще крепок и мог послужить и в эту войну. В него свободно вошли все подарки, и я успокоился. Зато при посадке в поезд с ним было немало хлопот. На Белорусском вокзале состав, следовавший до Минска, брали штурмом, и мои шансы пробиться казались ничтожными. Но дедушкин чемодан и тут сослужил мне службу. Когда, поднапрягшись, я поднял его над головой и шагнул к ступеням вагона, то вдруг рвущиеся, протискивающиеся военные пассажиры на миг остановились и изумленно воззрились на фанерную громадину. Этого оказалось достаточно, чтобы я проник в тамбур.

Все нижние, все верхние и самые верхние — багажные, места оказались занятыми сидящими впритирку людьми, проход был тоже занят, и я с чемоданом, который, экономя площадь, поставил на попа, застыл, стиснутый со всех сторон. Размышляя, как бы устроиться поудобнее, я

пытался взобраться на чемодан, но он предостерегающе закрипел. Пришлось сползти. Так и стоял час за часом, как в московском трамвае в часы пик.

Выйдя на минский перрон, я обомлел: город, вернее его развалины, просматривались насквозь. Обломки стен, провалы перекрытий и крыш, горы кирпича, бетонного крошева, почернелые остовы деревянных домов, кучи угля и пепла... И мне захотелось поскорее вернуться в полк.

Цель моего путешествия находилась на одной из небольших станций на границе Западной Белоруссии с Западной Украиной. Мне повезло, поезд стоял на путях. Я спросил машиниста, правильно ли еду, он кивнул головой: «Садись, хлопец... Довезу, а там еще пересядешь на рабочий поезд».

В товарном вагоне на степлевшемся песке я безответственно заснул, и никто не обидел меня и не покусился на мой чемодан: вагоны с балластом мало кого интересовали. К вечеру я высадился на станции и узнал, что рабочий поезд пойдет утром, где-то надо было переночевать. Неподдалеку от станции начинался поселок, десятка три домов, и я решил попытаться счастья.

Трое суток в родном городе в положении дорогого гостя оторвали меня от фронтовой настороженности, и я было забыл, где нахожусь. Но первый же человек, открывший мне дверь, его бегающие глаза и бормотанье, что пану у нас не долбеж будет, что в доме тесно и положить панатараша негде, вернули мою собранность и бдительность. Зашагал по поселку — стал искать хату победнее, думалось, что владельцы ее подороже. Но все дома были, на одно лицо — под соломенной крышей, с потрескавшимися, заплатанными стеклами в окнах, покосившимися плетнями. Зашел наугад, и хозяева сразу мне понравились. Наверное, существуют объяснения мгновенной приязни: в облике встреченных, в выражении их лиц, обстановке жилья... Мне приглянулись их спокойствие, несуетность. Мужчина с седыми висками, с культей, которую обнимала завязанная брючина, женщина с ярко-голубыми глазами на округлом курносом лице, встретив меня, сразу пропустили в горницу. Я объяснил, что прошу только переночевать и могу устроиться где придется, лучше на полу...

Они согласно закивали головами, ничего не сказав о скромности и бедности своего жилья. Что есть, то есть. Я снял шинель, присел на табуретку и огляделся. Обстановка? Какая уж тут обстановка: домодельный стол с чисто выскобленной столешницей, широкие лавки, табуретки, потемневший от времени сундук и полки с посудой: армейские котелки и кружки, чайник; виднелась кухня — с чугуном на загнетке. Как это я сразу не заметил ребятишек, утварь углядел, а их нет! Они занимали так мало места, были тихие-тихие: два мальчика лет шести и восьми и девчужка постарше. Располагались они неприметно в уголке за сундуком. Согнувшись, что-то перебирали на обрывке плащ-палатки, наверное, зерно или крупу. Их годовы повернулись ко мне, одинаково светлые, а глаза обежали меня и остановились на моем величественном чемодане. Поди такой фанерой громадины никогда и не встречали.

Подумав о ней, я почувствовал голод. Перекусить и завалиться спать. Чего же время терять? Достал ключи, наклонился над чемоданом, открыл его и сразу почувствовал, именно почувствовал, как вздрогнули ребятишки. Обернулся — ребячья головы мигом склонились над плащ-палаткой. Между тем родители деликатно вышли в кухню.

Ребячья головы снова поднялись, а их глаза, как магнитом, притянуло к содержимому чемодана. Поверх всего между пакетами с сахаром и чаем лежали буханки белого хлеба и булки с золотистой корочкой, французские. Конечно, здешние ребятишки не слыхивали этого названия и никогда не видели этих булок.

Лично мне среди редкостных припасов принадлежали кулечки с пайковым сахаром, крупой, остистым чаем, пачка табака и две буханки солдатского хлеба, все это было получено на продпункте Белорусского вокзала, признаться, сверх нормы. Что касается французских булочек, то вру-

чавшая их мне мама полкового комбата сказала: «Две сыну, две вам, полакомитесь в дороге». «Ну что вы, я все доведу», — заверил я, представляя, какими неимоверными усилиями она добыла эти полузабытые хлебцы. За сутки пути они подсохли, но все еще были прекрасны.

Пайковый хлеб, сахар и чай выложил на голую столешницу, пригласил хозяев и детей к столу. Взрослые стали отказываться, дети не двинулись с места, но взгляды их перебежали с искрящихся рубленых кусков рафинада на лежавшие в чемодане неведомые им французские булки. Я принялся колоть сахар в ладони рукояткой ножа, как это делал мой отец, и снова пригласил всех к столу. Девочка окликнула родителей.

— Тату, мамо?

Это был вопрос: можно ли. И тогда хозяйка подошла к столу, а за ними и дети.

— Дзякую, дзякую, — промолвила женщина. — Но позвольте воду вскипятить.

Жар в печке еще не остыл, и вскоре хозяйка в большом медном чайнике, отдраенном до флотского блеска, заварила чай и расставила кружки.

Как сейчас вижу это вечернее чаепитие. Чинно и покойно расположившуюся за столом семью. Смущение старших, они пили вприкуску, глотая чай маленькими вежливыми глотками, откусывая крохотные кусочки рафинада. Ребята сначала торопились, обжигались, и я, вспомнив детство, сказал им:

— Дуйте, дуйте, ветер под носом.

Так говорила бабушка. О ней я подумал еще раз, когда семейство втянулось в трапезу, и дети, освоившись, стали выразительно поглядывать на покоившиеся в открытом чемодане белые булочки. Я понял их и, достав две, протянул девочке, она поблагодарила и попросила:

— Тату...

Отец разрезал булки, разделил поровну, и дети медленно жевали, скорее сосали, как конфеты, растягивая удовольствие. Тогда я вспомнил бабушкино присловье, выражающее высшую степень удовольствия и удовлетворения: «Чай, сахар, белый хлеб». В тот час они и посетили хату пристанционного поселка.

Хозяйка предложила мне переночевать на широкой лавке, очевидно, супружеском ложе. Я поблагодарил. Ребятишки натаскали соломы, женщина покрыла ее пестрядиным половичком и, сопровождаемый ласковыми взглядами детей, я снял сапоги, ослабил ремень с кобурой и пистолетом, улегся и быстро заснул. Только одна мысль мелькнула у меня: «Сколько же надо булок, чтобы досыта накормить ребятишек, испытавших войну?»

Спал я долго, и сон мой был глубокий. Проснувшись поздним утром, оглядел комнату и сразу все вспомнил: вечер, детшек, чаепитие. Мой чемодан стоял на месте. Дети ждали моего пробуждения, но почему-то в кухне, наверное, мать наказала не тревожить гостей. Когда я встал, старшая — девочка, поздоровалась и пожелала мне доброго утра. Но отчего-то голос ее дрожал, а в глазах застыл испуг. Может, плохо спала. Хозяина не было. Хозяйка поставила на стол чайник, кружки, я нарезал хлеб, наколол сахар. Мы позавтракали. Я поблагодарил гостеприимных людей. Дети и мать поблагодарили гостя. Хозяйка проводила меня до порога, поклонилась и вдруг, изменившись в лице, боязливо, тревожно зашептала:

— Пан офицер, пан офицер...

— Что такое? — удивился я.

— Ох, счастливы ваш бог... Послушайте. Тильки поклянитесь — никому ни слова.

— Хорошо, — усмехнулся я. — Клянусь.

А сам подумал: ну что тут могло случиться? Пустяк какой-нибудь. Но оказалось, не пустяк.

Торопливо, глотая слова, она рассказала, что ночью приходили люди из леса.

— Какие люди? — спросил я, понимая, конечно, что то могли быть бендеровцы, немцы, просто бандиты...

— Плохие люди. Счастливы ваш бог...

Я замер, испытал не раз изведенное на войне чувство запоздалого страха. Опасность миновала, а оно возьмет и накатит. Я вопросительно поглядел на хозяйку:

— Что же?

Она не сразу ответила:

— Они... Они хотели зарезать вас... Во сне... Таким штыком-ножом...

Даром что повоевавший, обстрелянный, я содрогнулся и схватился за кобуру. Странно, но мой «ТТ» был на месте. Стараясь быть спокойным, спросил:

— Что же помешало им? Или — кто?

— Чоловик мой. Муж.

Это уж было вовсе непонятно. Если он связан с этими людьми из леса, то зачем ему было защищать меня? Если нет — он страшно рисковал. Да и каким образом можно остановить бандитов, занесших нож?

— Почему? Почему он это сделал, ваш муж? И как?

— Пан офицер. Муж сказал им, что вы дали нашим детям и нам чай, сахар и белый... белый хлеб...

— Что — только это он и сказал?

— Да, только это.

— И все?

— И все, пан-товарищ.

— Что же сделали эти люди?

— Ушли.

— А мой чемодан, оружие, почему они не взяли их?

— Не схотели.

...Кто муж, кто она? Кто эти лесные люди, пытавшиеся меня убить, но отказавшиеся от своего замысла лишь потому, что поделился хлебом и сахаром? Плохие люди? А может, не совсем плохие?...

Кобура

С визгом и хрюканьем рвались мины. С бурывшим свистом густым посевом неслись с неба черные бомбы. Обстрел и бомбежка прихватили пушечную батарею на пути к огненным позициям. Вокруг — ни окопов, ни кюветов, ни старых воронок. Над землей — рой мятущихся осколков. Не то чтобы стрельнуть из карабина в невозбранно пикирующие «юнkersы», но и головы не поднять. Лучше прижаться к родимой и переждать: или «лаптежники» улетят, или минометы заткнутся. Виктор распластался на голом — ни былинки — песчаном скате.

Но зачем же вскопчил на ноги и побежал капитан? Разве не знает, что касетные бомбы сыплются, как горох, между разрывами и десятка метров не насчитаешь? Знает, конечно, и все-таки бежит. Спина ссутулилась. Немолодой, усталый. И, как думает Виктор, так и не ставший военным человеком. Капитан Мельников тем временем подскокил к затаившемуся пламенем грузовичку, рванул дверцу кабины, схватил какую-то папку — конечно же, свои чертежи — и повернулся... «Ну, скорей, ложись... Падай, старина!»

Не успел. Повалился на бок, перегнувшись пополам, обхватил руками живот. Стало быть, ударило. Эх-х, беда!

Мельников лежал, скрючившись. Последняя тройка «Юнкерсов-87» отбомбилась и ушла. Вроде и немецкие минометы стали бить реже и куда-то в сторону. Виктор кинулся к капитану.

То, что он увидел, сковало его. Хотя раны были ему не в диковинку, две сам перенес, да и перевязывать их умел, но с такой никогда не встречался. Гимнастерка Мельникова была пропорота на животе, видать, не одним осколком, а наружу вылезало что-то осклизкое и кровавое. Что это? Желудок? Кишки? Не разберешь. Вспомнились советы старых солдат: перед боем не пей, не ешь, потерпи; если в живот ранят, голодный, может, и выживешь, а нажрался — каюк. И подумалось: ел ли капитан перед бомбежкой? Ай, да об этом ли сейчас думать! Ведь это, живое, кровавое, вывалилось и пузырится. Надо же скорее перевязать, не то все, все из капитана выйдет! Но чем?

Вывхватил из кармана индивидуальный пакет, разорвал...

Да разве годится, разве такую рану забинтуешь им? Бинт и не удержит ЭТО. Разве что несколько бинтов...

Виктор взглянул в лицо Мельникову. Оно было серым. Глаза открыты. Он даже не стонал.

— Пал Петрович! Пал Петрович! — заспешил Виктор. — Я шас, я шас. Ты будь спокоен.

Пожоже, он успокаивал самого себя. Капитан кивнул: мол, подожду, делай, что положено. А что положено? Мозг заработал с бешеной скоростью, прокручивая разные спасительные возможности. Искать санинструктора? Своего нет: Таню с тяжелым ранением увезли в тыл. Значит, у соседей. Но пока добежишь... собрать у бойцов перевязочные пакеты? Долго... А ведь ЭТО пучилось, сползало, вот-вот упадет на землю! Вдруг пришла решительная мысль: надо, непременно надо, и как можно скорее, вернуть на место то, что покинуло тело Мельникова. И тогда все будет в порядке, он спасет капитана. Причем то была не просто мысль, а еще и чувство: вернет — спасет. И есть для этого средство, есть! Полотенце. Не армейское, короткое, как портянка, а домашнее, мамино, хранимое в «сидоре» все военные годы. Мама любила такие большие махровые полотенца, а на этом вышла крупно его инициалы: ВЕК, Виктор Евгеньевич Кузьмин. При этом сказала, что инициалы счастливые, обещают долгую жизнь. Может, мамина вещь и капитана спасет!

Быстрее, быстрее. Он выхватил из кабины тягача мешок, взял полотенце и, вернувшись к Мельникову, стал осторожно обертывать разверстную рану, стараясь охватить внутренности и бережно вложить их в живот. Не получалось, кровавая масса не давалась, выскальзывала, а он, стиснув зубы, с фанатическим упорством выполнял задуманное. В нем качалось, как маятник: верну — спасу, верну — спасу...

Наконец ему удалось упрятать ЭТО и закрепить, связав концы полотенца, которое насквозь пропиталось кровью, за спиной капитана. Он снова встретился глазами с Мельниковым и поразился его ровному, словно застывшему взгляду. Кажется, потерял сознание. Надо было еще что-то делать; в голову лезли книжные средства: дать понюхать нашатырного спирта, побрызгать лицо водой... Последнее было возможно, Виктор потянулся к фляжке. Но его остановил тихий, какой-то отчужденный голос капитана:

— Слушайте, Виктор Евгеньевич, я хочу вас кое о чем попросить.

Странно было слышать сейчас его обычные вежливые фразы. Мельникова в полку считали человеком неисправимо штатским, интеллигентом «от и до», и относились к нему внимательно, но несколько покровительственно. Все знали его слабости. Например, совершенное отсутствие командирского голоса. Речь его была плавной, слитной, фразы завершенными. Он никогда не произнес ни одного резкого слова, никогда не командовал, а предлагал и просил, что, впрочем, нравилось красноармейцам в отличие от некоторых командиров. Бойцы говорили: «Вот капитан Мельников объяснит — с одного раза поймешь». И действительно, когда недавно в полк привезли американские самоходные установки с чертежами и всей документацией по-английски, Мельников, в прошлом преподаватель физики, освоил эту иностранную технику за неделю и все ее премудрости терпеливо и просто растолковал командирам и бойцам...

С ним решительно все в долку, от командира до рядового, говорили особо вежливо. Даже полковник утишал свой командирский бас в разговоре с капитаном и называл его по имени-отчеству.

— Я хочу вас попросить, — с трудом повторил Мельников, у которого была привычка повторять слова, а то и фразы, сохранившаяся, вероятно, с учительской поры. И Виктор, подавляя в себе ужас, ответил ему обычным голосом:

— Пожалуйста, Пал Петрович.

— В левом... в левом кармане у меня документы и письма. Документы и письма. Вы поняли?

— Да, да.

— Документы оставьте... Оставьте. Может, пригодятся. Письма отправьте... Отправьте по адресу... По адресу на конверте.

Ему стало невмоготу, он, набрав в грудь воздуха, продолжал:

— Папку с чертежами и... и запиской к ним отдайте... начальнику, начальнику артмастерской... Он разберется. Вы поняли меня?

Виктор кивнул.

— Часы карманные, старинные, перешлете по моему... моему домашнему адресу...

— Сделаю. Сделаю, но вас сейчас надо...

Он не дослушал, боясь, что не хватит сил досказать:

— Пистолет с кобурой снимите... «ТТ» сдадите начбою... А кобуру... кобуру возьмите себе. Себе возьмите. Она из доброй кожи, а у вас кирзовая... Вы поняли?

— Понял, все понял.

— Хорошо. Делайте... Я отдохну.

Солдаты побежали за подводой — была трофейная в тылу полка. Машина не подошла бы для такой трудной перевозки. Виктор осторожно вынул письма и документы, ему казалось, что Мельников внимательно следит за его действиями из-под полуприкрытых век. Наверное, так и было: когда Кузьмин снял кобуру с пистолетом, Мельников кивнул:

— Все. Повезете?

— Да, очень скоро.

Больше капитан не проронил ни слова, только когда его бережно укладывали на телегу, повернул голову и прощально улыбнулся.

Подвода вернулась к вечеру. Павел Петрович скончался, когда его вносили в палатку медсанбата. Виктор выполнил его последнюю волю: передал папку с чертежами, переслал письма и к ним приложил свое — о последних минутах Мельникова. Часы отвез родным капитана его земляк, получивший отпуск по ранению. А кобуру Виктор носил все оставшееся время войны, вложил в нее свой «ТТ» и с ней не расставался на Украине, в Бессарабии, Румынии, а когда армию перебросили на запад, то в Польше и Германии. Кобура служила ему и в российских городах и весях. Может, с ней бы и закончил службу, если бы не выклянчил ее сын. И тот долго не расставался с кобурой в ребячьих играх, пока не поменял на игрушечный автомат.

Где она, кобура капитана Мельникова, может, еще и жива?

Александр Купченко КУЗНЕЧИК

Рис. П. Крапивина

Квартира выглядела ужасно. У книжного шкафа отвалилась ножка. Шкаф накренился, и книги, растопырив пыльные страницы, разлетелись по полу в опасной близости от банок с побелкой. По стенам змеились трещины и кое-где свисали клочки старых обоев. Ремонт...

Посреди всего этого безобразия сидел на кровати Тимка, сонно щурился на яркое июльское солнце, зевал и слушал невеселые голоса, доносящиеся из-за стены:

— Сейчас я поверну, а ты держи, — это папа.

— Да оставь ты ее, не дай бог отвалится, — это мама. — Александр, осторожно!

Грохот. Упала полка?

— Я тебе говорила, — мама жалобно.

— Вечно вы, женщины, из-за каждого пустяка...

Очень сильный грохот. Даже Тимка вздрогнул. Упал шкаф?

— Мы так никуда не уедем, — мама в преддверии истерики.

— Дай мне лучше отвертку с коричневой... я тебе говорю, с коричневой ручкой. Неужели так трудно сообразить?..

Новый грохот... Тимка недоуменно пожал плечами. Все, что могло упасть, уже упало. Тимка перестал прислушиваться, сунул ноги в нагретые солнцем тапочки и побрел в туалет. В приоткрытую дверь кухни было видно, как бродят в известковом тумане родители.

«А деда снова заперли... — думал Тимка, возвращаясь из туалета. — Вместе с коллекцией. Принципиального старика закрыли вместе с марками в собственном кабинете. Ясное дело — марочки любят порядок и не любят пыли. Не дался живым дедище. Сражался, как... до последней капли воли».

Тимка тронул дверь кабинета деда, и та неожиданно поддалась. На пороге стоял сам Евгений Иванович. Засунув руки глубоко в карманы брюк, раскачивался с пяток на носки.

— Доломали? — поинтересовался дед. — Можно идти завтракать?

— Папа, — сказала мама из кухни, — ты разве не видишь, что Александр...

— Вижу... штурм Кенигсберга. Только там для установки фугасов специальные траншеи рыли и уж конечно перед взрывами своих оповещали.

— Какие еще траншеи? — обиделась мама. — Александр штукатурит...

— Да? — искренне удивился дед. — А я думал, репетирует сложный акробатический трюк.

Действительно, Тимкин папа, Александр, был похож на акробата. Зажав в зубах отвертку с длинной коричне-

вой ручкой, он стоял одной ногой на подоконнике, другой на стуле и, балансируя ведерком, тянулся рукой с зажатым в ней мастерком под потолок.

Тимка хмыкнул и тут же получил от мамы профилактический подзатыльник. Но не обиделся.

А дед подумал, посмотрел и сказал:

— Как только Александр Сергеевич свалится, ты, Пина, мне чайку нальешь?

— Папа, — мама сделала предостерегающее лицо, но Тимкин отец все равно упал.

— Евгений Иванович! — обиженно сказал Тимкин папа, поднимаясь. А дед сказал на это:

— Любое тело... пардон. Любое ФИЗИЧЕСКОЕ тело, будучи отклонено от вертикальной оси более чем на 45 градусов, падает всегда, под воздействием силы тяготения — если только оное тело не Тарзан и не успеет зацепиться за что-нибудь.

Тимкин папа мало походил на Тарзана. Потирая ушибленное колено, он сказал, что пусть мама быстрее кормит всех и особенно деда. Потому что когда Евгений Иванович голодный, он вообще...

— Да, — сказал дед, — я и так-то, но уж когда голоден, я иногда вообще.

Тут мама побыстрее накрыла на стол в комнате. Как и следовало ожидать, известка трещала на зубах. Дед раскачивался на стуле, который скрипел. Тимка подумал и тоже стал скрипеть стулом. Как будто качка. Как будто их с дедом качает на одной волне. Весь завтрак прошел в молчании, если не считать скрипа стульев.

— Ну вот что, до-мо-чад-цы! — отодвинув пустой стакан, сказал дед. — У вас тут этого так называемого ремонта еще на два дня, не так ли?

Мама кивнула. Папа нервно вздохнул.

— Поэтому я забираю Тимку, и мы уезжаем. К часу «Ч» вернемся. А вы тут без помех займитесь акробатикой.

— Но, — возразила мама, — еще же документы...

— Именно поэтому, — сказал дед.

— И собраться. И я вообще не понимаю, зачем это делать... Куда-то переться? С твоим здоровьем, папа!

— Оставь, — Тимкин отец облокотился на стол. — Так, наверное, правильной. Не знаю, лучше ли... Но в четверг в семнадцать часов...

— Я помню, — сказал дед.

Мама принялась убирать посуду со стола. Тимка показал деду большой палец.

— Значит, рубить? — спросил дед.

— Господи, что еще рубить?! — ужаснулась мама.

— Швартовы, сударыня, швартовы, — сказал дед.

— А еще... — проговорил Тимка и чуть покраснел, — возьмем Альку? А?

— Какую такую Альку? — не понял дед.

— Ну, Ольгу с шестнадцатой... С которой я в пионерский лагерь в прошлом году ездил.

Дед поглядел на Тимку и неожиданно легко согласился:

— Альку так Альку. Отпустят — возьмем.

— Ты не бойся, дед. С тобой кого хочешь отпустят, — повеселел Тимка. — У тебя вид представительный. На такой вид самый нервный родитель может смело положиться.

Алькины родители оказались людьми мнительными и до упора закомплексованными. Но в конце концов безупречная репутация Евгения Ивановича сыграла свою роль: Альку отпустили, Алька, восхищенно глядя на деда, ска-

зала на одной ноге и вдруг ткнула Евгения Ивановича носом куда-то в ухо. Поцеловала, значит.

— Ну вот, — смущенно сказал дед, — еще не поехали, а уже чувствую себя достаточно глупо.

— Евгений Иванович, вас все боится, — зашебетала Алька, забираясь на заднее сиденье. — Абсолютно все. Даже тетя Тамара. Как только увидит вас, сразу синееет и говорит, я в другой раз зайду. А я вот нисколько. Тимка может подтвердить.

Дед поглядел на Тимку. Тимка посмотрел на деда, вздохнул и подумал: «За что я только люблю тебя, Алька?»

— Такая скучица сидеть дома, когда все в лагере, — продолжала щебетать Алька, — Ларка тоже в лагере. Не знаете Ларку? К ней еще дядя приезжал из Калининграда.

— Мадемуазель, — сказал дед и добавил многозначительно: — Вы же не хотите, чтобы я посиел, как тетя Тамара?

— Нет, — подтвердила Алька и сделала печальную мину.

— Тогда не отвлекайте меня от дороги. Иначе первый же столб — наш...

Наконец-то в машине стало тихо.

Тимка смотрел на красивое Алькино лицо и думал о превратностях любви. А дед сказал через какое-то время:

— Мы, мужчины, иногда совершаем ошибку, доверяя нашим чувствам. Да.

Тимка покраснел.

Но вот город кончился. Дед приосанился и добавил газу. Впереди было пустынное шоссе. Точнее, почти пустынное. Скользила нанизанная на липкую асфальтовую струну оранжевая бусинка-автомобиль далеко-далеко впереди. И все.

Дед строго глядел на ускользавшую под капот дорогу — он к ней относился снисходительно, но с уважением.

— Как автомобилист со стажем, — сказал дед, — замечу, что профессионала от любителя отличает такое ценное качество, как хладнокровие. Дорога не любит ухарей. Знал я их множество, и все они закончили печально.

— Правильно, — вставила Алька, — дорожные правила для того и пишутся, чтоб их соблюдать. Вот у нас в классе тоже есть правила...

Но дед не дал ей развить мысль.

— Но когда я вижу, молодые люди, впереди самоуверенного зануду, — проговорил дед, — который полагает, что ему позволено битый час мозолить мне глаза и пылить в лицо, я прибавляю скорость.

Впереди, как и час назад, двигалась оранжевая точка. То нырала в ложбины, надолго исчезая, то вновь неожиданно вспыхивала на вечернем солнце.

— Если не умеешь ездить, сиди дома, — проворчал дед. — Между прочим, — обращаясь к Альке, сказал он, — я бы вам посоветовал заняться бутербродом. Запах сыра и колбасы помогает мне сосредотачиваться.

— Да, — подтвердил Тимка. — Дед лучше врубается в дорожную ситуацию, если рядом жуют. А мы сейчас идем на сложный обгон...

— Обгон... — дед презрительно хмыкнул. — Какой это обгон... Так, разминка в начале пути. Сейчас я эту оранжевую жестянку сделаю за... полчаса.

Оранжевую жестянку сделали с перевыполнением графика, за 26 минут. Причем так славно, что Алька еще долго потом сидела восторженная и уже добровольно погло-

щала бутерброд за бутербродом. Тимка даже начал волноваться за ее здоровье... А иначе какая же это любовь?

Мелькали по обочинам золотистые стволы сосен. Небо лежало на их широких ветках. Терялся в медово-золотистой глубине солнечный свет. Длинные тени легли поперек дороги. И оттого дорога превратилась в «зебру». Все в мире было славно и покойно.

Тимка задумчиво смотрел в окно. За окном все было знакомое и какое-то привычное, словно дома. Привычно и на своих местах стояли деревья. Летели вечерние узкие оранжевые облака. А на заднем сиденье очень хорошо молчала Алька. Тимка поглядел в зеркало над водительским местом. Алька, кажется, дремала и красиво улыбалась. Именно так красиво улыбались все девчонки, которые нравились Тимке.

Место для ночлега выбрали неподалеку от дороги, на берегу неширокой речки, где пели лягушки. Едва открыли дверцы машины, как налетели комары. Из-за комаров пришлось срочно разводить костер. Алька скакала на одной ноге вокруг костра и, отмахиваясь от мошкары, громко пела:

— Ура! Двенадцать стервцов на бочку с джемом!! Ха-ха!

А Тимка, наоборот, сделался скучным. Взбрался на еще теплый капот машины, а потом и вовсе улегся на спину. В небе было пусто. И уютно. Собирался тихий дождь. Лягушки смолкли, может, перед дождем, а может, испугавшись боевой Алькиной песни. И сразу стало слышно, как ворчит лес. Лес перекричать Алька не могла, сколько ни старалась.

Из леса вернулся дед с охалкой хвороста. Охнув, сгрузил на землю и, придерживая поясницу руками, окинул суровым взглядом безобразничающую Альку.

— Что-то я не совсем понял... На чем это там пляшет Оля? — спросил дед, повернувшись к Тимке. Тимка слез с капота машины и поглядел на Олю.

— На палатке пляшет, — скучным голосом объяснил Тимка, — и поет.

— Это именно на той палатке, старенькой, рассыпающейся, которую я неделю ремонтировал и в которой нам сегодня придется спать под дождем? — спросил дед.

Тимка грустно кивнул.

— А я думаю, что это тут за брезент валяется... — Алька, аккуратно ступая, на цыпочках сошла с палатки и стала печально созерцать лес, реку, облака и вообще все подряд.

Дед проворчал:

— Я теперь тоже вижу, что тут валяется брезент...

Но, к счастью, на этот раз дед ошибся. Палатка неожиданно оказалась крепче, чем все предполагали, и только в одном месте разошелся шов.

— Ну ладно, будем ставить... Собирается дождь... Тим, иди сюда. Будешь держать вот эти распорки. Ты, Алька, лезь внутрь — будешь вместо распорки задавать форму, — командовал дед. — А я сейчас забью пару колышков. Тимка, ты куда тянешь? Не туда. Отпусти свой край! Не тот! Алька, держись! Тыфу!

Тимка выпустил растяжки, палатка рухнула вместе с Алькой.

— Ты чего такой? — дед потрогал Тимкин лоб.

— Ну что вы там?... высунула голову из-под брезента Алька. — Тут же могут быть... мыши!

— Мыши тут уже были, — успокоил ее Тимка.

Наконец палатка была установлена. Дед довольно поти-

рал руки — все было сделано под его замечательным руководством. Окупано, растянуто, завязано... Потом, словно последний штрих на полотне художника, вокруг палатки были вбиты колышки, и озябшие, смертельно уставшие Алька с Тимкой полчаса прикрепляли к ним проволоку с нанизанными пустыми консервными банками. В далекой юности деду поведал об устройстве такого «сторожа» какой-то друг, не то геолог, не то бродяга.

— Какие медведи? — сипел жалобно Тимка. — Какие дурацкие волки?! Экологию знать надо.

— Ладно, ладно, — возражал упрямый старик, — ночью навалятся, а я отвечай за вас, так что ли? И ружье вскинуть не успеешь.

— Кто еще навалится? — Алька настороженно огляделась. — Вы кого имеете в виду? Вы, Евгений Иванович, как хотите, а я, наверное, в машине спать буду.

— Ну, дед! — не выдержал Тимка. — Кого ты запугал?! Ты всех запугал! Навалятся. Зацепятся.

— Ну вас, — сказал миролюбиво дед, — никто ни на кого не навалится, а я пошел спать. Но если что — кричите... — Дед уже скрылся в палатке, оттуда доносился его голос: — ...если что, кричите, что мы, мол, свои и в нас... — дед облегченно закричал, устраиваясь поудобнее, — ...и в нас, мол, не стреляйте.

У Альки вытянулось лицо. Она пристально поглядела на Тимку и вдруг бросилась к палатке.

— Евгений Иванович! — Алька пулей прошмыгнула под полог: — Вы еще не спите?

— Конечно, сплю, — сказал дед. — Я в это время всегда сплю. Кто рано ложится... тому... — зевнул дед, подумал и закончил: — тому, Оля, мама приснится. Спи спокойно.

Тимка хмыкнул и на четвереньках занял свое место в палатке.

— А почему кричать «я свой»? — не унималась Алька.

— Чтоб дед в темноте не промахнулся, — съехидничал Тимка. Повернувшись на бок, он попробовал привычно свернуться калачиком, но колени уткнулись в чью-то испуганно вздрогнувшую спину...

— Я это, — сказал Тимка и добавил на всякий случай: — Свой... — А сам подумал: «Разложились тут, понимаешь, как королевы».

Когда все задремали, пошел дождь. Тихо застучал по брезенту. В сонной Тимкиной голове вертелись тревожные обрывки фраз, какие-то неприятные силуэты, подтецы или стервцы, плясали на бочке с порохом и громко пели. Прошло, может быть, несколько минут, а может, и часов, как вдруг раздался страшный грохот. Словно взорвалась бочка с порохом, на которой так славно плясали пираты.

«Банки сработали!!!» — пронзила Тимку страшная мысль. — «Сейчас навалятся!!!» В тот же миг кто-то больно съездил ему по носу. Отчаянно отбиваясь, Тимка вскопчил. Что-то мокрое и тяжелое рухнуло на него сверху.

— «Навалились!» — содрогнулся Тимка.

— Я свой! — пронзительно завизжало прямо под Тимкой и очень больно двинуло в спину.

— Все свои! — отозвалось эхом рядом. — Все свои!!!

— Не стреляйте! — закричал Тимка, раздавая удары направо и налево, рванулся что было сил. Раздался треск, и Тимкина голова и плечи неожиданно легко проскользнули в образовавшуюся в брезенте дыру.

Внизу, там, где оставались его ноги, шла отчаянная схватка. «Навалились туда, а я стою тут...», — прищипала мысль, и Тимка уже собрался было нырнуть обратно, как

из распахнувшегося полога палатки выпала Алька. И сразу все стихло. Только настырно гремели банки. А в двух шагах на траве сидел... дед? Дед. И что-то там крутил, дергая дурацкую проволоку.

Заметив выпавшую из палатки Альку, дед перестал греметь и удивленно спросил:

— Ты что, Оля, не спишь? А? Не спится? Так рано еще...— Дед поднял глаза и увидел Тимку, застрявшего прямо в крыше палатки.

— Дед...— едва не плача, сказал Тимка.— Кто навалился?

— Да никто...— ответил дед.— Я, понимаешь, задремал было, а потом вспомнил: ружье в машине осталось. И пошел. А здесь дождь прошел. Ну и подскользнулся... И сразу, как запутался, вам сказал: все свои, чтоб без паники, спите себе дальше. Ведь рано же еще. А потом гляжу, Ольга вышла...

— Да-а...— Тимка потер ушибленный нос.— Вышла. Как же она вышла... когда выпала?

Алька продолжала сидеть, ошарашенно переводя взгляд с деда на Тимку. Тимка вылез из дыры в брезенте, после чего палатка сразу обмякла, и спокойно сказал: — У Альки, дед, вон тик от тебя...

Дед помолчал, зевнул, потянулся:

— Ладно, раз вы проснулись, будем готовить завтрак.

— С вами, Евгений Иванович, не соскучишься,— сказала Алька, окончательно приходя в себя.

— Мы пережили интересную ночь. Она нам запомнится,— сказал дед.

— Да, Евгений Иванович,— подтвердила Алька,— такого приключения со мной еще не случалось. Даже когда в пионерском лагере ночью мальчишки нас зубной пастой мазали, и то не так страшно было. Хоть Ларка и визжала...

— Ларка у вас больная,— заметил Тима, устанавливая котелок с водой на костер.

— У нее кожа чувствительная,— сказала Алька,— она каждое утро макияж наводит...

— Ага, дед, наводит. А потом ее всем отрядом отмывают. Потому что она страшная в макияже, и мелюзга ее пугается.

— Занятно,— сказал дед, заправляя воду макаронами.

— Ага, занятно было, пока в нее не влюбился во второй смене Серж,— сказала Алька.

— Какой еще Серж?— спросил Тимка.

— Да Завьялов. Так он ей сразу заявил — я не уважаю девочек, что красятся. У Ларки, конечно, истерика. У нее же кожа чувствительная. И натура восприимчивая. Она еще стихи сочиняет. Вот приедем, я тебя, Тимка, с ней познакомлю.

— Больно надо,— скорчился Тимка.— Я ее знаю. Дура. И нос у нее длинный.

— Она страдает, Тимка. Нос — это ее отчаянье. Она даже в кабинет ходила, где носы режут, а ей там ни в какую, говорят, не отрежем. А она настаивала, чтоб отрезали... А потом так рыдала.

— Рыдала,— фыркнул Тимка.— Там мозги не меняют? В том кабинете?

— Нет...— Алька не заметила подвоха.

— Жаль,— искренне посочувствовал Тимка.

Над лесом вставало солнце. Тени от деревьев потянулись к реке и, наконец, окунулись в воду. Трава расцвела росистой росышью. Заметно потепело.

— Разговоры у вас какие-то анатомические,— вме-

шался дед.— И вот еще... Ты, Тимофей, все-таки не прав. Девочка пишет стихи — это же прекрасно. Стихи возвышают душу. Может быть, ты, Оля, прочтешь нам что-нибудь из сочинений твоей подружки? Если помнишь...

— Кто же такие стихи забудет, Евгений Иванович?— удивилась Алька.— Как она прочла, когда ее Серж бросил, так и врезалось. Вот, пожалуйста:

Любовь мы знаем — зла!!!

Полюбишь и козла!!

Но я же не капуста!!

Чтоб было тебе пусто!!

У деда приподнялись брови.

— Или,— продолжила Алька, захлебываясь от собственной значимости.

— Будь красива!

Будь счастлива!

Пусть придет тебе аллах

Парня в джинсовых штанах!

— Дед, ты что? — попробовал было остановить опасное развитие событий Тимка, но было поздно. Тимка захотел было съездить Альке ложкой по лбу, но вовремя вспомнил, что он любит ее... А какая же это любовь, когда по лбу?

— Или вот,— тараторила Алька.

— Алая роза упала на грудь?

Милый мой парень, меня не забудь!

Белая роза упала совсем!

С другим я теперь... нет... как же там... С другим я хожу теперь назло вам всем!

У Альки загорелись глаза и покраснелись щеки. Она трогательно глядела деду в глаза, придвигаясь к нему после каждого следующего стиха. Дед пятился.

— Или...— Алька выдержала эффектную паузу:

— Люблю тебя, но это тайна!

В душе моей на это есть секрет!

Спросить теперь тебя не жалко,

Со мной ты ходишь или нет?!!!

— Какой,— очнулся дед,— потенциал. У меня даже в ушах заложил. Звенит. Ничего подобного никогда не слышал. Даже в войну. Какой-то фольклор на ходулях! — Дед принялся накладывать по тарелкам макароны.

— Да-а, дед,— сказал Тимка, принимаясь за макароны.— Они так там все орут про любовь, что около школы вороны больше не живут. Распугались.

— Еще!!! — вдруг яростно вскрикнула Алька. Дед от неожиданности уронил в котелок вилку.

— Еще,— торжествуя блестя глазами, заявила Алька.—

Раньше были рюмочки!

А теперь бокалы!

Раньше были мальчишки!

А теперь нахалы!

Раньше были стопочки!

А теперь фужеры!

Раньше были девочки!

А теперь пантеры!

Правда, потрясно?!

— Очень потрясает,— согласился дед, пытаясь длинной палкой выловить вилку из котелка.— Это все? Или еще чего-нибудь?

— Все... — печально кивнула Алька.

— Очень, очень большое спасибо,— сказал дед.— Теперь можно завтракать...

А Тимка ел-ел, а потом сказал:

— Ты, дед, не обращай внимания. У них класс с мазматическим уклоном.

А Алька сказала:

— Па-а-адумаешь...

На этом завтра закончился. Солнце уже порядком припекало. Наступило настоящее утро.

Мыть тарелки — занятие не из веселых, но что поделаешь, если дед совсем не мама. Не дожидаясь, пока Тимка и Алька соберут посуду, дед взял удочки и отбыл в направлении ближайших зарослей орешника.

— Клев должен быть замечательный, — на ходу бросил он. — Я подчасика подержаю окуньков, и мы будем с ухой.

Едва дед исчез в зарослях, Алька сказала:

— Пошли купаться, — и поскакала к реке, на ходу разуваясь. Доскакала до самой реки и исчезла.

В том самом месте, где исчезла Алька, река делала широкий поворот. Вправо и влево от этого изгиба тянулись кустарниковые заросли, переходящие в сосновый лес. В траве кто-то гудел. Конечно, шмели и разные мухи... Тимка побрел к реке. На берегу разделся и залез в воду. Вода была утренняя, свежая. Сначала Тимка нырнул и достал немного песка со дна. Потом проплыл немного. Потом решил «утопить» Альку. Но Алька сразу предупредила, что она и сама утонет, так как плавает очень плохо. Тимка поглядел на красивое лицо Альки и «топить» ее передумал. От нечего делать он поплыл за поворот, — посмотреть, как дед ловит рыбу. Дед за поворотом бессовестно спал, воткнув удилица в землю. И даже жалостно всхрапывал. На поплавке качалась стрекоза. Тимка не стал будить пригревшегося деда. И подумал: «Я меняюсь к лучшему».

Когда Тимка выплыл из-за поворота, он понял, что глупости в жизни мужчин случаются не только в кино.

Алька переодевалась на берегу. Наверное, она думала, что Тимка уплыл к деду ловить рыбу, а может, еще что... Но это не главное... Трава была ослепительно... Трава была ослепительная, как... Трава была зеленая, как... как... Алька стояла спиной к реке и смотрелась в маленькое зеркальце. А потом прыгала на одной ноге, вытряхивая из ушей воду, и вновь смотрелась в зеркало.

Тимка перестал плыть. Ноги коснулись дна.

Трава была зеленая, как... такая зеленая. И небо такое... В жизни никогда не бывает такого неба. А Алька прыгала, словно загорелый кузнецик, и смотрелась в зеркало. А волосы у нее были светлые, выгоревшие на солнце и длинные. И мокрые. В жизни никогда не бывает таких волос. Но это не главное... Было очень тихо. Гудела болтливая трава. Тимка по шиколотки увяз в тине. А Алька стояла на берегу, как загорелый кузнецик. Тонкая. И вдруг оглянулась. Тимка почему-то не утонул со стыда. Стыда не было. Алька испуганно улыбнулась и растерянно опустила руку с зеркальцем. «Зайчик» брызнул в траву. Тимка тоже испуганно улыбнулся и, выдернув из тины ноги, поплыл за поворот. А за поворотом спал дед. И храпел. Просто сидел себе на солнышке разомлевший старик и спал.

— Дед, — прошептал, вылезая на берег, Тимка.

— А? — дед вздрогнул и сразу выпрямился.

— Дед, — шепотом спросил Тимка, — что ж ты спишь, дед?

— Не кричи, — шепотом сказал дед, — всю рыбу распугаешь.

Тимка вдруг сделал сложное «сальто» и упал рядом с дедом. Дед подозрительно покосился на Тимку. Тимка

вытащил из воды удочку. На крючке обмяк сомлевший червяк.

— На такого даже я не позарился бы, — сказал Тимка.

— Он замаскировался, — вздохнул дед. — Он в глубокой засаде. — И, отобрав удочку, закинул обратно в реку.

— А помнишь, как ты в третьем... нет, во втором классе германскую серию на окно расклеил?

— Ага, — весело сказал Тимка, — ты сказал, что различные гены обошлись без меня... Ругался.

— Я не ругался, — сказал дед, — я тогда был в таком состоянии, что уже не ругался.

Где-то далеко закуковала кукушка. И куковала, слава богу, долго. Вернулась стрекоза и вновь нахально уселась на поплавок, и закачалась... У Тимки отчего-то сжалось сердце.

— Дед, а ты стихи знаешь? — спросил Тимка.

— Очень немного, к сожалению, — вздохнул дед. И улыбнулся. И у Тимки отлегло с души.

— Не про бокальчики, правда...

— Прочитай, — попросил Тимка.

— Вот стихи, написанные тоже в дороге, — сказал дед, — и я их люблю.

Кузнецик дорогой, коль много ты блажен,
Коль больше пред людьми ты счастьем одарен!
Препровождаешь жизнь меж мягкой травой
И наслаждаешься медвяною росой.
Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но в самой истине ты перед нами царь:
Ты Ангел во плоти, иль, лучше, ты бесплотен!
Ты скачешь и поешь, свободен, беззаботен:
Что видишь — все твое, везде в своем дому,
Не просишь ни о чем, не должен никому.

Дед надолго замолчал.

«Кузнецик дорогой...» — Тимка поджал колени и, обхватив их руками, смотрел в воду, на круги, разбегающиеся от танцующего поплавок со стрекозой.

«Кузнецик дорогой...» Тимка смотрел на воду и улыбался той улыбкой, что называется глупой.

— Ты, дед, не бойся... — произнес наконец Тимка.

— А я и не боюсь, — улыбнулся дед, — просто я огорчаюсь.

— Знаешь что, — сказал Тимка, — пошли... Хватит тебе спать. Там... и Алька одна, и вообще.

Дед смотал удочки, и они пошли. А червяков из банки выпустили на свободу. Повезло червякам, что и говорить.

Алька стояла у погасшего коэтра и перемешивала золу длинной обугленной палкой-кочергой.

— Бьюсь... — Дед опустил на землю пустое ведро. — Бьюсь об заклад — в этой реке полно рыбы. Однако сегодня возобладали гуманные мотивы. Вследствие чего популяция местной фауны сохранена в неприкосновенности, — просто объяснил дед отсутствие рыбы.

Алька перестала задумчиво «кочегарить» и мельком глянула на Тимку. Тимка был серьезен.

— Не клевала, — перевел он речь деда, — рыба.

— В другой раз... — осекся дед.

— А я уж думаю, что вас так долго нет, — Алька облегченно улыбнулась. И открыто посмотрела на Тимку. Тимка слегка покраснел и сказал:

— Так дед же... Он же... Дед ведь пока всю рыбу не выловит... Он же как этот... фанат. Его же никак не отвлечешь.

Дед оглянулся на Тимку и задумчиво произнес:

— Мне всегда было интересно, когда все врут и никто не краснеет.

— Почему это не краснеет? — Тимка действительно покраснел.

Мнительная Алька поглядела на деда, на Тимку и тоже залилась краской. И вдруг так саданула «кочергой» по золе, что Тимка попятился.

— А я с... дедом... это... — выдавил Тимка и тихонько возненавидел свой неповоротливый язык и всего себя, дурацкого, неуклюжего, совсем не мужественного. А, наоборот, такого... прямо никакого...

— Я купался... — наконец сказал Тимка и, решив уточнить, добавил: — Там... в этой... реке... — И тут же испуганно подумал: «Что я сказал?! Она, конечно, сразу подумает... что я нарочно... Тем более, что я... А она подумает, нарочно... Как будто специально. Как будто намеркая... Как будто...»

Тимка жалостно вздохнул.

— А я гуляла, — сказала Алька, настойчиво взбивая из золя гоголь-моголь.

— А я... купался... там, — повторил Тимка и вспомнил, что он это уже говорил.

— А я гуляла, — сосредоточенно повторила Алька, как на допросе.

«Кажется, сейчас помру», — подумал Тимка и принялся лихорадочно искать, что бы сказать, но как назло в голову лезло идиотское «я купался»... Но неожиданно Тимку осенило:

— Где? — спросил он. — Где гуляла?

— Там, — кивнула в сторону леса Алька. И вновь стало тихо. Пауза затянулась. Она уже стала шире той черты, когда еще можно что-то сказать. Она стала красноречивой, потом тоскливой, потом подозрительной...

Тимка внутренне собрался. Нужно было говорить. Что? Набрал побольше воздуха и очень громко произнес, как прокричал:

— Погода сегодня хорошая...

— Хорошая... — отозвалась эхом Алька.

— А вчера был дождь... ночью, — сказал Тимка.

— Дождь, — повторила Алька. В этот критический кошмарный момент вернулся дед, который отходил к машине.

— Ландыши, ландыши, теплого мая привет... — шел дед. Сунул Тимке котелок и велел сбежать за водой. Алька вцепилась в спасительную пачку макарон, и обстановка разрядилась. А сам дед принялся разжигать новый костер. Он поступил очень мудро. Любовь любовью, а кушать все равно хочется.

Обед прошел в тихой дружелюбной атмосфере.

После обеда день продолжался. Солнце перекаатилось на другую сторону реки. Дед лежал, удобно облокотившись, и размышлял:

— Вот если бы я курил, так сейчас бы закурил для полного ощущения...

— Курение — яд для вашего организма, Евгений Иванович, — заметила Алька.

— Дед, одна капля никотина убивает лошадь. Все знают, — подтвердил Тимка.

— Это какого-нибудь плохого никотина капля... Ну, там «Примы» или «Астры», а вот, к примеру, «Герцогвина Флор» никого не убивает. Хотя, — спохватился дед, — курение, конечно, отравя и эта... пакость. Не курите!

— Ты не бойся, дед, — успокоил Тимка, — я уже бросил.

Дед зевнул.

— Вот если бы я не спал, можно было... — дед вновь зевнул, — ...посмотреть место, где шведы форсировали Десну, когда шли к Полтаве. Петровские редуты называются... — Дед опять зевнул. — Редуты, конечно, нет, а место осталось. За третьим дубом. Какие редуты!.. Потрепали при переправе нервы Карлу XII...

— Что ж, ты, дед, зеваешь, когда спал все утро? — спросил ехидно Тимка. — Что ж ты зеваешь? Конечно, нужно немедленно идти и посмотреть. Правда, Алька?

— Конечно, Евгений Иванович... С познавательной точки, — подтвердила Алька.

— Знаете что? В моем организме какое-то странное смущение... Разбалансировка основных функций... Вон, вдоль берега в горку... Залезете на вершину — самое место. Из-за речки шли шведы. Здесь на бугре стояли наши. А я пока... — Дед зевнул и напялил на глаза газету.

— Все, — сказал Тимка, — он все сказал. Пошли?

— Если б я так много спала, у меня были бы мешки под глазами, — укоризненно сказала Алька, поднимаясь.

— Когда у тебя под глазами появятся морщины, девочка, поверь, мешки не так будут пугать... — донеслось из-под газеты.

Алька, пользуясь тем, что дед ее не видит, сделала мину, мол, мешки меня всегда будут пугать. И они с Тимкой отправились вдоль берега.

Берег вначале был пологий, а потом незаметно стал вздыматься к небу. Стали попадаться сосны. Потом начался лес. Сосны, те что стояли у самого откоса, цеплялись корнями за песок, некоторые даже почти висели. Тропинка вилась по самому гребню, то отступая под полог леса, то вновь выбегая на гребень. И даже кое-где обрушилась... Река подтачивала берег. Все выше забиралась ребята, хотя снизу холм и не казался высоким. Высота обозначилась только теперь, когда, остановившись передохнуть, Тимка показал Альке деда и машину. Маленьких и далеких.

На самой макушке холма, посредине небольшой поляны стоял дуб. Трава была усыпана дубовыми листьями вперемешку с хвоей. Дуб был не старый, лет четырехста. В нескольких метрах от дуба начинался обрыв. Обрыв, наверно, год за годом приближается, а для дерева, которое растет так долго, это очень быстро. И не убежать дубу, не отойти от опасной черты. Тимка вздохнул. И огляделся. Красивый вид открывался отсюда. Река, извиваясь и сверкая, тянулась в луга, и вдалеке синел лес. Ветра не было, только пахучий влажный воздух наплывал волнами. Да еще в небе кувыркалась то ли неумело, то ли нарочно птичка, и барахталась, и звенела.

Алька подошла, стала на самом краю обрыва с Тимкой. Из-под сандалий посыпался песок. И струился долго по песчаным барханам. Тимка провожал его взглядом. И Алька тоже. А потом Тимка поднял глаза, поглядел на Альку, хотел что-то сказать, и вдруг неловко ткнулся губами и носом ей в теплую щеку. У Альки вздрогнули ресницы и чуть изменилась линия рта. Так что даже непонятно, что... Тимка отвел взгляд. Тишина оглушала. Песок беззвучно струился из-под ног. Длинными прядями обтекал барханы. Алькины сандалии стояли на самом краю. Поцарапанные шиколотки. Загорелые и поцарапанные. Тонкие... «Кузнечик дорогой...» — вспомнил Тимка. И вдруг улынулся. Подмигнул Альке и, оттолкнувшись, прыгнул. Очень-очень долго летел. Или падал. А потом еще долго скользил по песку, вздымая тучи пыли. Катился к реке, пока не замер. Глянул вверх, туда, где на гребне стояла Алька, испуганно прикрыв ладонью рот. Тонкая. В светлом

платье, с длинными выгоревшими волосами.

— Алька! — крикнул Тимка. — Прыгай! Не бойся!

Алька прыгнула, и тут только Тимка испугался. И лишь взглянув на смеющееся лицо прибывшей по назначению запесоченной Альки, радостно закричал:

— Здорово! Ты катилась, как пушечное ядро! Ну, думаю...

— А ты, — закричала Алька, — ка-ак прыгнул! Я испугалась!

— А я думаю — песок мягкий!

— Мягкий!

— Ка-ак шендарахнусь боком!

— А я... а я с такой высоты еще никогда не прыгала!

— Ага! Я так испугался, когда ты прыгнула!

— А дед спит! — рассмеялась Алька. Тимка тоже засмеялся. Нельзя было понять, что в этом такого смешного, что дед спит, но Тимка с Алькой смеялись, пока не заболели щеки. Стоило кому-то затихнуть, как другой, корчась от смеха, выдавливал:

— А дед-то... дед дрыхнет... — И все начиналось сначала.

Потом Тимка посмотрел на Альку и прошептал:

— Я ведь тебя люблю...

Алька замерла, как тогда на обрыве. С лица исчезла улыбка. И опять что-то изменилось в лице... или мелькнуло что-то взрослое... или как у человека, которого окликнули, и он пытается вспомнить окликнувшего и не может, и не знает, сердиться ему или радоваться придется через секунду...

— И я люблю, — очень серьезно произнесла Алька и отвернулась.

Тимка хотел сказать еще что-то, но не решился. Показалось, что это будет глупо. Не зря ведь говорят, что слова нужны тогда, когда ничего другого уже не остается.

Тимка и Алька лежали у подножия Петровских рудотов, засыпанные песком. И очень трудно было представить им, как много-много лет назад бежали здесь солдаты нахального шведского короля, и русские солдаты тоже бежали. И ругались зло, и кричали... И потом лежали. И даже если бы они представили это, им не было бы грустно, так как это было давно. Так давно, что уже не чувствуется, а только помнится.

Тимкина рука касалась Алькиной руки. Солнце садилось за луга. Вслед солнцу тянулись плоские и рваные, словно поджаристые блины, облака. Золотистые на просвет. Очнулись лягушки. Сразу же запели. Прохладой потянуло от реки. Тимка пошевелился и приподнял голову:

— Ты знаешь... — сказал он, и сам удивился, как громко и противно звучит его голос. — Ты знаешь, Оль...

— Знаю, — сказала Алька. Тимка встал.

— Дед нас, наверное, ищет...

— Наверное, — сказала Алька.

— Оль, ты... — запнулся Тимка. — Ты больше не читай свои стихи... а то они...

— Глупые они, — вздохнула Алька. — Просто ради смеха.

Они еще некоторое время стояли неподвижно. Уходить не хотелось. Жалко было почему-то... хоть и непонятно, что жалеть.

— Надо идти, Тим. А то Евгений Иванович испугается, — нарушила тишину Алька, и они пошли, вначале по берегу, а затем зашлепали прямо по воде босыми ногами.

За время отсутствия ребят дед не терял зря времени. Поправил палатку, — хотя как поправишь дырку от Тим-

киной головы? Восстановил «систему безопасности». Разжег костер. И даже сварил ужин. Заметив ребят, дед сказал:

— Конечно, с точки зрения истерической педагогики вам следовало бы закатить хорошенькую истерику... — Он выразительно постучал по циферблату часов. — Однако, в отличие от некоторых, я верю своему внуку. И вообще, у меня принципы!

Одного только не сказал Евгений Иванович, что он, как «педагог, исповедующий неистерические принципы», мужественно сражаясь с одышкой, пару раз взбирался на холм и, объективно оценив обстановку, возвращался обратно. На холм его гнала ответственность...

«Неистерическая педагогика» произвела впечатление. — Совсем не понимаю, почему вас, Евгений Иванович, все так боятся во дворе? — пожалала плечами Алька.

— Макаренко, — заметил Тимка.

— Потому что они меня плохо знают, — сказал дед. — Но они еще меня узнают...

Когда ужин был съеден и тарелки вымыты, все решили, что только очень странные люди ложатся спать так рано.

Дед сказал:

— Во-первых, у меня бессонница. Во-вторых, ночью тихо, что мне нравится...

Алька сказала:

— Давайте, пожалуйста, не будем так спать, как вчера? — и поглядела жалобно на деда, а потом на Тимку. Тимка сказал:

— Дураки рано ложатся. И ленивые.

Дед подбросил в костер сучьев. Пламя встрепенулось, освещенный круг расширился, в небо полетели искорки.

— Ладно, — сказал дед, — давайте рассказывать смешные истории. С кого начнем?

— Я могу... — пожал плечами Тимка.

— Пусть лучше Евгений Иванович. Хорошо, Тим? — Алька посмотрела на Тимку.

— Конечно, — поспешно согласился Тимка.

— Ха! — сказал дед. — Тогда я расскажу вам историю из жизни зайцев. Все, что вы слышали о зайцах до меня, чепуха. Можете смело предать забвению. Так как я на этих зайцах собаку съел. Я ведь раньше был охотником, пока болячки не одолели. Значит так, лет десять назад иду я как-то по лесной стежке. В одной руке, как и положено, ружье крепко сжимаю; в другой патронташ. И вдруг... навстречу заяц. Я, конечно, начинаю ружье рвать с плеча. Сучусь, ясное дело, тороплюсь. И тут эта нахальная особь го-во-рит!

— Ну, дед, это ты загнул, — улыбнулся Тимка.

— Я же сразу сказал, что вы мне не поверите. Я тоже не поверил бы, если б сам не слышал.

— М-может, он дрессированный какой?.. — спросила Алька неуверенно.

— А бог его знает! Только он мне говорит: «Что вы торопитесь? Так и до беды недолго. Вы не торопитесь, я вот здесь стану. Вам удобно?»

— Нет, такого быть не может! — твердо сказал Тимка.

— Тогда сами рассказывайте. — И дед тихонько зашел: «Раньше были м-м-м, а теперь стаканчики... м-м-м...»

— Ну что ты, Тима, — вмешалась Алька: — Что же, Евгений Иванович врет? Он и коллекции собирает, и вообще человек серьезный... — Алька закатила глаза.

Тимка посмотрел на Альку, и у него стало тепло на душе.

— Да ладно, — рассмеялся Тимка. — Рассказывай, дед.

Дед продолжил:

— Заяц говорит: «Теперь вы не промажете. Осанка у вас». Я, говорит, по осанке настоящего охотника отличаю. У всякого настоящего охотника бравый такой вид, знаете ли... ну, как у вас. Только вот руки у вас дрожат.

— Еще бы у меня руки не дрожали, — ухмыльнулся дед, — когда такое... А он продолжает: «Как вас с такими нервами на охоту пускают? Мушка у вас так и пляшет, стволы вправо уходят. Хотите, я к дереву прислонюсь, чтоб вам лучше целиться было? Хотите?!» Тут уж я не выдержал, — дед пошевелил в костре палкой. — Как закричу: «НЕТ!!!» Ружье у меня — из рук на землю, и сам падаю вслед за ружьем в глубокий освежающий обморок. Но слышу, как заяц поет, да так жалобно:

«Ваше благородие, госпожа удача,

Для кого вы добрая, для кого иначе...»

Оглянулся, зайца и след простыл... — Дед замолчал. Тимка улыбнулся, откинулся на спину:

— Это правильно, дед. Человеку можно задурить голову... Вот со мной был случай. В прошлом году как-то повстречал я Вадика из рыжего дома... ну того, что на углу. Идет такой скучный весь. Я говорю, Вадик, ты чего такой? А он, денег на видушку не хватает. Ну, мы постояли. И тут ни с того ни с сего ему в голову приходит классная идея. Синицина-отличница из 4-го «б» живет неподалеку. Она такая занудная, я вам скажу. Все у нее по линейке. А Вадик как-то у нее уже был дома. Она на шестом этаже живет, и у нее там снаружи пожарная лестница. Я сначала сомневался, а Вадик насел, и мы пошли. Заходим. У нее своя комната. Сидим. А потом Вадик и говорит, что мы инопланетяне. Синицина на нас глаза вытаращила. А Вадик: «Ты, Синицина, поверь, мы с Центавра. Приобрели облик человека, выясняем систему образования землян». А потом дальше, чтоб Синицина не успела очухаться: «Нам улетать пора, а модуль лежит в двадцати километрах от города, и нам денег на электричку, туда доехать, не хватает».

— Неужели поверила в такую чепуху? — спросил дед.

— Конечно, нет. Но тут Вадик сделал уставший вид и говорит мне: «Тим, смотайся за лимонадом». Я зашел за портверу, окно открыл, перелез на лестницу и за собой окно аккуратно прикрыл. Потом Вадик рассказывал, что Синицина перепугалась, стала за шторой искать, за шкафом. Пока я бегал за лимонадом, Синица вцепилась в Вадика и давай его про число «ПИ» и про парсеки расспрашивать. А Вадика не знает же ни шиша. Он же троечник на подпорках. Такой бред понес, что у Синицы глаза на спину закатились. Потом я появился с лимонадом. Мы еще чуть отдохнули и засобирались. Нам же до модуля на электричке пилить. Ну, дала нам Синица тройак. Мы с Вадиком уши развесили — обрадовались. А она говорит: «Таких, мол, почетных гостей я не могу не проводить». Сколько мы ни отбивались, она увязалась за нами. Идем, как дураки, на вокзал. Потом Вадик не выдержал и говорит: «Какие мы инопланетяне? Мы тебя, Синица, разыгряли. Нам рубля на видушку не хватало». А Синица: «Я понимаю, понимаю, что у вас конспирация и секреты, но на меня вы можете смело положиться». «Да ты что, — говорю, — Синица, ополоумела? Пошутили мы». «Конечно, — говорит Синица, — я вам верю, но у вас должно остаться приличное впечатление от людей Земли». Тут нам с Вадиком плохо стало. А эта «землянка» купила нам билеты и втокнула, дура, в вагон. А сама стоит на платформе с поднятой рукой и кричит: «Да здравствует еди-

нение межпланетного разума!» Так она и орала, пока поезд не тронулся. Представляете?! Потом Вадик полдороги головой об тамбур бился...

— Да-а,— протянул дед,— очень, очень поучительная история.

— Я ее знаю, Синицину,— сказала вдруг Алька,— она нам рассказывала эту историю. Вот, говорит, за дурочку держат,— пусть теперь с Опалихи пешком пилят. Так что она хитрая, а не наивная...

— Она всем рассказала? — привстал Тимка.

— Зачем всем? Девочкам...

— Значит, всем... — поник Тимка.— Вот дурак, связался с этим Вадиком. Говорил же ему, Синица — это Синица... А он все: лапшу, лапшу навешаем...

Некоторое время было тихо. Громко трещал костер.

— Теперь твоя очередь,— сказал Тимка.

— Я сейчас расскажу историю, которая произошла не со мной. Но все равно интересно.

— Валай,— сказал дед.

Тимка облокотился на локоть. Алькин голос звучал почти утопая в треске костра, тихо, а то и вообще на мгновение пропадал... Алька сидела на коленях, как спортсмен, который заждался низким старта и, решив передохнуть, распрямился. Тимка перевел взгляд на костер и прикрыл веки.

— ...Получила наследство, значит. А она жила на даче за городом. Снимала полдома. Ну вот, одела их утром и пошла на работу. Это полкилометра по лесу, а потом электричкой до города. А у Сергеевны подруга. Она такая мнительная...

— Подруга или? — спросил дед.

— Да и та, и другая... Ну вот, подруга только серьги увидела и как за голову схватится: «Что ты, Сергеевна, наделала?!» Как закричит! А Сергеевна: «Что такое?» «Так серьги,— говорит эта ее подруга,— бриллиантовые, они же тысячу двадцать стоят. Ты что, дура? Зачем ты их напялила. Сейчас такая преступность... Вместе с ушами и снимут».— Алька запнулась и тревожно огляделась.

— Как это с ушами? — не понял дед.

— Отрежут,— прошептала Алька, близко наклонившись к деду. Так близко, что ее длинные волосы оказались на какой-то момент в опасной близости от костра.

— Сергеевна сережки сняла и в сумочку, а сумочку всю работу из рук не выпускала. А после работы — решила серьги одеть, а сверху платок. Чтоб, значит, не сразу уши... а то так вжик... Подруга проводила ее до электрички, по дороге десяток историй про мафию рассказала и побежала по своим делам. А уже вечер. Сергеевна идет и оглядывается,— проверяет, нет ли за ней хвоста.

Тимка пошевелился. Протянул ладонь к костру. И посмотрел на Альку. Алька жестикулировала, шурилась, озабоченно хмурилась. Длинные волосы заботливо прикрывали лицо, так что в отблесках пламени виден был нос, немножко курносый, и краешек глаза.

— ...сделала в газете дырку. Ну, думает, если ты шпион, я живой не дамся.— Алька осеклась, почувствовав на себе Тимкин взгляд. Мгновение длилась пауза.— Ну, а дальше все просто. Электричка остановилась, Сергеевна дождалась, пока объявят, что двери закрываются, и как сиганет в двери. Каблук сломала итальянский. А потом ей в голову — новая мысль. Чего это мафия будет за мной по всему городу шастать? Если они меня засекли,— так и ждут где-то здесь в лесочке. Очень даже подходящее место... — Алька тревожно огляделась и вновь перешла на шепот.— Как она рванется. Бегом! По лужам. Тут и вто-

рой каблук сломала. Ита... Итальянский. Прорвалась через лес. Вот уже калитка. Здесь она калитку открыла и думает: «Это меня подруга запугала. Подруга же мнительная. А ничего и не было. Какая глупость эта мафия!» Только она так подумала, как неподалеку в кустах что-то ка-ак рывкнет, ка-ак осветится красным. Сергеевна ка-ак закричит: «Не подходи!!! Я сама всех поубиваю! И уши поотрываю!» Забежала на крыльцо и спряталась за дверь. Закрылась на все задвижки. И еще сундук тяжеленный к двери притащила. Потом напилась снотворного и спать. Пусть, думает, грабят во сне и режут. А когда проснулась, смотрит — утро. Во дворе «скорая». И хозяйка, что ей полдома сдавала под дачу, рыдает-плачет. Сергеевна окно открыла и спрашивает: «В чем дело, что произошло?» А хозяйка: «Ночью муж вышел покурить, только высморкался, как налетела какая-то дура, бандитка, и как зарет: «Убью!!! Зарежу!!!» А у него — инфаркт».

Алька замолчала и подозрительно огляделась.

— Я вам вот что скажу,— дед приподнялся.— Вы как хотите, а я пошел спать. Потому что вставать мне рано...

И дед пошел спать. Забрался в палатку и еще долго там шурился и крихтел, устраиваясь поудобнее.

— Красивую дырку ты сделал в потолке, Тимка,— заметил дед из палатки,— небо видать. Очень романтично. Очень...

Наконец дед перестал ворочаться и умиротворенно засопел.

— Тим,— позвала шепотом Алька.

Тимка поежился:

— Похолодало, что ли...

— Это, Тим, костер припогас... — Алька пошевелила «кочергой» угли.

— Совсем погас,— сказал Тимка.

В палатке сиротливо сопел и похрапывал дед.

— Когда вы уезжаете?

— Скоро... — ответил Тимка.— Когда вернемся в город, предки как раз ремонт завершат. Без ремонта — никак. Билеты уже купили... И визы. Завтра вечером в Москву, а там самолетом... Один только дед не едет.

Тимка протянул к костру пальцы и замолчал.

Алька шевелила «кочергой» угли, и по ее лицу нельзя было понять, думает она о чем-то о своем или слушает.

— Так что Толику... ну Петракову, привет передай. Он сейчас в лагере... Не забудь, скажи, что те четыре подпипника и нож с костяной ручкой он может поменять, если захочет. Ножичек еще совсем хороший... — заученно говорил Тимка. Наверное, мысленно он не раз повторял эти слова.

— А как же я? — вдруг спросила Алька, и ее голос дрогнул. У Тимки стало скверно на душе, и он нервно пошевелился.

— Я не знаю, Аль... — прошептал Тимка.— Честное слово.

Алька отвела взгляд. Кажется, светало. Темнота посерела, и кое-где проступили смутные очертания сосновых стволов. Пухлая подушка тумана улеглась на реку. Осторожно тронула воздух птичья трель. И опять все напряженно замерло.

Утром все проспало. Евгений Иванович проснулся первым и, поглядев на часы, закричал:

— Подъем! Рота, в ружье! Недисциплинированные люди!

Спросонья плохо соображая, что к чему, Тимка вы-

брался из палатки. Поежил, огляделся, сделал несколько шагов и, зацепившись за «систему безопасности», с грохотом растянулся на траве.

Услышав шум, высунулась из палатки Алька и обна- ружила торчащие из травы Тимкины ноги.

— Экологию нужно знать! — ругался Тимка, распуты- вая проволоку. — Медведи ушли в Африку...

Дед между тем, сидя в палатке, сгребал суетливо вещи, расталкивал их по сумкам и тоже ругался:

— Недициплинированные люди! Я отменяю завтрак. К черту принципы! Алька, волокни ведро! Рубить швар- товы! Заливать костер! Метать всех в машину! Подать мне галстук!

Благодаря четкому умелому руководству Евгения Ива- новича случился коллективный переполох. Деревья удив- ленно смотрели на все это безобразие и вспоминали неза- дачливых шведов, которые в свое время тоже вот так же суетились под жерлами Петровских пушек.

Потом дед пытался завести машину, то и дело погля- дывая на часы. Машина не заводилась. Тогда дед остался сидеть за рулем, а Алька с Тимкой толкали. Потом неожида- нно машина завелась, и дед поехал не туда. От столкно- вения с деревом спасло чудо и восхитительная реакция деда. Евгений Иванович нажал на все педали и ручки сразу, и машина испуганно заглохла. Алька и Тимка вновь толкали ее.

Наконец машина не выдержала и заработала. Перепач- канные Тимка и Алька забрались внутрь. Дед рванул с ме- ста так, что Тимку вжало в спинку сиденья.

— Мы что, уже взлетаем! — съехидничал он.

— Если мы кого-нибудь будем обгонять, — Алька об- лизнула губы, — так я лучше выйду и пойду пешком.

— Ха-ха, — сказал дед, — девочка! Доверься мастеру дорожного движения!

Вдруг он отпустил руль и вскричал, хватаясь за го- лову:

— Кошмар!

Тимка моментально прицепился ремнем к сиденью. Дед нажал на тормоза, и машина остановилась.

— Все дело в том, что я вчера с вами заболтался и забыл завести часы. — Дед прислонил циферблат к уху. — Ну, точно... Что к чему — девять и девять... А судя по всему, сейчас где-то, — дед огляделся, — около шести утра. Можно не спешить.

У Тимки и Альки одновременно вытянулись лица.

— Как это? — не поняла Алька.

— Аль, понимаешь, — первым пришел в себя Тим- ка, — это дед репетицию устроил. Генеральную. В ружье! Все навывлет! Взлетаем... — передразнил Тимка деда. — Он, наверное, в диверсанты готовится.

— Смешные вы какие-то люди, — заметила Алька по- дозрительно.

— Это дед смешной... — сказал Тимка. — Его пункту- альность нас всех угробит.

— Глупости, — сказал дед. — Должно же быть какое- то приключение, а то что за поход.

— Так мы куда-нибудь едем или нет? — спросила Алька. — Может, вернемся? Я на берегу свои босоножки забыла и, кажется, сумку с длинной синей ручкой, в кото- рой лежали бутерброды.

— А мой галстук кто-нибудь видел? — вмешался дед.

— Он на дереве висел. Ты его, дед, как с себя снял, так и вывесил вместо вымпела, чтоб не мялся, — прого- ворил Тимка. — Там еще ведро, между прочим, осталось...

— Славно мы облегчили автомобиль, — сказал дед. —

Половину на берегу оставили. — И начал разворачиваться.

— Плохая это примета, — проговорила Алька, — воз- вращаться.

— Плохая... — сказал Тимка. — Особенно, если кто-то еще и часы забыл завести.

— Шантаж — это низко, — надулся дед.

— Смешные вы люди, — Алька осторожно улыбнулась.

— А ты разве раньше не заметила? — удивился Евге- ний Иванович.

...Приближался город. И чем ближе он был, тем тоск- ливее становилось у Тимки на душе. В машине повисла гнетущая тишина.

— Сейчас родственники набросятся, — сказал дед уныло, — распахнут ж-ж-жаркие объятия.

В этот момент Алька тронула за плечо Тимку.

— Вот, — сказала она и протянула Тимке спичечный коробок, — у меня больше ничего нет. Это тебе.

Тимка взял коробок. Там кто-то скрипел и терся, и ше- велелся.

Сделав маленькую щелочку, Тимка приблизил коробок к лицу. Кузнечик!

— Это я его там поймала... — сказала Алька.

— Спасибо... — Тимка прислонил коробок к уху. Ше- буршился в тесноте голенастик. «Ничего, я тебе сделаю удобство в большой банке...» — подумал Тимка.

— Его выпустят за границу? — спросила Алька.

— Наверное... — сказал Тимка, — он же... ничейный.

Он везде живет...

И как-то сразу вспомнил стишок, рассказанный дедом. Не весь, конечно.

«Кузнечик дорогой, коль много ты блажен!

Коль много пред людьми ты счастьем одарен!

Препро... перепровожд...

— Эти строчки Тимка пропустил. Вспомнил следую- щие:

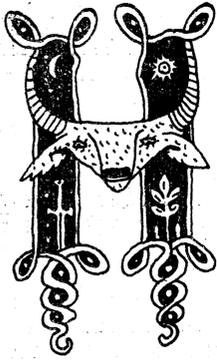
«Ты скачешь и поешь, свободен, беззаботен:

Что видишь, все твое, везде в своем дому.

Не просишь ничего, не должен никому...»

Тимка прикрыл глаза. На зеленом берегу, на таком зе- леном, каких не бывает в жизни, стояла Алька. Тонкая, Тоже вот... как кузнечик.

а траве стоял бычок.

Молоденький стоял бычок, глаза свои глупые, по-коровьи добрые, не телячьи уже, еще не бычьи, в небо пялил. Хорошо ему стоять было от солнышка ясного, от травы зеленой, от лужка чистого.

А лужок был не лужок, горы верхушка. Гора высокая, березой поросшая; торчала поверх макушка самая, как лысина, ни куста на ней, ни деревца.

Бычок головой потряхивал, губами пошевеливал. Стоял себе. Рядом мужик ходил. Большой мужик в рубахе белой полотняной, жилой перетянутой.

Брал поленья березовые, в четверть их выкладывал, вроде сруба нового. Не суетясь, не торопясь дела делал, на солнышко поглядывал, от покоя его неспешного было бычку смирно, уютно.

Смотрел бычок с горы вниз, а там лес да лес... А под ногами — трава, над головой — солнце.

Мужик-то высокую кучу наладил, ходил вокруг с плоской берестяной, в ключевую воду щепоть окунал, с трех сторон побрызгивал. На бычка плеснул. Упали капли на шерстку, на нос, зажмурился бычок от удо-

вольствия, понравилось. Открыл бычок глаза, тряхнул башкой...

Похлопала по морде ладонь жилистая, провела по шерстке ласково. Вздохнул мужик, на солнце глянул, — то уж под самую неба маковку подбиралось.

Легла ладонь мужичья бычку на морду у самых губ, сжалась, вены в стороны раскорячились. Бычок воздух потянул, ноздри распахнулись, под рукой губы шевельнулись. Неловко шевельнулись, по-ребячьи, по-сонному.

И пошел гулять бесконечной длиной своей по шее бычьей, уходя в нее чистым, выскальзывая чистым да блестящим, нож кованый. Прокатился больно скрипучей, с шелестом развалил бычку шею надвое, до самой холки.

Рванулись ребра, да шея распахнута, по-тяжелому в утробе ухнуло, и все. Поползли ноги во все стороны, рухнул бык на землю.

Посмотрел мужик на солнце, лицо красивое, крепкое, волосы соломенные жилой перетянуты. Дело свое человек делает.

Взял топор, отвалил голову, уложил на кострище ноги четвертью, посередке голову выставил, роги в сторону закинул, зенки мертвые в небо вперлись.

Стал мужик дрова запаливать. Заструилось, побежало пламечко, потекло, что вода в ручье. Да только вода вниз течет, пламя — вверх.

ЛЕОНИД ПОРОЖНЯ Сказка про Ваньку

Повесть для кино

Оформление
Александра Коротича

Нет причины, почему бы мне
не рассказать всего, что я знаю.
Присловье

— Ну, Ванька, вышло время. Ступай.

Отец смотрел внимательно, не боится ли?

— И помни, эта тропка — в одну сторону, в другой раз на нее не выйдешь. Там пометы оставляют, кто ходит, ты время не трать.

— А обратно как? — спросил Ванька.

— Как тебе все рассказать? Сам увидишь. Да ступай, старики ждут.

Потоптался Ванька, котомку в руках смял, к двери тронулся. По улице пошли так: впереди старики, с посохами, важные, следом — Ванька, а там и отец. Улочка кривая, узкая, а избы кряжистые, основательные. Одна только, у проулка, чахлая, оконце одно, слепенькое, а в оконце — два глаза цепкие, с прищуром Ваньке в спину уставились. Серьезные, невеселые.

Тот почувствовал, оглянулся беспокойно, а их и нет. Ничего парень не увидел, дальше пошел, а глаза — вот они, глядят.

В проулке баба встретилась, увидела, подхватила, чуть стирку на дорогу не бросила, к избе этой падалась. Там в горнице мужик в котомку вещички сбрасывал, на бабу не обернулся даже.

— Ванька пошел! — баба не то крикнула, не то выдохнула.

Мужик слегка голову в плечи подал, не оборачивается. Тут баба заревела.

— Пошел, пошел Ванька-то... Пошел ведь...

— Знаю, — отозвался мужик без охоты.

— Чего ты знаешь? — поддывала баба. — Все ты знаешь...

Мужик оглянулся наконец, вздохнул примирительно:

— Не ори, вернись.

Котомке горловину веревкой стянул, приобнял бабу неловко, и у двери догнал его голос:

— Митрий, Митрий, сам-то там не сгинь...

— Вернись.

На улицу вышел мужик с оглядкой, не хотел, видеть, чтобы видели. Пролез под плетью прясельной, пустился бегом по проулку вбок.

На околице стояли уже люди, смотрели, как идут старики. Суровый народ, серьезный. Наконец, остановились все, Ванька — перед отцом.

— Чего мне там искать-то?

— Как найдешь, так и поймаешь. Да головой не верти попусту. Иди.

Обнялись. Поклонился Ванька старикам, оглянулся на народ и пошел.

От околицы вела тропка слабая, едва заметная. Ванька шел, в сторону поглядывал, где торчала из лесу гора высокая. А от самой ее вершины поднимался в небо, прямо к солнцу, отвесный столб черного дыма. Перевел Ванька глаза вперед, к лесу, и с шагу сбился. У первых деревьев, в тени — два столба деревянные, перекладина поверху. И что-то там еще непонятное. Ванька ступал медленно, присматривался. К перекладине привязана была бычья туша, без ног и головы, красные струйки бежали по столбам вниз, в траву. И тропка в лес уходила как раз между столбами, под тушей.

Ванька даже встал, на деревню посмотрел, а потом шагнул меж столбов, в лес. Так из дома ушел.

Лес поначалу светлый стоял, березовый, трава зеленая, с ягодами, солнце поверху. Птицы вокруг разговоры свои разговаривали. Тропа лежала торная, надежная; Ванькина опаска кончилась, споро двигался, котомка на плече прыгала. А лес менялся незаметно. Стали сосенки среди берез попадаться, исчезли кусты, ягоды сменились грибами, а потом березки и вовсе кончились, встали сосны высокие, кроны чуть не в облаках. Ванька будто меньше стал.

Тут и увидел первую метку: на сосне зарубка обыкновенная, но что-то от нее неуютно стало. Дальше присматривался внимательней. Еще зарубка, полотняная полоска на ветке накручена, а там камень торчком... И лес опять другой; ни травы, ни грибов, елок все больше, сумеречно, хоть и солнце в небе. От птиц один дятел остался, да скоро пропал, завелись вокруг кукушки, птицы недобрые. Ванька шел, старался не шуметь. А метки — сплошняком, одна к другой. Ельник все гуще стоит, по низу — валежник, и тропка сама как-то уже сделалась. Внутри у Ваньки нехорошо было, а тут и метки кончились. Встал путник: дальше идти страшновато, а назад — нехорошо. Решил перекусить пока, уселся, у тропки под елью, припас достал, а шапку положил. Пару раз лелешку куснул, когда раздались неподалеку звук тихий. Ваньку будто кулаком ударило, одним прыжком за елку заскочил, упал в хвою.

Звук приближался медленно: сперва доносилось посвистывание, затем — шелест сухой хвои под ногами и какое-то побрякивание деревянное. Ванька вспотел, пока ждал. И показался на тропке... Человек ли, нет ли... Карла. Маленький, страшенький, под нос себе насвистывает, и настроение у него, по всему видать, хорошее. Следом на веревочке колоду тащит, домишку маленькую, почернелую, будто сейчас только из-под земли. Колода по корням брякает. Карла топает бодро, да выходит ходьба не скорая, ноги короткие.

Ванька уже думал, пронесло, но ближе к елке карла ход поубавил и свистеть перестал. Потянул носом воздух, будто пощупал, веселье с лица сдуло, забеспокоился, заурчал что-то настороженное и в два глаза на землю уставился. До елки дошел кое-как и встал, даже чутко попятился. И что-то на тропе высматривает. Ванька голову вверх потянул, а за травой не видно. Тогда медленно приподнялся, глянул, пот по спине побежал: рядом с тропкой, у карлы под ногами, шапка лежит. Сам спрятался, а шапку забыл. Вжался Ванька в землю, а карла все плятится, лицо тревожное и озадаченное, будто не поймет, что там. Или даже совсем не видит, потому что глазами вокруг водит, рядом. Ванька даже во второй раз выглянул: лежит шапка.

Тут карла плюнул, крикнул, мол, бывает же... И дальше пошел.

Ванька долго еще за елкой лежал, слушал, как колода удаляется. Как вылез, первым делом шапку в котомку спрятал для надежности. Дальше пошел. Лес вокруг сжался — с тропки не свернешь, да голову пригибай, ветви все ниже, хвоя по лицу похлопывает. Тропка чем дальше, тем уже, а скоро и вовсе исчезла. Ванька назад посмотрел, там тропки будто не было и хода не видно, по какому пришел. И вообще пути никакого нет никуда, вокруг сплошь валежник. И темно. Встал Ванька на четвереньки, пополз наугад, продирался с трудом, пока совсем не остановился. И не сразу разобрал, что перед ним дверь. Вроде колодезной крышки. Толкнул, в лицо паром ударило, ввалился путник внутрь.

Оказался он на дощатом полу в бане. То есть не в бане, но очень похоже: печь натоплена, под потолком — полок, окошко в стене крохотное. И мухи. Налгые, жирные твари жужжали, крутились в воздухе, ползли по стенам, по потолку, по всему, что здесь было. И было их столько, что смотреть мешали. И не сразу Ванька разобрался, что не один он: на полке, занимая все пространство до самого потолка, лежала старуха. Очень неприятная бабушка. Не толстая, а будто вся распухшая, прикрытая грязным тряпьем, местами порванным, местами истлевшим. Огромная грудь упиралась в потолок, а у самого Ванькина носа торчали синие, будто изморозью покрытые, громадные ноги, изрезанные глубоко запавшими венами.

Едва различимое старухино шипенье за мушиной возней было почти неразличимо. Ванька уже решил, что его не заметили, когда раздалось:

— Ты чего сюда?

Путник от неожиданности и от неприятного свистящего голоса растерялся:

— Я, бабушка, мимо шел...

— И шел бы, сюда-т чего?

— А никак больше...

Старуха утробой захихикала, отчего грудь ее неприятно задрожала, потом смачно плюнула на печку, та зашипела.

— Ты уж, бабушка, не обидь, — попросил Ванька.

— Моя забота. Видал там кого?

— Прошел один, — мялся Ванька. — Маленький такой, корявый.

— А, пенек-полчеловечка? Колоду таскает, паршивец?

— Таскает.

По всему видать, Старуху новость обеспокоила. Она зашипела что-то сердитое, с новой силой на печку заплевалась, слюна зашикала, запарила. Путник ждал, прислушиваясь к редким словам:

— Шляется... Подлючий какой... Вона, гада, куда залез! Ладно уж, — грозилась Старуха, — ладно...

Ванька наконец решил о себе напомнить, сказал, что в голову пришло:

— Бабушка, а кто это? Маленький?

— Не тебе дело, — отозвалась Старуха не сразу, — свое знай.

— Какое мое? — не понял Ванька.

— Корка там лежит, закусывай, чубатый.

— Я не чубатый, — сказал Ванька, осматриваясь.

— Это поглядим, — бормотнула Старуха, занятая своими мыслями.

Корка нашлась под оконцем, ползали по ней мухи, край был уже кем-то надкушен.

— Ешь, чубатый, не томи.

— Да нет чуба!

— Нету и нету... — примирилась старуха.

Ванька присмотрелся и вздрогнул: глаз у Старухи не было, на оплывшем лице зияли вместо них красные глазницы-ямы.

— Ешь, ешь...

Ванька скривился, но корку укусил. И тут же отозвалась Старуха:

— Гляди, нету...

— Чего? — переспросил Ванька.

— Чуба нету.

На парня смотрели красные, слезящиеся глаза. Те, которых не было. Бабка хмыкнула, спросила:

— Чего плялишься? Полчеловека-то куда пошел?

— Отсюда.

Старуха задумалась. Опять зашипела, на печку захаркала. Ванька, весь от пота мокрый, угирался шапкой, ждал, но старая о нем забыла.

— Бабушка, — сказал Ванька, — меня-то куда?

— Куда хошь... Без тебя тут...

И обратно сама с собой зашипела. Ванька остаток корки бросил, ждал, отмахиваясь от мух. Отгонял, пока не прихлопнул одну. Шум бабку насторожил.

— Убил? — заскрипела она подозрительно.

— Убил.

— Ты кто? — почти закричала Старуха. — Сукин сын! Мешала она тебе? А и мешала, терпи. Давай, топай отсель! Зашел, а теперь пошел!

— Куда? — выдавил Ванька растерянно.

— Куда хошь! — отрезала Старуха.

— Бабушка, — взмолился парень, — чего она тебе, муха?

— Ничего. Мне она — тьфу, а разговору не будет! — и тут ей пришла удачная, видать, мысль, до того веселая сделалась. — Куда, говоришь? На дуб пойдешь, а там скажешь, чтоб не тянули. Старая, мол, велит. А то тянут, тянут... Да слушай еще... — она взглянула на пришельца, скривилась безнадежно. — Ничего ты не услышишь... Ведь отсель. В дверь.

— Да я оттуда, нет там дуба никакого.

— Иди, дурак, — Старуха погружалась уже в свои мысли. — Дуба ему нет... Скажет же такое...

И ну плевать на печку, только брызги парные полетели. Ванька за дверь выглянул. Леса не было. Ни норы, ни ельника... Стался из-под крыльца зеленый луг, весь в цветах, за ним — березнячок и — вот он! — дуб в нем. Оторвал от этой картины Ваньку скрип бабкин:

— Дверь закрой, дуэт!

Тут дверка так хлопнула. Старуха только охнула. Припустил путник по траве, только что не подпрыгивает. Так обрадовался, что и не заметил, как прямо на дуб пошел, а ведь хотел сначала куда-нибудь в сторону, от опаски. Но забыл, проскочил к березняку, мимо дуба шел, но на плечи крепко легли две руки и мощный голос предложил идти, куда поведут. Так предложил, что Ванька и не пикнул.

Огромный мужик, назвавшийся Сторожем, провел своего пленника лесом, затем через большой двор, одним крепким забором объединивший несколько домов и большую стайку с амбарами, и поставил его в просторной горнице перед древним стариком, сидевшим одиноко за огромным столом. Дед молчал, глаза на Ваньку поднял медленно и через мгновение опустил обратно. После этого Сторож заговорил:

— Кто тебя послал сюда?

— Я не сюда, — почему-то оправдывался Ванька, — я к дубу.

— А про дуб кто сказал?

— Меня Старуха отправила, а я что мог?..

— И как ты ее видел?

Ванька плечами ответил, видел, мол.

— С чем пришел?

— Передать старуха велела, чтоб не тянули. Сердится она, тянут, говорит.

После этих слов Сторож посмотрел на деда. Хотя тот не пошевелился. Сторож кивнул, будто согласен, сказал:

— Ступай, на дворе подожди.

На дворе было пусто, Ванька уселся на лавочку у забора, но не успел осмотреться, как совсем рядом заскребся кто-то. Ванька огляделся — нет никого. Шорох повторился, потом — шепот:

— Паря, дверь открой.

Ванька соображал, откуда это. Шепот повторился:

— Да здесь я, в сарае. Открой.

И правда, рядом началась крепкая стайка, и ближняя дверь заперта. А шепот оттуда напирал:

— Щеколду скинь, и все. Слышишь ты?

— Эй, ты чего? — растерялся Ванька.

— Открой.

— А зачем?

— Надо.

— Кому?

— Открой, трудно тебе? — Человек за дверью злился. — Я, может, зря тут. А может, меня тут забыли. Закрыли случайно. Случайно, слышь? Открой.

— Я-то чего? — сомневался Ванька.

Ответа не последовало. Ванька громче повторил:

— Ты чего там?

Тишина.

— Эй! — шумнул Ванька.

— Говорлив ты, однако, — с ехидцей раздалось над самым его ухом, рядом стоял Сторож. — Запомни, к этой двери шагу не ступи, заруби себе... И еще: прежде чем шагнуть, спроси меня. Пошли.

И когда тронулись, долетел из сарая стон жалобный:

— Эх, ты-ы-ы...

Ванька с шагу сбился, а Сторож не заметил, объяснял на ходу:

— Ходи здесь, куда хошь, только за речушку вон ту — ни шагу, там лес запретный, пропадешь. И на все у меня дозволения спрашивай.

Весь день трудился Ванька там, куда Сторож определил. Ловил рыбу с мальчишками, которых оказался тут целый отряд. Таскали сети по отмели, купались, хохотали, народ попался задорный, шустрый, но и работали ладно. Вместе со всеми работал человек странный: детина лет сорока, в длинной, как у остальных, рубахе и без портов. И вел себя, будто не старше прочих. Ванька на него с интересом поглядывал. Детина, оказалось, тоже на Ваньку косится, но глаза отводит, прячет. Только раз взгляды встретились, почудилась Ваньке такая, там тоска, что не по себе стало, а детина крупно вздрогнул, потом улыбнулся виновато и беспомощно, и после того держался подальше.

День прошел быстро, с пацанами Ванька отужинал и пошел Сторожа искать. Во дворе как раз мужики съезжались с промысла, называли друг друга братьями и входили в высокий дом, где Ванька был уже. Он следом сунулся, но дорогу ему преградили, скоро Сторож появился, велел ждать. Делать нечего, Ванька отошел на всякий случай от сарая подальше и правильно сделал: скоро донеслось оттуда постанывание да вздохи. Парень старательно их не слушал, осматривался. Место было суровое, а почему — непонятно. Избы крепкие, тесом крытые, амбары — выше изб, огромные. Все сделано ладно, сбито накрепко, но чего-то Ваньке не хватало. Уж больно грубо, что ли? Пока соображал,

совет в доме кончился, мужики потянулись к избам. Ванька высматривал Сторожа, а вместо него появились двое молодых, не старше Ваньки, мужиков и не торопясь к нему направились. Задиристые, ухмыляются и будто между собой беседуют:

— Дохлый. Испугается.

— Да, хиловат, — соглашается другой.

Ванька насторожился, слушает.

— Какие-то по деревням мальцы пошли.

— Да, мальчишка совсем пугливый, видать...

Ванька заводился потихоньку.

— Сам ты...

— А-а... — отмахнулся первый. — Видали таких.

— Сейчас встану, — пообещал Ванька.

— Вдруг да встанет? — второй будто испугался.

— Не, — успокоил первый. — Ему нельзя. Он Сторожа спрашивать должен, аки маменьку.

— Может, спитать его? — второй обратился к Ваньке: — Пойдешь?

— Пойду, — сразу согласился тот.

Мужики переглянулись, первый сказал с улыбкой:

— Баньку видишь? Камень с печи принеси, задачка детская. Ну?

Банька стояла за оградой, на отшибе. За кустами едва заметна была в лунном свете кривая крыша, и выглядела она невесело. И месяц через нее перевалил уже, но Ванька завелся:

— Принесу.

И когда спускался вниз, к баньке, рядом с задирками появился Сторож. Перекинулся с теми парой слов, проводил Ваньку глазами, исчез. Парень его не видел.

Внутри тьма стояла кромешная. На ощупь пробрался до печки, разох ушибив бок, нашарил камень и только взял, как на руку ему легла чужая рука. Ванька с перепугу по ней кулаком хватанул, кто-то вскрикнул, заплакал. Голос тонкий, девка. Ванька растерялся:

— Эй, ты что?

— Больно.

Точно, девка.

— А чего ты тут?

Девка плач оборвала, к нему прильнула, зашептала, всхлипывая: — Женись на мне! Женись.

Ванька совсем потерялся, а девка тормозит:

— Женись, не бойся, я красивая. Ну ответь ты мне, женишься?

— Женюсь, — сказал Ванька и сам тому удивился.

— Завтра в полдень приходи, да платье мне принеси. Теперь камень бери да ступай, ждуть тебя.

И нет ее. Ванька с камнем в руке двинулся обратно, да неловко, тут же ногой во что-то заехал, шархнулся и другую ногу расшиб.

На дворе бросил мужикам камень:

— Веди к Сторожу.

Те не удивились, Сторож тоже спокойно выслушал.

— Ты сам пошел, меня не спрашивал. Не мне и ответ держать. А платье я тебе дам. Завтра пойдешь, деваться некуда.

В полдень Ванька с растерянной физиономией, с платьем и ботинками отправился в баню. На дворе опять пусто было, ни души, только в сарайке шуршал кто-то.

Что его в баньке ждёт, как-то не думал, а там и правда девка оказалась. Да нагишом совсем. Тут до Ваньки дошло, что значит «жениться», а она смеется:

— Отвернись, нельзя так...

Отвернулся Ванька не сразу. Ох и девка в баньке оказалась!.. До того хороша, парень такого ни разу не видал, глаза пялит, а она ничего, улыбается.

— Ладно, отвернись.

Оделась, говорит:

— Ну...
— Что?

Девка засмеялась:

— Веди на двор, ладно уж. «Ну»... Меня Аленой звать, а то женишься, имени не спросишь.

Тоненькая, с русой косой до пояса. Румянится...

Взял ее Ванька за руку, вывел на двор. Она глядит, разом стыдится и радуется. А парень с каждым шагом прямо радуется, гордый стал, чистый гусь. Посреди двора встали, куда дальше, непонятно. Никого вокруг, в сарайке даже тихо, и тут же голос. Из сарайки.

— Паря, дверь отвори. Слышь, что говорю, а не то счастья не будет...

Ванька растерялся слегка, а тот напирает:

— Тебе хорошо, невеста молодая... А меня, невинного, в тюрьме держат. Невинного! Так что слово мое помни: не будет тебе счастья.

Ванька разозлился:

— Ты кто такой? Слышишь? Чего пристал?

Тишина. Ванька к сарайке двинулся:

— Чего пристал, говорю?

Ни звука. Ванька задвижку вынул, щеколду сбросил, хотел внутрь глянуть, да не успел. Из сарайки выскочил мужичонка, рожа хитрая, и молча бросился к конюшне. Пока Ванька соображал, тот уж кобылу вывел, бросил на ходу с ухмылкой:

— Дурак.

— Эй, мужик! — шагнул к нему Ванька, но получил такую плюху, что очнулся на земле и не сразу. Мужик тем временем прыгнул без седла на лошадь, подцепил Алену, бросил поперек кобылы и дал тягу.

Пока Ванька на ноги вставал, выскочил откуда-то Сторож, заорал:

— Фи-илька-а-а! Филимо-о-он!

Беглец на лугу кобылу осадил, заскакал:

— Че-го-о-о?

— Филька! — орал Сторож. — Другой раз поймаю, сам тебе ноги вырву! Понял?

— Ладно! — отозвался тот, нахлестывая кобылу.

— Дяденька, — подскокил Ванька. — Куда он ее?

Сторож с разворота замахнулся, но не ударил.

— Ну, говорил я тебе? Теперь сам в сарае посидишь. Братья вечером приедут, разберемся с тобой.

Так Ванька под запор попал. Лежал на сене, смотрел на двор в щелочку. Там было пусто, только пацаны время от времени по своим делам пробегали, то с вязанками, то с мехами какими-то. И ни один не оглянется, хотя понятно, что знают про Ваньку. Один раз появился и детина-подросток. Остановился, взгляд украдкой бросил. Потом исчез. И скоро у задней стены зашевелилось что-то. Затрещало. И шепот:

— Паря, слышь? Спишь ты, что ли?

— Не сплю, — отозвался Ванька неласково.

— Уходить тебе надо. Худо будет.

— Да ну вас...

— Дурак, ты Фильку-вора выпустил. Давно он Братьям проказы строил, все поймать не могли. Поймали, все думали, лошадыми его рвать или деревьями, а ты и выпустил. Не простиат.

— А куда он Алену поволок?

— Девку-то? А чего она тебе?

— Чего? — злился Ванька. — Невеста!

— Это еще никто не знает.

— Ты потише там! Я знаю. Куда?

— Отсюда не выйдешь, не узнаешь. Братья приедут, устроят тебе свадьбу. Я тут досочку подломил, только сено разрой, а там беги к запретному лесу. Да не жди, дурак.

И стихло. Ванька прислушался: на дворе копыта застучали, заговорили Братья, показалось Ваньке, не по-доброму. Сердитые. Тут Ванька за сено взялся.

Проскочил задками, мимо баньки, через речку, бугор, ко второй речке, которая в обратную сторону течет. Куда Сторож ходить запретил. Речка оказалась бурная, а ход через нее — один: посредине стоял камень, покочивался. Ванька засомневался, ступить было боязно. И как раз Братья зашумели издали, пропаяху обнаружили. Ванька примерился, прыгнул на камень, тот перевернулся, рухнул беглец в воду. И не видел, что проводили его из кустов внимательные глаза. Когда парня понесло, ударяя о камни, через голову переворачивая, из кустов вылез мужик. Знакомый, из Ванькиной деревни, Митрием звать. И побежал в другую сторону, пригибаясь, чтобы никто не видел.

А Ваньку несло тем временем, поток сильный, не выгребешь, поколотило его на перекате, потом вода вспенилась, швырнула парня вперед и вверх, полетел неведомо куда. Водопад.

В темном лесу, в заводи прибило Ваньку волной к берегу. Голова под водой, волосы — поверху. Тут бы и сгинул, но потянулись к нему чьи-то руки, взяли за плечи.

Когда беглец очухался, светило солнце, рядом горел костерок, над которым сушили его, Ванькины, порты. Парень от удовольствия обратно глаза закрыл, повернулся на бок, но заснуть не вышло.

— Вставай.

— Не буду, — ответил Ванька, не открывая глаз.

— Ну лежи тогда, а я пошел.

У костра сидел, улыбаясь, детина. Тот самый, переросток.

— Слушай, — сказал Ванька. — Ты меня выпустил? Звать-то как?

— Пронька.

— А я — Ванька. И совсем я запутался. Что тут происходит, знаешь?

— Да ничего...

— Ничего «ничего»...

— По дороге расскажу, а сейчас лежать некогда. Пошли.

— Куда?.. — безнадежно протянул Ванька.

— Туда...

Ванька сел:

— Ты, значит, знаешь, куда?

Пронька усмехнулся, но невесело:

— Туда, куда ж еще? Тут все пути — в одну сторону, а лежать будем, могу и не рассказать, помешаю.

И пошли. Места вокруг лежали красивые, чистые, лужки, перелески, речушки вьются. Пронька дорогой рассказывал:

— Девка, которую ты из бани вывел, — проклятая. Бывает, в колыбели когда скажет мать, «чтоб тебя», мол... Проклянет, одним словом... Или по другому какому случаю, выходит, что проклятый. Девка в бане и жила всю жизнь, выросла там, только видно ее не было, невидимая. Братья давно думали, как от нее избавиться, да не выходило.

— А старуха при чем?

— Я же говорю, проклятая. Получается, вроде как дочка ее, Старухина. Ну и Братьям непокой: со старой соррится нельзя. Беда...

— Чего ты заладил: тут беда, там беда?...

— Что делать, — вздохнул Пронька, — тут везде...

Шли дальше. Солнце — поверху, трава — понизу. Пронька говорил:

— Бежать сюда, в запретный лес, надо было, потому что там везде — Братьев земля, куда ни беги, сам сыщешься.

— А здесь чья?

— Увидишь, если дойдешь.

— Слышь,— спросил Ванька,— а чего ты в портах теперь? Там без портов был.

Пронька pokrивился, ответил нехотя:

— У меня припасены были.

— Не обижайся, мне непонятно было, и все. Странно тут...

— Странно...— согласился Пронька.

Ванька спустился к ручейку, протянул руку воды зачерпнуть, но Пронька остановил:

— Погоди, дай посмотреть.

Спустился к воде, осмотрел вокруг:

— Нельзя ее пить.

— У тебя все нельзя.

— Осенняя...

— Я пить хочу!

— Хоти дальше. Осенняя вода, нам с тобой рано ее пить, поживем еще. Видишь, листья желтые.

И правда, в воде плавали желтые листья, и рядом, на кустах, те, что к ручью ближе, тоже желтые.

— А летняя бывает? А зимняя?

При последнем слове Пронька быстро вокруг глянул:

— Тихо ты, беду даром кликать... Не поминай, всякая вода бывает.

А сам вниз устался, лицо вытянулось. У воды след выдавлен, копыто кованое. Его Пронька испугался по-настоящему.

Двинулись быстро, почти побежали. Пронька все время оглядывался, держался к деревьям ближе, хоть ничего особенного видно не было. Ваньке беспокорность передалась:

— Куда идем-то?

— Толком не знаю, я не дошел.

— Но ходил?

— Ходил,— ответил Пронька, схватил попутчика за плечи, бросил под кусты.

Ванька хотел зашуметь, да Пронька ему рот зажал, указал в сторону. За рекой, за молодым леском высился небольшой холм, а на вершине его стоял верхом воин. В кольчуге, с копьём в руке; шлем, отброшенный на спину, висел на ремне, открыв белые волосы. Конник внимательно осматривал округу, медленно поворачивалась голова, глаза цепко перебирали кусты и низины.

— Началось,— прошептал Пронька.

Глаза конника в это время подобрались к их укрытию; Пронька вжался в землю, скривился весь, но пронесло, не заметил воин, голова ушла дальше. Пронька задышал наконец. А на холме появился еще один, пеший лучник. Неприятная пара медленно двинулась в сторону.

— Так,— сказал Ванька.— Сматываемся.

— Куда? — тоскливо отозвался Пронька.— Тут одна дорога.

— Куда?

— Туда,— показал Пронька вслед воинам.— Больше теперь некуда.

— Теперь, это почему?

— Говорили тебе Братья, за речку не ходить? Перешел — все.

— Погоди, ты меня сюда затащил, а теперь у тебя дороги нет?

— Я — тебя? Меня Братья в сарай посадили? Я убежал? Им на своей земле и руки за тобой тянуть не надо, сам влезешь, только пальцы расставят. Другой

дороги у тебя не было, а вышел — иди. И потом, ты ведь не к Братьям шел, тебе надо было сюда, я знаю. Зачем шел?

— Не знаю.

— Я тоже не знал, когда пришел. Да и теперь не очень-то знаю. Но мне пройти надо,— Пронька был серьезен.— Иначе до конца дней буду рыбку с пацанами ловить. Братьям на обед. Понимаешь? Я ведь ровесником тебе пришел, а теперь видишь какой? Я не дошел.

Помолчали.

— Что за дяди-то были? — спросил Ванька.

— Стража. Дальняя застава.

— Кого ловят?

— Нас.

Перекусили наскоро, Пронька крошки собрал, в карман сунул. Пошли с опаской. Добрались под деревьями до лужка, осмотрелись. Нет никого. Только на чистое место выходить, показались на другой стороне те же стражники, идут медленно, к лесу присматриваются. Парни тихонечко в кустах легли, смотрели, что происходит на той стороне большой поляны. Стражники двигались настороже, лучник ступал нарочито уверенно, а потом вдруг прыгнул в сторону, освобождая коннику путь, тот бросил лошадь в лес. На ближнем дереве встряхнулись, заходили ветви, кто-то прыгнул на землю. Через несколько мгновений конник выскочил из леса, перед собой он гнал парня с котомкой. Тот, что было сил, рванул по траве, но скоро конник перерезал ему путь, сзади поспевал лучник.

— А-а-а!.. — заорал парень.— Мать тую!..

Закрутился на месте. Копейщик теснил его конем, но почему-то не трогал, а когда лучник подоспел, вообще тронулся в сторону. Тут парень с силой ухватил лучника поперек груди, с размахом брякнул о землю. И еще брякнул, тот обмяк.

Конник такого поворота не ждал, бросился к своему на помощь, но парень ловко подхватил лучника, швырнул тело коню под ноги. Тот сбился с шагу, копейщика потрянуло, да и парень ему помог, за ногу дернул, копейщик свалился вниз, но тут же вскочил.

— Пошли! — крикнул Пронька.

Копейщик гнал парня по полю, в тяжелых доспехах бежал легко, и недолго бы они пробежали, если бы не выскочили из леса Пронька с Ванькой. Заголосили, бросились вперед. Стражник не ожидал, застыл, оглядываясь, этого хватило, чтобы парень подскочил к нему со спины, ремешком от шлема перехватил ему горло. Когда двое подбежали, стражник пузыри пускал.

— Стой! — закричал Пронька.— Нельзя!

Но поздно, парень брезгливо оттолкнул тело, оно завалилось вбок.

— Два дня гнали,— с облегчением выдохнул парень.

Был он крепок, кудри зазорные, за плечами — котомка, как у Ваньки. Улыбнулся:

— Вы чего тут?

— А ты?

— Вместе пойдем? — смеялся парень.— Только я сообразить никак не могу, куда идти?..

Ванька на Проньку кивнул:

— Он, Пронька, знает.

— А я — Фролка.

— Пошли, Фролка?

— Пошли.

На закате у костра разговаривали:

— На Дальней заставе стражи мало,— говорил Пронька,— пройти можно.

— Это я пробовал,— качал головой Фролка.
— Можно, можно. Впереди — Ближняя застава, пройти надо, но нельзя. Разъезды, ловушки, стражи много... Никак не пройти.

— Совсем?

— Совсем,— Пронька помолчал, пошевелил губами, будто сам с собой советовался.— Есть один способ, только... Страшно. Дед тут один живет, очень старый, давно живет. И странный. Себе на уме. Но может и помочь.

— Если понравишься? — спросил Ванька.

— Нет, говорят. Не знаю. Одному поможет, другому лихо положит. Почему, никто не знает. Что хочет, то делает, шальной дед. Палец сунешь — пузо лопнет, вот какой. Я о нем много слышал и не пошел бы, да другого пути не знаю.

Пронька умолк. Посидели, Фролка решил:

— Ладно, и я откроюсь. Давно тут шляюсь, выбраться не могу, но кое-что вызнал. Мимо деда не пройти.

— И чего он такой страшный,— сомневался Ванька.

— Страшный... — отозвался Фролка.

Пронька покивал.

К деду шли осторожно, медленно, тропка вилась, и выше роста человеческого стоял вокруг камыш сухой, коричневый. Шелестел странно, будто стеклянный, с присвистом. Шум этот обволакивал, как вата, и не сразу слышали путники свист настоящий. Отбежали в заросли, мимо протопал карла, тот самый. Опять с доминкой. Ушел.

Дальше тронулись еще медленней. Пронька с Фролкой насупились, только Ванька ухмылялся незаметно. Избушка посреди камыша открылась неожиданно. Маленькая, окна — у самой земли, под тем же камышом. Дверь отворена.

Путники подкрались, заглянули внутрь. Пусто. А на полу — огромный гроб, домовина редкая, не тесаная, а дощатая.

— Помер он, что ли,— шепнул Фролка.

— Пронька,— сказал Ванька погромче,— вдруг и правда помер?

Тот плечами пожал, осматривая комнатку. Ничего кроме домовины в ней не было, даже печки. Только травки по стенам развешаны, и дух такой, что в животе все вертится. То ли от травы, то ли мертвечина...

— Помер... — шепнул Пронька, и вместо ответа донеслось из-за дома неясное бормотание.— Или нет,— Пронька двинулся за угол.

Там на маленькой полянке торчал из-под земли колышек, окруженный полоской, выложенной камушками. Над колышком склонился старичок, седенький, маленький, сучковатый какой-то. В обычной рубахе, в обмотках из бурой шерсти. Говорил ласково:

— Виновата — получай, виновата — получай... Ответь, коль что творишь, а даром не обижу, сама знаешь...

И стегал прутиком по колышку, на котором крутилась маленькая змейка, гадюка. Больно ей было, кольцами вилась, но будто знала, за что наказывают, терпела, голову вниз пригибала. Старичок постегал еще, сказал, головы не поворачивая:

— Выходи, паря, выходи. Чего тут прятаться?

Путники, глядевшие из-за угла, не сообразили, кому это он. Тогда дед повернулся, рукой повел:

— Выходи,— пошел навстречу, бросив змею.— Сиди пока.

Гадюка зашипела, нехотя обвилась вокруг колышка и так застыла.

— Здравствуй, дедушка,— сказал Пронька без уверенности,— не обидь.

— Гляну,— отозвался дед ласково.

Он присел на пенек, парни приблизились.

— Мы не досады ради, дедушка, мы б и мимо прошли, да не получается.

Дед закрихтел, сказал опять ласково:

— Куда ж еще, как не ко мне? Все — ко мне. Любят меня. Говорят. А врут. Бегут все...

— За чем? — спросил Ванька.

— Какая тебе разница? — дед ласку источал.— Не «за чем», а «от кого».

— Дедушка,— сказал Фролка,— мы ни от кого не бежим.

— Врешь, и сам знаешь.— Ласка перешла в ехидцу.— Теперь вам Ближняя застава, там и крюк.

— Пройдем,— пытался Фролка бодриться.

— Хрен ты пройдешь. В драку влез уже? Дальняя, дурак, застава для сигнала стоит, теперь вас на Ближней дождутся.

— Помоги, дедушка,— смиренно просил Пронька.

— Дедушка,— Ванька подключился.— Помоги, отработаем.

Старичок отмахнулся:

— Какая с вас служба... Так помогу, я сегодня так хочу. Завтра б пришли — другого б нашли, а сегодня помогу. Малыша, сюда шли, видели? На развилку пойдете, на Зуб Кривой, он встретит, проведет. Но только за Ближнюю заставу, дальше ему заказано. Да отблагодарите, не часто ему перепадает.

— Это карле? — спросил Фролка.

Старичок покивал:

— Топайте, да не приходите больше, не хочу.

— Спасибо, дедушка... — начал было Пронька, тот махнул рукой, идите, мол, потом присмотрелся к Ваньке, разрешил:

— Спроси, коль нейметца.

— Дедушка, чего малыш домовину таскает?

— Наказанный. Ступайте, некогда мне.

На следующий день утром показал Пронька вперед:

— Кривой Зуб.

И правда, скала, торчавшая посреди густого леса, напоминала звериный клык: изогнутая кверху, макушка бурая, будто в крови.

— Рядом,— сказал Фролка.

— К утру дойдем, если спать не будем. Да если острожно.

Чем дальше шли, тем сильнее Проньку страх разбирал, так что заметно стало. Ванька к нему с тревогой приглядывался, Фролка злился. Шли споро, ничего такого страшного не попадалось. Разве что к вечеру залегли при звуке копыт. Ждали долго, неровная лошадиная поступь приближалась медленно, пока не явилось нечто странное.

На высоченной, невообразимо худой, костистой кляче передвигался по лесу такой же высохший, длинный старик в одежде, истертой до паутинного вида. Со странным задором сидела поверх идеального лысого черепа круглая шапочка. И вдобавок ко всему, старик спал. На синеватом лице застыли дрема и покой. Но мало того, лошадь тоже спала, глаза ее были закрыты, ноги переступали вяло, неуверенно, так что непонятно было, как эта парочка до сих пор не рухнула. Во всяком случае, это могло случиться в любой момент. Но двигалась пока.

И на ближайшем повороте кляча зацепила-таки копытом за корень. Старика тряхнуло, он пожевал гу-

бами, но не проснулся. Лошадь тут же споткнулась еще раз. Тогда старик открыл глаза, обозрел свою клячу с явным неудовольствием. И она споткнулась в третий раз. Не меняя мутного выражения лица, старик занес над худым ее черепом худой свой кулак и неожиданно резко треснул клячу промеж ушей.

Голова лошади взметнулась вверх, в глазах сонная тупость сменилась ошалелым боевым задором, а сами глаза зорко вперились вперед. Кляча подобралась, тонкие ноги задвигались, как лапки кузнечика, потопали бодрым строевым шагом. А всадник обратно глаза закрыл. И повлекла его молодцеватая доходяга вдаль.

— Какая только дрянь тут не шляется, — неопределенно сказал Пронька, выбираясь из кустов.

Путники торопились к развилке.

Ночью шли без остановок, держась середины тропки, подалее от леса, друг к дружке поближе. Пронька косился на выщербленную луну, рассказывал, чтоб не

так страшно было, что Малыш везде ходит свободно, и все его боятся, а почему — непонятно.

— По-человечьи не говорит и не понимает, дела только с дедом имеет, да и то — не очень. Вольный какой-то.

Спускались в овраг, последним шел сердитый Фролка, не оглядываясь, а зря. Не успели стихнуть шаги, из кустов вылез, отряхиваясь, мужик. Уверенным, как у себя дома, шагом двинулся следом. Митрий, Ванькин земляк.

К развилке подобрался затемно, укрылись в кустах, под деревьями. К полудню Ваньку сморило, он спал. Фролка какую-то корку жевал, а Пронька смотрел во все глаза, не отрываясь, на две дороги, спускавшиеся к развилке по склону, сливаясь в одну, пошире. И с опаской на Кривой Зуб поглядывал. Огромная, с острыми гранями скала угрожающе висела над округой, вгоняя Проньку в нудную дрожь.

Малыш появился. Сперва — маленькие, задорно топтавшие ножки, затем — весь карла, бурчал что-то, притиснув кулачок к губам, корявую рожу кривила улыбка. Фролка толкнул Ваньку, оба заулыбались, а Пронька перевел глаза на вторую дорогу и зубами так скрипнул, что спутники вздрогнули.

Там, под кронами, двигался к развилке отряд стражи.

Первым ехал красивый мужчина с седой головой. Ладный конь его ступал уверенно, всадник погружен был в свои мысли. Искусно украшенная кольчуга сверху была расстегнута, отвороток свисал на грудь, открывая мощную шею.

Следом, в почтительном отдалении, ехали двое помоложе, неспешно беседовали. Дальше — отряд конников, человек десять, и пешие. Близились к развилке. Малыш, отгороженный от отряда лесом, тоже.

На самом стыке дорог конь Седого фыркнул и остановился. Всадник поднял удивленный взгляд: прямо на него топал Малыш. С кулачком у губ, глядя под ноги, улыбаясь. Остановил его взрыв хохота. Оружие стражники бросились вперед, карла, похожий на перепуганного зверька, взят был в кольцо, и пошла потеха. Визжащие в восторге конники насакивали на Малыша, бросая вперед лошадей. Тот с трудом выворачивался из-под копыт, отлетел в сторону, чтобы опять оказаться под копытами. Это была игра, а мяч был живой. Зверька поймали и забавились травлей. В отчаянии метался он в кольце, натываясь на хохот и лошадиные ноги. Мордочка, перекошенная ужасом, всадников веселила. Даже Седой, наблюдавший со стороны и в забаве участия не принимавший, смеялся, ласково похлопывая рукой по лошадиной шее.

Малыш скоро выдохся, только взвизгивал при очередном ударе, но шевелился едва-едва. Седой перестал смеяться, крикнул что-то, всадники отступили, похихатывая, освободили пространство. Добродушно улыбаясь, Седой спешился, достал из седельной сумки лепешку, шагнул к Малышу. Окончательно затравленный карла сжимался с каждым его шагом все сильнее и не понимал, что ему предлагают плату за развлечение. Пригибался и пригибался к земле.

Седой улыбался, лицо его было красиво, могучая шея выдавалась из-под расстегнутой кольчуги. И когда до сжавшегося сверх меры Малыша оставался последний шаг, тот пискнул, как камень из руки, метнулся вверх, в воздух, на обтянутую кольчугой грудь, рот его оскалился по-звериному, челюсти с хрустом сомкнулись у Седого на горле.

В наступившей тишине обоих, и Седого и Малыша, сотрясла общая судорога; два тела, слившиеся в одно, рухнули наземь. В тот же миг ближний всадник бросил вперед коня, визгнул клинок, развал прошел через всю корявую карлову голову.

Растерянные, сбились в кучу всадники, лица их застыли в страхе и отвращении. Странно выгнувшись, лежал на спине Седой, поверх — Малыш с головой, разнесенной надвое. И кровь.

Гортанный вопль — сорвались конники, бросились по дороге, лучники столпились над кровавой жертвой, что-то делали.

Вжимаясь в землю, отползали парни от развилки.

Шли оврагом, Кривой Зуб маячил позади. Фролка в бешенстве постукивал кулаком себе в грудь, а Ванька присматривался на ходу к Проньке. Глаза у того запали бессмысленно, губы шевелились. Он готов был свалиться при первом препятствии, но Ванька подхватил его, усадил на землю.

— Пронька, ты чего?

Парень замычал, замотал головой, губы обрели, наконец, звук:

— Я все... Моя вина. Прости, что с тобой увязался...

— Да что такое? — тряхнул его Ванька.

— Меня беда метит! — дышал Пронька жарко. —

Со мной пути нет. Ходил я уже, не дошел, боюсь. Я все...

— Дубина! — взелся Фролка. — Ты-то при чем? Думать надо, куда идти теперь, так он плакать взялся... Куда, к деду?

— Здесь обратной дороги не бывает, — мотал головой Пронька. — Два раза по одной не пройдешь. Не видать нам деда.

— Значит, так, — Ванька говорил спокойно, — пора решать. Ну?

— Кругом пойдем, — сказал Пронька. — Далеко, но там деревенька будет, Падь Заячья. Из нее, правда, тоже хода нет, да больше некуда. Там с одной стороны — Горушка Злая, по ней не пролезть, смерть одна, я пробовал. С другой — болотина, тоже не пройти. А только должны тамошние хоть одну тропку знать. Говорить будем.

Помолчали. Пора было решать, и Ванька решил:

— Пошли кругом, в Заячью эту. И запомни, Пронька, ни в чем ты не виноват.

Тронулись, Фролка опять шел последним, бормотал под нос:

— Как знать, как знать... Может, и виноват.

Шли без остановок, к вечеру изматились полностью. Пронька пошатывался, но пер, как одержимый, погонял, поторапливал, все твердил, что медлить нельзя. Фролка с трудом, но держался, огрызался время от времени, мол, спать надо. А Ванька, хоть и спотыкался постоянно, все решал, кого слушать. Так и выскочили на полянку, мирную, аккуратную, посредине избушка стоит. И луна — круглая, желтая, размером не большая, а светло от нее, покойно, даже Ванька оставался.

— Все, други, спать будем, — слабину Фролка почувял. — Или без меня топайте.

Пронька заскулил, заныл что-то кислое, Фролка наседали:

— Зимовье тебе не нравится? Отличное зимовье. Или что?

— Боюсь чего-то...

— Пронька, — вступился Ванька, — отдохнуть надо, идем-то еле-еле, к утру встанем.

— Боюсь я... — упавшим голосом тянул Пронька. — Боюсь. Если спать, так в лесу.

От этих слов Фролка повернулся, двинул к зимовью.

— Ванька, — бросил на ходу, — в зимовьях ночевал когда? Пронька всего боится, пускай сам в росе спит. Или тоже боишься? Ванька?

Тот решил, пошел следом, а Пронька засуетился, отбежал, пригнувшись, к лесу, крикнул:

— У хозяина-то на постой ладом проситесь!

— Пошел ты... — огрызнулся Фролка, шагая через порог.

Ванька услышал, у крыльца потоптался, сказал громко:

— Хозяин, впусти странника, не обидь.

Ответил ему Фролкин смехок:

— Заходи, заходи, впускаю.

— Зря ты так, — Ванька сел за стол, с трудом раздирая слипавшиеся глаза. — Пронька как лучше хочет. И знает что-то...

— Знает, знает, — Фролка сердился. — Что он знает? Чего сюда приперся? Я не знаю, ты не знаешь... Куда идти, если не знаешь зачем? А этот все гонит, дурак, а куда гонит? Я не знаю. Неизвестно, чего ему надо. Ты слышишь?

Ванька ответить не мог, потому что спал.

— Иди на лежак, — сказал Фролка.

Ванька хотел головой кивнуть, да не удержался, брякнул лбом по столу. Фролка усмехнулся, и не зло, по-доброму. Подхватил попutchика под руки, перетащил на лежак, сунул котомку под голову. Разулыбался чего-то, лег на скамью у окошка. Лежал и улыбался.

Проснулся Ванька, будто толкнул его кто, глаза открыл. Темно. Присмотрелся — дверь открывается медленно, а в проеме, в мутном свете — фигура. Черная, большая, неясная.

— Человечинка притопала, — прошелся по зимовью утробный голос. — Давить будем.

Ванька вжался в лежак и почувствовал, как мутится в голове, как и лежак, и избушка, и сам он повалились, поехали вниз, вниз, в бездну. Фигура надвигалась, видна была мощь ее, но очертания не прояснились, походило на то, что слеплена она из земляных комьев, которые вот-вот должны рассыпаться, а не рассыпаются, наоборот, набираются страшной силы. Ванька цеплялся за ускользящее сознание, когда прямо из-под лежака, у самого его носа, поползла вверх, распрямилась другая фигура, такая же огромная, но в белом. Второй голос произнес предостерегающе:

— Не ты впускал, не тебе давить...

В последний миг перед тем, как провалиться в пустоту, почувствовал Ванька, как дрогнул лежак, сотряслось зимовье; рванулся за стенами, в лесу, то ли победный вой волчий, то ли предсмертный крик человека. Сошлись две силы, схватились в поединке.

Ванька успел еще удивиться, отчего это шума в зимовье никакого, а снизу, из-под земли идет рокот, будто там валуны кто ворочает? И обмяк, пропал.

Проснулся Ванька, когда радостный солнечный луч ощущивал доски пола. В лесу орали птицы. Ванька лежал и думал, не приснилось ли ему вчерашнее? В зимовье все на месте, дверь закрыта, Фролка спит на лавке к стене лицом, уютно свернувшись калачиком. Окончательно сбрасывая дурной сон, шагнул к нему Ванька.

— Вставай, парняга!

Тряхнул шутиливо за плечо. От толчка Фролка вывернулся, как без костей, повалился на пол. А лица нет, каша кровавая.

Ванька тащил его на полянку, от леса бежал Пронька. Уложили на травку, Проньку трясло:

— Пошли, пошли быстрее! Доночевались...

— Ты что? — глянул Ванька недобро. — Схоронить надо.

— Пошли, говорю, здесь не хоронят, — и еще подтвердил не поверившему Ваньке: — Не хоронят здесь, потом объясню. Уходим!

Поташил Ваньку к лесу. Фролка лежал, неприятно вывернувшись, будто высматривал, куда это они пошли?

До деревеньки не останавливались полных два дня. Пронька то приноживался, то оглядывался, следы в траве искал; Ванька злился, пока не понял, что боится его спутник. И не просто боится — до холода в груди, до злого отчаяния, которое оборачивается силой и твердостью, дает звериную осторожность. Пронька теперь не подгонял, он вел за собой.

А Ванька сдал, зимовье его подломило. Порой наваливалась чужь, хотелось лечь на землю, пропасть, исчезнуть. И лег бы, не будь рядом Проньки.

Земля вокруг лежала иная. Вместо густого леса пошли сплошным проплешины, покрытые жухлой травой, с островками кривых берез. Попадались каменные глыбы, торчавшие среди ровного места. Тут уж Пронька прятался как мог: ползти по ручейкам, по болотцам, держались кустов да кочек.

Вечером второго дня, после того, как в полной темноте, на ощупь перебрались через болотину, Пронька неожиданно повеселел:

— Давай-ка отдыхать будем. Скоро деревенька...

Спали без остра, на каких-то камнях. Утром с облезлой кочки увидели Заячью Падь.

Деревенька оказалась худая, вразброс, торчали домишки, по два, по три, хуторками, а между — дыры, будто и здесь жили когда-то люди, а нет их. Сплошной бурьян. Оставшиеся дворы стояли не крытые, как положено, а и вовсе без заборов, без деревьев. Место чахлое, больное. И солнце висело здесь странное, будто не солнце, а вьется на одном месте раскаленный вихрь серой пыли, источающий злой, слепящий огонь.

На улице встретился только баран с высушенной кожей на ребрах, со свалывшейся клочьями шерстью. Пошатываясь, брел он от двора к двору, у каждого останавливаясь надолго, оглашая деревню истонным «Бе-е-е».

Пронька еле ноги переставлял, голову задрал, вывернул в сторону, и в глазах — маята такая, что Ванька поехал:

— Ты чего?

— Горушка Злая...

За деревней уходила вверх каменная стена, на нее-то Пронька и смотрел.

Тут шумнуло наподолеку. У ближней халупы, развалины, крытой не досками, а щелями, и перекошенной, будто сел на нее кто, у крыльца гнилого ковырялась старушка в грязной одежде.

— Бабушка, — начал было Ванька, но при первом звуке старуха мышью юркнула за дверь.

— Бабушка, — говорил Пронька, — скажи только, есть у вас тут, кто охотничает? Нам такого надо.

Пришлось ждать, пока высунулась черная рука из черного проема, указала на один из домишек.

Там долго препирались с потертым мужичком, который слушать ничего не хотел, бубнил, что всякие шляются, а ему голова годится пока. Кто, мол, такие; откуда знать... Наконец Пронька оттолкнул его от двери и, показав крепкий кулак, вошел. Вывернул котомку свою на пол, среди пожитков нашел тряпичный мешочек, который достался мужику.

— Мы, дядя, — сказал Пронька по-воровски, с прищуром, — золотишко промышляем. За болотиной у нас дело, а ты проведешь.

Мужик мотнулся к окну, глянул в мешочек, стал пихать его под рубаху, чуть ли не в штаны, приговаривая:

— Проведу, проведу. Я проведу...

А Пронька в ответ на изумленный Ванькин взгляд прощептал невесело:

— Больше у меня нет ничего... Дойти надо.

По деревне бежали, мужик явно трусил, но приговаривал:

— Проведу, тропки-то знаю. Чего ж по делу-то не пойти? Пойдем, если надо...

На околицу выскочили, и тут мужик встал. Прищурился с гаденьким удовольствием:

— А-а-а, поймали тебя, гада! Глянь, поймали! Пошли, смотреть будем. Быстренько-быстренько, потом и пойдем.

Не дожидаясь согласия, заспешил по косогору вниз, к высокому дереву на берегу, у которого толпился народ. Пронька аж заскулил: за рекой испуганно жались несколько деревьев, дальше вздымалась Горушка Злая. Перед рекой, у дерева, происходило что-то.

Деревенские сбились в кучу, одновременно жалкую и угрожающую. Молчали, так же молча делал свое дело парень, сидевший на толстом суку; он крепил веревку, конец ее свисал вниз, венчаясь петлей. А между деревом и народом лежал на земле надежно связанный человек. Он-то Ваньку и заинтересовал, вместе с Пронькой шли они к будущему месту казни. Тем временем парень-палач неторопливо спрыгнул с дерева, размеренно пнул пару раз приговоренного, ухватил его за плечи и рывком поставил под петлю. Тот не пискнул, да и не мог, рот его забит был тряпкой, поверху притянутой веревкой. Вся эта штука закрывала ему пол-лица, одни глаза торчали, но Ваньке хватало: это был вор. Филька-вор.

Застыл Ванька, соображая, что делать. Стояли люди, убогие до странности, больные, жалкие. Палач возился с петлей, когда Ванька прыгнул вперед, сгреб вора.

— Куда Алену дел? — кричал Ванька. — Куда дел, убью!

Народ смотрел с сочувствием, как мотается голова обреченного, как лезут глаза на лоб, как мычит он завязанным ртом. Не сразу Ванька сообразил, что ответить тот не может, сорвал через лоб повязку и только собрался задать свой вопрос, как страшный удар свалил его на землю. А когда очухался, увидел, что Филька-вор счастлив.

Как червяк, замотанный в веревку, крепко, видать, побитый, источал он веселие пополам с оторопью. Шагнул к палачу, сказал обалдело:

— Видел, да? — говорил с палачом как с другом или, по крайней мере, как с сообщником. — Нет, ты видел, да? Ты все понял?

Палач отшатнулся с испугом, а Филька-вор выговорил негромко:

— Проклянун...

Сказал и сам понял. Заревел, захохотал, на землю рухнул, змеей в пыли завился.

— Проклянун! — заорал, весь свет оповещая. — Вы,

люди,— чтоб вас так! — добрые! Про-о-ок-ля-ану-у-у!!!

Пронька поставил Ваньку на ноги, когда в плечо ему больно ткнулся первый камень. Люди забыли про вора, в глазах их горела угрюмая ненависть, и обращены были эти глаза на пришельцев. Деревенские стояли молча, в руках булыжники. Сзади, хохоча, бежал по косогору Филька-вор, еще связанный, уже свободный. Десятки рук взметнулись разом над головами, взлетели камни. Крикнул Пронька и обмяк, Ванька под руку поволок его вниз, к реке. Толпа бежала следом, на ходу подхватывая камни.

Ванька бежал к мосту, Пронька упирался, выговаривая непослушными от страха губами:

— Нельзя, нельзя туда...

И только добежали до моста, топот за спиной утих. Преследователи застыли шагах в двадцати, камни — в руках. Там был и проводник с крупным булыжником наготове. Деревенские грозили, молча подталкивая беглецов вперед, на мост. Пронька елозил, глупо, потелячи, тянул назад.

— Не пойду,— он уже плакал,— не пойду...

— А куда? — задыхался Ванька.— Куда?

Пока разбирались, сзади произошла перемена: деревенские в панике бросились по косогору, на ходу выкидывая камни, а от деревни, сбоку, неслись по дороге к мосту конные стражники, бежали лучники.

За мостом дорога перехлестывала через бугор, спускалась в ложбину и исчезала; до какого-то момента была, а после — не было. Здесь вставала Горушка Злая.

На бугре Ванька оглянулся: стражники скакали через мост, лучники из-за реки бросали стрелы, те повизгивали, втыкаясь там и тут. Беглецы пока оставались невредимы. Конница надвигалась, когда Пронька завизжал истошно:

— А-а-а!!!! Давай, пошли! Пошли, мать ее!..

Скатился в ложбину, прыгнул на каменный склон. Тут и почудилось Ваньке, что земля под ним дрогнула. Пришла чужь и пропала.

Забрались беглецы невысоко, когда вылетели на бугор всадники, завертели, круто осаживая коней, повернули назад. Лучники укрылись за бугром, стреляли.

Поднимались парни бегом, прыгали через камни, цеплялись за них, съезжали вниз, но не останавливались. Все казалось спокойным, но другая чужь Ваньке померещилась: тысячи глаз, больших и маленьких, следили за ним, всякий камень и всякая пылинка. Померещилось. Ванька вздохнул с облегчением, да, видать, поторопился.

Горушка вздрогнула, бросился сверху каменный ручеек, сначала жиденький, но с каждым мгновением набирающий силу, растущий. Каменная река докатилась до беглецов, Ванька прыгнул назад. Пронька — вперед, поток разделил их. Миновал, но опять дрогнула Горушка, прямо над головой обвалился целый утес. Как дым над пожарищем, рванулись клубы пыли, с грохотом полетели камни, весь склон превратился на мгновение в кипящий котел, в глубине которого искали беглецы спасения.

Тревогу кричали стражники, бросились к реке лучники, по мосту убиралась застава к деревне.

Ванька, сжавшийся под огромным ребристым валуном, за пыльными вихрями разглядел, наконец, Проньку. Отчаянно вопя, тот бежал вниз зигзагами, по-заячьи. Но Горушка не отпустила: там и тут камни сдвигались с места, бросались в погоню. Грохот стоял, как рычание. Пронька завертелся, петляя, прыгая из стороны в

«Аэлита»-92 □ стр. 81

сторону, и выскочил-таки на бугор. Камни заурчали утробно, успокаиваясь, на мгновение стало тише, и тут стронулся с самой вершины огромный гладкий валун. Тяжело поворачиваясь, набирал скорость, сперва с трудом, но все легче, запрыгал, полетел. Домчался до подножья, проскочил ложбину, вознесся над бугром и рухнул у реки, среди деревьев. Высокая береза переломилась с хрустом, хлестнула по земле; валун взлетел и свалился в реку. Зеленая вода раздалась, выплескиваясь из берегов, сошлась, медленно окрашиваясь в черный цвет.

Пронька смотрел снизу, как Ванька осторожно выставил ногу, но тут же просвистел рядом камень. Еще движение — и целая стая полетела к нему. Ванька озирался, вжимаясь в валун, когда Пронька принял решение.

— Ванька! — заорал дурным голосом. — Беги! Это я все, беги!

Горушка отозвалась, загудела. Истошно вопя что-то непонятное, Пронька заскочил на склон невысоко и с невероятной скоростью понесся вдоль. Мчался, как мог, вокруг сыпавшихся камни, все новые потоки срывались вдоль по склону: вслед за Пронькой, дальше от Ваньки. И тот понял. Собрался с силами, подался вверх. Бежал молча, оскальзываясь, падая, в кровь сбивая руки, бежал. Каменные струйки неуверенно всплескивались рядом, но угасали: Горушка занималась Пронькой. Там, в стороне, все слилось в сплошном грохочущем водовороте, глухая пелена скрыла и Проньку, и весь склон, и речушку с бугром и деревней.

Ванька проскочил по вершине от края и понял, что теперь — все. Хотел сесть, но упал. Чутко вздрагивала под ним земля, и неожиданно громко шумела вокруг трава. Других звуков больше не было. Тишина. И в ней проваливался Ванька все глубже и глубже, почти заснул, когда по телу прошла судорога, тело первое услышало новый звук.

Шаги негромкие, уверенные. Ванька вжался головой в траву, дышать перестал. Чьи-то ноги прошли совсем рядом, стали удаляться, когда парень приподнял наконец голову. Сутулая мужичья спина двигалась к кустам. Ванька напрягся и негромко, как вышло, выговорил:

— Эй, Митрий!..

Мужик будто не слышал, только плечи поднялись чуток да шаги стали поразмашистей.

— Митрий! — крикнул Ванька, но поздно, растворилась спина в кустах, и нет спины.

Ванька не удивился, потому что уснул враз, будто на последнем крике весь кончился.

Следующим утром тронулся наугад, но уверенно, даже по сторонам оглядываться перестал. Мир, тем временем, переменялся: невысокие горы под густым низкорослым лесом, ручьи на склонах, в низинах — озера прозрачные, чистые. Зверье попадалось любопытное, непуганое.

На третий день к закату открылась небольшая долина, круглая, как миска. Дальний край ее упирался в скалы, там начинались другие горы, с вершинами — в облака, чем дальше, тем выше. Посреди долины стоял бревенчатый частокол с тяжелыми воротами, за ним поднималась хоромина, вся в окнах, в башенках, с крышами железными.

Ванька выбрался на дорогу, пошел, не оглядываясь, будто ему отчего-то все равно. Полпути одолел, когда отворились ворота, показался отряд стражи, а Ванька так и шел спокойно. Конники неторопливо проехали

рядом, глаза без интереса скользили по путнику, как по знакомому. А у ворот стоял пеший воин, и Ванька знал, что его ждут.

Воин указал идти следом, двое дюжих стражников с натугой закрыли за ними ворота, и тут Ванька удивился. Изнутри, на левом створе, висел Филька-вор. За руки, за ноги, вращаясь прикованный. Головой о доски брякнулся, когда ворота со стуком сошлись.

Остановиться Ваньке Воин не позволил, повел в дом, там — по коридору мимо запертых дверей, которых много было по сторонам. Местами торчали из стен факелы, под ними стояли воины.

Не скоро воин указал на одну из дверей, Ванька вошел. Свет ударил в лицо настолько яркий, что парень зажмурился. И услышал:

— Ты пришел?

Перед ним стояла Девица. Высокая, статная, одежда легкая, а сама крепкая, как парень. Черты лица крупные, а красота странная, с вызовом. На руках и голове — камни драгоценные. Улыбалась.

— Ждала тебя, — сказала негромко, и вся комната отозвалась мелодично и ясно. — Посмотри на меня.

А Ванька и так смотрел, ох и смотрел! Вид имел такой, будто проглотить чего старается, а не может, вот-вот задувится.

Девица руку протянула, спросила нежно:

— Что, хороша?

Шагнула к Ваньке и вдруг с ходу прильнула, в губы поцеловала. Сперва нежно и легко, затем крепко и твердо, потом — страстно, у Ваньки все дыхание перебило. А Девица его оттолкнула, заигралась, затормозила. Ванька очухался, схватил ее за плечи и сам поцеловал.

Девица взяла его за руку, открыла дверь за занавесью, где оказалась просторная зала, убранная богато. У дальней стены в кресле сидел Король. Старый Король. Благородные когда-то черты были обезображены натянута, как барабан, высохшей кожей, один глаз полуоткрыт, второй безжизненно выставился в сторону бельмом.

Девица степенно взяла Ваньку за руку, подвела к Королю.

— Вот он.

Единственный глаз двинулся с неохотой, уставился на Ваньку, почти мертвое лицо не переменялось никак. Не скоро отозвался Король:

— Будь по-твоему.

В голосе не было согласия, одна усталость. Король с усилием оторвал старческое тело от кресла, прошаркал, двумя руками опираясь на посох, к маленькой дверце, оглянулся, прежде чем скрыться. Едва заметная гримаса появилась на его лице: то ли усмешка, то ли сомнение вместе с болью. Дверь за ним затворилась.

Девица рывком притянула к себе Ванькину голову, поцеловала быстро, зашептала горячо в самое ухо:

— Запомни, второй раз не бей. Запомнил? Второй раз не бей!

И пока Ванька соображал, втокнула его следом за Королем. Дверь захлопнулась. Парень рукой попробовал — заперта.

Комната была длинная, узкая, без мебели и украшений. Бревенчатые стены да стул в конце деревянный, на котором сидел Король. А от него два дюжих молодца с оружием приближались к Ваньке. Тот так ничего и не понял, пока оба детины не придвинулись вплотную, четыре клинка уставились парню в лицо, а Король слабым кивком указал ему на стену, там висел большой двуручный меч.

Воины бросились вперед, завертели клинки; не приученный к оружию, Ванька отбивался, как мог. Выходило плохо, соперники в своем деле толк знали, они играли с ним: подкальывали слегка, перекидывали парня друг другу, ловили, как мешок, но постепенно удары крепчали, клинки свистели совсем близко. Ванька двигался теперь увереннее, попусту мечом не махал, начинал уже грозить нападавшим, но те только расходились от этого. Под сводами отдавались звон стали да рычание дерущихся.

Ванька разошелся помалу, да и разолился порядком. Улучив момент, сшиб одного детину с ног рукоятью, бросился к другому; тот увернулся и ловко хватанул Ваньку поперек груди. Оцарапал легко, но рубака быстро краснела. Меч заходил без шуток, Ванька побледнел от бешенства. Воины сошлись недалеко, встали плечом к плечу, и, когда парень подскокил с занесенным над головой мечом, они неожиданно отскочили в стороны и назад, а перед Ванькой оказался сам Король. В руках он держал двуручный меч, точь-в-точь как Ванькин. Парень ничего сообразить не успел, когда меч его опустился. Лезвие пришло к Королю посредине седой головы. Ванька в запале вскинул оружие еще раз, но что-то помешало ударить.

Старик нескладно упал. Ванька тарасился, когда воины исчезли, но появилась Девица; угрюмая, злая сила мелькнула на лице ее, твердый голос произнес брезгливо и окончательно:

— Старый.

С рассеченной головой лежал перед ней Король, седины напитывались кровью. Девица заглянула Ваньке в глаза:

— Теперь ты мой...

И повлекла его, безвольного, прочь.

Ванька еле тащился за ней по коридорам, озирался по сторонам бессмысленно. Мимо тянулись бесчисленные двери, иногда попадался сторожевой пост с факелом в стене, и опять — двери, двери. Дом изнутри был куда больше, чем снаружи казалось. Девица шла быстро и проскочила мимо двери, которая была чуть приоткрыта. Первая за все Ванькино здесь пребывание.

Дверь как дверь, за ней — огонек, унылое девичье пение. Ванька взгляд случайный бросил и замер, знакомое что-то почудилось. С сомнением заглянул, но дверь захлопнулась. Девица смотрела с интересом.

— Там... — начал Ванька с сомнением, припоминая что-то.

— Тебе почудилось.

Ванька хотел возразить, но Девица прихватила его за плечи, подтолкнула чуток, повела.

— Тут многое почудиться может, так что по сторонам не гляди, — шептала нежно, но настойчиво. — На меня гляди, я настоящая.

Оказался Ванька с ней в комнате, а там — кровать посредине. Огромная, белая.

К рассвету обо всем Ванька позабыл и ничего сказать не мог, сплошь мурлыканье выходило. Много за ночь нового узнал, а теперь томительное счастье отступало, наваливалась бессильная истома, в голове звенело громче, громче... Смотрел Ванька открытыми глазами и ничего не видел. Лицо склонялось над ним, глаза свежие, ясные. Губы ползли по щеке, скользили влажным к уху, выше, к виску. Ванька таял, совсем ничего не осталось от парня, когда губы продвинулись от виска вверх и там, среди волос, впились страстным поцелуем. Короткая резкая боль прошла по всему

телу, тряхнула Ваньку так, что он сел перепуганный.

— Ты что? — шепнула она.

Ванька ошупывал висок, не приснилось ли? Ничего там не было.

— Прости, прости, — ласково шептала она. — Спи, спи...

Ванька решил, что почудилось. Заулыбался.

— А чего тебе в коридоре померещилось? — спросила она.

— Ничего, — отмахнулся Ванька. — Показалось.

— Что?

— Невеста вроде у меня была, — сказал и засмеялся. — Алена. Нет, не она. Ее уж и нет, наверное.

— Невеста? — переспросила игриво. — А я кто?

— Ты — жена, — поползло по Ванькиному лицу торжество.

— Ты думаешь? — посыпался по комнате ее смех.

— Точно, — пробормотал Ванька, с трудом раздирая слипающиеся глаза. — Точно...

Он почувствовал, как легко выскользнула она из-под одеяла, шепнул еле слышно:

— Куда?

— Спи, спи. Сейчас я...

Ванька не видел, как перед едва засветлевшим окошком накинута она на тело что-то, выскользнула в дверь. Ванька спал.

Девушка стремительно шла по коридору. Дремавший под факелом одинокий стражник вскинулся, вытянулся, преданно глядя в сильное лицо, в котором не было уже ни мягкости, ни нежности. Только сила.

Стражник проводил Девушку глазами, размяк, мечтательно прищмыкивая, стал пристраиваться, намереваясь подремать еще, прошелся глазами туда-сюда. И показалось ему, что какая-то тень шевельнулась за ближним углом. Вот тут стражник проснулся. Стараясь не шуметь кольчугой, подкрался и бросился за угол.

Чьи-то крепкие руки сгребли его за ворот, встряхнули, как следует, и со всего маху бросили затылком о стену. У стражника глаза вылезли, рот открылся было, но от второго удара закрылся обратно. И глаза закрылись. Размякшее тело аккуратно было засунуто поглубже в угол.

После того тень скользнула по коридору, скрылась. Это был Митрий.

А посреди королевской залы дюжие воины одевали Девушку. На обнаженное тело ложилась рубаха грубая, кольчуга, пояс изукрашенный.

Встала Царь-девица, та да не та. Хороша, да по-другому: воин. В лице — власть, кудри по кольчуге разметались. И склонились перед ней воины.

Отворилась дверь, косматый мужик бросил перед Девушкой на колени тонкую фигурку. Девушка, Алена, простоволосая, не проснувшись. Заступила ей Девушка за спину, перехлестнула Алене шею ремешком, уперлась в затылок коленом.

Молча смотрели воины, как обмякло на полу тело. Девушка отшвырнула удавку, вышла стремительно. Стража — следом.

Ванька в это время в постели нежилась. Спал — не спал, непонятно. Смотрел, как окошко светлеет, потягивался. А как лежать надоело, натянул штаны и рубаху, пошел в дверь. Улыбаясь по-блажному, миновал одинокий факел, у которого должен был стражник стоять, без помехи добрался до конца коридора, где было единственное здесь окно. Там — двор, на воротах Филька-вор висит. Ванька разулыбался, вылез прямо в окно.

Тихо вокруг было, ни души, ни стражника. Солнце не встало еще, свет неверный, призрачный.

Филька не спал, но подошедшему Ваньке внимания не уделил, только раз взгляд бросил, будто неинтересно ему, а во все глаза смотрел куда-то вбок, поверх Ванькиной головы.

— Висишь? — спросил Ванька.

Не отрываясь, смотрел Филька свое. Ванька продолжал лениво:

— Виси, виси... Я тебе устрою... Виси пока...

Это Фильку заинтересовало. Умные, пакостные глаза обратились к Ваньке то ли с недоумением, то ли с жалостью.

— Ну ты и дурак... — сказал сочувственно.

Ванька хотел ответить, но тут краткая судорога резанула по голове от виска, парень едва не заорал, в глазах потемнело, темными глазами в землю уставился, ничего не понимает.

У Фильки при этом — что странно — мелькнула в глазах зависть и исчезла. А сам вор обратно вбок уставился. Ванька взгляд проследил, охучавшись. Рядом с забором к самым воротам подступала стена, высоко над землей горело окошко. Туда Филька и уставился. Ванька ничего не понял, да и не хотел понимать, блаженство к нему возвращалось. И хотелось вора поучить.

— Тварь ты пакостная, потрох сучий. Вот ты думаешь, что делаешь?

Филька вздрогнул, но не от речей Ванькиных, а от увиденного. Со странным весельем посмотрел вниз, сказал ехидно:

— Не-а... Мне незачем, тебе думать надо. Я и так проживу.

Филька бросил взгляд в окошко, потом — на Ваньку, произнес теперь с удивлением:

— Вот же дубина... Еще и стоит...

Обратно в окошко уставился, да с таким лицом, что Ваньке не по себе сделалось. Что-то там происходило совсем необычное, Ванька шагнул к стене.

— Глянь, полезно будет, — процедил за спиной Филька.

Парень прыгнул, ухватился за наличник, подтянулся.

Посреди тесной комнатки на столе лежал мертвый Король. В головах стояла Девушка в железной одежде воина, с окаменевшим лицом, напоминавшим лицо покойника. Пальцы ее медленно двигались по голове Короля от лба к затылку, и страшное происходило под ними. Вчера еще седой, с высохшей кожей, Король лежал теперь черноволос, морщины разгладились, лицо пополнилось, налилось силой. Один кровавый разруб был прежним, вдоль него ползли пальцы, и где они проходили, исчезала кровь, смыкалась кожа, исчезал след удара.

Когда завершили пальцы свой путь, Король открыл глаза, уставился в потолок неживым взглядом.

Ванькины пальцы тут разжались, упал он на землю, огляделся. Свет предутренний неверен, все как неадекватное, только Филька-вор настоящий, во все глаза внутрь глядит. Прыгнул Ванька обратно, а за окном сошлись в воинственном объятии Король с Девушкой, целуются.

Ванька спрыгнул на землю, Филька тоже глаза отвел.

— Ушли, — посмотрел на Ваньку с сочувствием. — За тобой пошли. Сейчас они удивятся, готовься. Будешь с ней силами меряться. Она отмерит...

— Она?

— Она, она. Своих мотыльков никому не дает, сама давит.

В доме закричали, зашумели.

— Тебя потеряли, но не бойся, найдут скоро,— сказал Филька и удивился.— Парень, эй! Чего стоишь? Давить тебя будут!— Филька на воротах заерзал, засуетился.— Ладно, хрен с тобой! Ты меня однажды спас, помогу. Бежать надо! Вставай, дурак, утро!

Ванька очнулся.

— Вон лестница,— погонял Филька.— Быстро беги!

Кинулся Ванька к забору, схватил лестницу и замер, не знает, что делать.

— Сюда тащи!

А в доме шумели все громче.

— Ставь, отцепляй меня!— шипел Филька.

Ванька засомневался, вор торопил:

— Без меня не уйдешь, дурак, убери железы!

Скоро упал он под ворота. Ванька побежал в сторону, остановило его Филькино шипение:

— Лесенку бери, лесенку!

— Да зачем?

— Бери!

С двух сторон вцепились в тяжелую лестницу, по бежали вдоль забора. И вовремя, шум докатился до дверей, посыпался на двор стражники.

В густом кустарнике двигались беглецы вверх по склону, в горы. Снизу долетали крики, стражники седлали лошадей.

Скоро выскочили Ванька с Филькой к глубокой расселине, на дне которой ревел горный поток. По бежали над обрывом, разнесенные края которого сближались в одном-единственном месте, там с двух сторон нависали над пропастью каменные глыбы, но расстояние между ними нельзя было перепрыгнуть, далеко. Туда и вел Филька-вор.

С трудом поставили лестницу концом вверх, примерились, чтобы конец попал на другой край. Лестница покачивалась, в любой момент грозя рухнуть в пропасть и утащить за собой беглецов. Но удержали. Конец встал на другую сторону.

— Держи крепче,— скомандовал Филька шепотом.

Ванька вцепился двумя руками, вор осторожно полез по шаткой переправе. Лестница заворачивалась, прогибалась, бродила из стороны в сторону, но выдержала. На твердом месте Филька выпрямился, потягиваясь, по морде разлилось спокойствие.

— Держи!— крикнул Ванька, ступая на доски.

— Погоди!— остерег Филька, наклонился к лестнице, потянул на себя, и полетела она вниз, в реку.

— Ты чего?— ошалел Ванька.

— Не понял ты,— доброжелательно отозвался Филька-вор.— Не понял, слышь?

— Что не понял?

— Дело не понял,— терпеливо объяснял Филька.—

Погоня идет, слышишь?

— Ну...

— За двумя сразу не пойдут, одного гнать будут.

— Ну...

— Я и уйду спокойно. Спасибо. Да ты быстро беги, уж постарайся! Удачи тебе!

Филька отступил от обрыва, исчез. Ванька молча проводил его глазами. Он стоял перед ущельем, за спиной шумела стража, делать было нечего, оставалось бежать вверх, в горы.

Время шло к полудню, когда выбрался Ванька на странное место. Среди скал лежала равнинка, похожая на стол, до того плоская. И зажата отвесными склонами, прохода не видать. Ванька к тому времени всякое

соображение потерял и неверной рысцой поперся прямо посередине. И не так далеко отошел, когда застучали за спиной копыта.

У края плотно строился в линию большой отряд, в центре, на великолепном белом скакуне, гарцевала Девуца.

А Ваньке было все равно. Он изменил чуток направление и теперь вяло трусил в сторону, к скалам. Ноги ступали криво, подгибались.

В этот миг на другой стороне плато родился и покрыл разом всю округу короткий и страшный рык. Ванька встал, качаясь.

Из тени скал выходил Зверь. Большой, в четыре быка, с гибким лысым хвостом, с пастью, вроде клюва петушиного, из которой вырывался рев, проносился над Ванькой, над стражниками, бился о скалы и улетал вверх, отдаваясь оттуда низким каменным гулом.

Ванька стоял. Бежать бы, да сил не осталось.

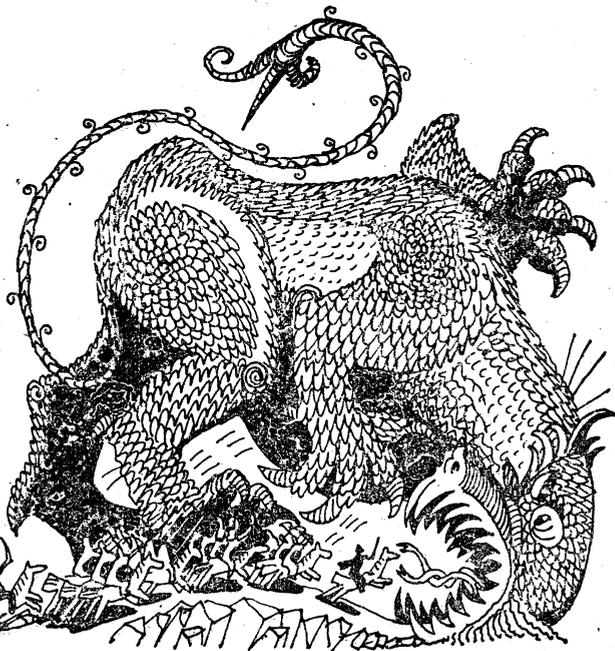
Закричала Девуца, заметался в воздухе хлыст, прыгнул белый конь. Неистовая радость горела в глазах, не похожих на женские, в крике вилась отчаянный восторг. Следом заорали конники, уставили вперед пики, отряд понесся на Зверя.

Ванька стоял, двумя руками обхватив голову, раздирающая боль мутила глаза, заткнула уши, потом отпустила, но сознание вернулось не сразу.

Всадники, отчаянно визжа, вертелись вокруг Зверя. Бестолково, как сперва показало Ваньке, но на самом деле с расчетом: они перемещались так быстро, что огромное животное не поспевало следом, злое хвост без толку хлестал по камням, клюв щелкал в воздухе, и несколько копий уже болтались в мощной шее.

Ванька теперь только сообразил, что никто его не ловит, никому он не нужен. И совсем рядом — проход в скале, узкий, неприметный. Там и тропка нашлась. Ванька катился вниз, а повернувшись шум битвы, гнал вперед, к реке за рощицей. Не останавливаясь, парень проскочил по берегу, из последних сил перевалил в воду ствол дерева, упавшего на берегу. Поток рванул его с такой силой, что Ванька едва успел зацепиться за ветви. Со страшной скоростью понесло его вниз, и шум воды заглушил звуки битвы.

Узкий, как щель, месяц висел на небе, ничего внизу не освещая. Смутные очертания кустов и редких деревьев покрывали пологий склон, и по всему про-

странству горели там и тут факелы, которым тоже мало что удавалось высветить. Факелы медленно передвигались, каждый сам по себе, и в то же время все вместе искали кого-то.

— Ищи! — раздавалось тут и там.

Позвякивало оружие, шепотком перестукивались звенья кольчуг. Двигались факелы.

— Ищи!..

В темноте между кустами неслышно двигалась тень, и, когда редкий отблеск падал на лицо, можно было узнать Сторожа, одного из Братьев. Он всматривался в движение факелов, вслушивался, принохивался. Вдруг бросил руку вбок, в глубь куста, рванул обратно. Выудил кого-то, второй рукой заткнув ему рот. Присмотрелся — Ванька. Сторож не удивился, шепнул:

— Пришел?

Осторожно повел парня в обход факелов.

— Ищи! — провожало их.

У Братьев усадили Ваньку в просторной горнице за стол. Напротив опять сидел старый Дед, вокруг молча стояли Братья, лица их в дрожащем свете копилки были угрюмы, но решительны. Молчали, ждали кого-то. Дед вопросительно поглядывал на Старшего, огромного седебородого мужика, тот проверял на улице, возвращался:

— Нет еще.

Дед кивал. Ждали. Наконец Дед сказал:

— Сладь-ка мету.

Старший с силой вбил в бревенчатую стену широкий нож, через лезвие бросил белую ширинку с петухами, а под нижний конец ее поставил миску. На уголке полотенца появилась, медленно набухла и упала, сорвавшись, капелька, о железное дно звякнула. А на месте ее родилась следующая. Темные, черные почти капли падали и падали, и не сразу Ванька разобрал, что это кровь.

Сидели тихо, нарушил тишину Ванька. Он встретился, схватился рукой за висок, всхлипнул. Ослаб.

— Ты что? — спросил ближний из Братьев.

Ванька недоуменно пожал плечами. Тогда Брат осторожно сдвинул над виском у Ваньки волосы, протянул с уважением...

— Ого!..

Ванька не понял, тогда Брат подставил маленькое зеркальце, и парень увидел на голове большое родимое пятно.

— Не было, — выговорил Ванька.

Оборвал его окрик Старшего:

— Тихо там!

И опять тишина, только кровь с ширинки капает, половина миски набралась. Наконец стукнула дверь, вбежал Брат, задыхаясь. Дед позволил ему говорить, и тот выпалил:

— Старая сказала, пусть. Поможет.

Все посмотрели на Деда. Тот медленно поднялся над столом, сказал окончательно:

— Это наша земля.

В перелеске, над спускавшимся к небольшому овражку склоном, Дед давал Ваньке наставления:

— Твое дело — до оврага доскочить. И быстро беги, как сможешь.

Пути до оврага было изрядно, место голое, одна трава, ни кустика. За оврагом стоял густой ельник. А сбоку, по краю оврага, приближался отряд стражи.

Похожий на сучок палец ткнул Ваньке в спину:

— Беги.

И побежал. Только выскочил из-под берез, закри-

чали всадники, понеслись кони наперерез. С другой стороны донеслись ответные вопли, там скакал отряд с Девницей во главе.

Ванька бежал. Овраг приближался медленно, а стражники — быстро. Тут справа раздался свист, из кустов выступил на открытое место Старший из Братьев. Вышел и встал, будто обозначил собой некую границу, и она оказалась неприступной. Конники, домчавшись до нее, завертели на месте, нахлестывая лошадей, отчаянно вопя. Кони вставали на дыбы, оседали, но переступить границу не могли.

Другой свист разнесся, со второй стороны встал Брат; визгливо закричала Девница и остановилась вместе со своим отрядом.

Ванька бежал, за спиной его стоял у леса Дед, за ним — остальные Братья. Когда до оврага оставалось чуть-чуть, раздался над склоном, покрывая вопли бесильных стражников, бросая на землю и коней, негромкий, но заглушающий все старушечий хохот. На последнем шагу Ванька оглянулся. Под высоким дубом, бесконечно привалясь к стволу всем телом, лежала распухшая Старуха. И смеялась. Глазницы ее, уставленные Ваньке вслед, были пусты.

Свалился Ванька в овраг, перекатился через тонкий ручеек, вылетел на другую сторону, упал. Вокруг тихо стало, Ванька голову приподнял, оглянулся. За спиной, за оврагом стоял лес. Ни откоса, ни стражи, ничего, ели да тишина.

Ванька вперед посмотрел, а там — поле, за полем — деревня. Его, Ванькина деревня.

Шел путник домой. Его заметили, появились на околице люди, старики вышли, отец.

Ванька вернулся. Постояли с отцом друг против друга, обнялись. И поднял отец руку, сдвинул у сына над виском волосы, посмотрел. Ванька понял, отогнул у отца седую прядь на том же месте. Родимое пятно. Такое же.

А от леса шел той же дорогой еще один путник. Митрий. С котомкой, от усталости покачиваясь. Добрался до камня, торчавшего из земли, подогнул непослушные колени, сел. Отец вытер шапкой пот со лба, брякнул ею о землю. Все, пришел. От околицы бежала его жена, упала в ноги, обняла мужнины колени и давай реветь.

— Иван, — сказал отец, — пошли, Иван, домой.

Из улицы выскочил в это время мальчишка, рука-ми над головой крутит, кричит:

— Странники! Странники идут!

Вся деревня собралась на бугре с другой стороны деревни, под которым шли по дороге странники. Первым шагал благородной осанки мужчина с красивым лицом и рваным шрамом на шее. Следом — крепкий парень со светившимися радостью глазами на обезображенном лице. И еще два дюжих мужика, а за ними, чуть поотстав, шла тоненькая девушка в простом платье, с косой до пояса.

Странники вернулись в деревню, миром встречали их люди.

А на опустевшей дороге показался из-за поворота еще один. Корявенький, маленький человечек, глаза широко расставлены, скулы торчат. Догонял попутчиков своих, шел быстро, заодно подпрыгивая на кривых ножках, короткими ручками размахивая. Голова его, по всей длине перехваченная глубоким шрамом, лучилась счастьем. Рот, глаза, щеки и даже нос расплзались в радостной гримасе.

Он смеялся, он веселился, он был счастлив, потому что рождению всегда сопутствует радость.

Для Будущего Человечества

Чем заняты сегодня многочисленные клубы любителей фантастики нашей страны? Что движет ими, что волнует, что является главным в их сегодняшней деятельности? В свое время мы не раз освещали работу КЛФ. Вот и сейчас наступил, нам кажется, момент, когда стоило бы присмотреться, взвесить, переосмыслить само назначение клубов: условия-то жизни нашей изменились, причем очень резко...

Публикуем статью Романа Флореску — руководителя центра фантастики «Эвтопия» в молдавском городе Бэлць. Что-то в его размышлениях может показаться спорным, возможно — даже несколько надуманным. Для нас, однако, важнее другое, главное: Р. Флореску искренне верит в высокое предназначение КЛФ и эту свою убежденность — обосновывает, стараясь донести до других.

Чтобы насладиться плаванием, недостаточно только окунуть палец в воду, нужно в нее нырнуть. А перед прыжком пловец должен спокойно сосредоточиться и осмотреться.

Поль Вайнцвайг

«Если я видел дальше, то потому, что стоял на плечах гигантов!» — сказал великий Ньютон. Наступила пора «увидеть дальше» и многочисленным клубам любителей фантастики нашей страны. Во всяком случае, тем из них, кто не хотел бы бездумно плыть по течению в общем потоке.

Анализируя деятельность клубов, приходишь к интересной картине. Конечно, кто-то скажет, что рано строить объективный экран о целях союза КЛФ, но это необходимо для достойного самоуправления деятельностью.

Любой шаг Человека Разумного начинается с вопросов: «Зачем? Куда?» Ответы лишь разнятся: 1) для себя и другим; 2) только для других; 3) для Будущего Человечества. Как подобная классификация целей относится к нашим КЛФ?

1) Для себя и другим:

а) обмен НФ книгами и информацией в области фантастики;

б) создание коммерческих (самиздатских) НФ книг, журналов, газет, информационных бюллетеней и их рассылка;

в) изучение НФ книг, изо-, видео-, кино-, театропроизведений для критического анализа;

г) создание «летописей» деятельности КЛФ, биографий фантастов, библиографий.

2) Только для других:

а) перевод с иностранного на русский (национальный) язык НФ книг (рукописей) для ознакомления членов КЛФ страны;

б) создание (и публикация) банальных фантастических «произведений искусства» (музыка, радио, кино, театр, изобразительное искусство и литература);

в) распространение (различными средствами: конференции, фестивали, выставки, лекции, игры и т. п.) известных достижений в фантастике.

3) Для Будущего Человечества:

а) создание принципиально НОВЫХ фантастических произведений искусства, влияющих на жизнь многих поколений людей;

б) исследования в области фантастики для выявления НОВЫХ инструментальных закономерностей;

в) распространение (различными средствами) НОВЫХ достижений в фантастике.

Добавим, что виды целей нужны в комплексе или с преобладанием третьего направления деятельности. Вспомним слова Марка Аврелия: «Наша жизнь такова, какой наши мысли ее делают». Пора переходить из состояния любительства к профессионализму по содержанию деятельности.

Хорошо, знаем — «Куда». Но — «Как?» Вопрос не из легких, хотя...

Чем чаще мы направляем стрелы нашего воображения, желания и воли в будущее, тем большую свободу мы сможем ощутить, преодолевая зависимость от сложных моментов прошлого и настоящего.

Поль Вайнцвайг

...о проблемах Восхождения к Будущему уже сегодня написано немало писателями и философами, но объективно впервые такой материал разрабатывается отечественной наукой ТРТЛ — теорией развития творческой личности (ее авторы — Г. С. Альтшуллер и И. М. Верткин). Красота ТРТЛ заключается в ее инструментальности, практической работоспособности.

Давайте разберемся: «В чем должна, исходя из ТРТЛ, заключаться Сила Творческой Личности Фантаста?» («фэн», «фантаст» — для нас синонимы).

1) Наличие НОВОЙ и общественно полезной Цели.

Обратите внимание на третий экран: «Для Будущего Человечества». Соответствует ли Цель вам лично и вашему КЛФ?

Скорректировать Достоинство Цели достаточно из некоторых ее качеств (здесь приводятся не все):

а) Цель обязательно должна быть **положительной** — направленной на развитие жизни.

б) **Преждевременность Цели.** Цель опережает свое время и потому воспринимается окружающими как еретическая. Восприятие изменится по истечению времени, когда будут

получены результаты. Но желательно, чтобы и результаты некоторое время были «еретичными». «Если цель или полученные результаты не воспринимаются как ересь, это показатель того, что что-то «неладно»; либо выбрана мелкая или не новая цель, либо достигнутые результаты не революционны» (И. Верткин).

2) Планирование и регулярный контроль деятельности. Пример можно взять со знаменитой «системы Любищева». О жизни гениального биолога рассказал Д. Гранин в повести «Эта странная жизнь». Суть «системы Любищева» заключается в умении распределять время на творческую работу и вспомогательную, строить реальные действия на определенный период и максимально расходовать жизненную энергию на выполнение запланированного. Постепенно от строгой системы «учета времени» можно отказаться, т. к. вырабатывается «чувство движения времени» и уже не возникает надуманная проблема «нехватки времени».

3) Высокая работоспособность вытекает из планирования и системы контроля за объемом работы. «Работа — ничто, если в ней нет любви», — писал Калил Хибран. Вот что Бальзак говорил о себе: «Я человек, которому дано задание, я работаю 18 часов из 24, я обязан работать, мое время мне не принадлежит». За девятнадцать лет непрерывной работы великим писателем написано 96 повестей, 5 пьес, 300 с лишним статей и заметок, 30 сказок. «Он ложился спать в восемь часов вечера и в два часа ночи уже всегда сидел за маленьким своим письменным столом... Утром час в ванне, кофе без сахара, до полудня правка корректур, в полдень легкий завтрак без вина и вновь работа до шести часов вечера. Только между семью и восемью часами вечера Бальзак видел живых людей в эти долгие периоды изнурительной работы... В исключительных случаях Бальзак, не отрываясь, оставался за письмен-

ным столом до 25 часов». (Б. Грифцов. Психология писателя.— М., 1988.— С. 141—142).

4) **Высокая техника решения творческих задач, входящих в проблему** — это тактика творчества. Как решать сложнейшие задачи, с которыми сталкивается человек? Перебирать тысячи вариантов? Этот «первобытный» способ уже не эффективен в наши дни. Назову несколько задач фантастов, которые не решить простым перебором вариантов.

а) Писатель (художник)-фантаст должен показать творческую жизнь людей Будущего, их достижения в духовности и искусстве, в науке,— чтобы был освещен путь к развитию,— и одновременно не должен показывать, т. к. это могут не понять люди современности.

б) Должна быть методика создания гениальных (опережающих время) произведений искусства, чтобы эти произведения «переворачивали жизнь». Человечество, давали возможность к НОВЫМ размышлениям, и — не должно быть этой методики, потому что ею овладеют все люди и Творцам (писателям, художникам, композиторам и т. д.) нечем будет заняться.

в) Фантасты должны использовать при создании произведений методы фантазирования, чтобы ускорять процесс творчества, и — не должны использовать их, т. к. это ведет к повторяемости идей, тем, сюжетов.

Скептиков хочу остановить. Поставленные задачи закономерно вытекают из естественного труда фантаста.

Если решать поставленные задачи фантастики парапсихологическими методами, то от неумения управлять своей психикой можно быстро «выйти из строя». Тогда как быть?

Надо исходить из конкретных литературных (изобразительных, музыкальных и т. п.) задач, выявляя сильные приемы решений. Свести приемы в систему. Может, «всплывут» закономерности? Любое исследование начинается со сбора информации и построения гипотезы. Уже сегодня любой человек может приступить к коллекционированию сложных фантастических задач и их решений. А вскрытые закономерности необходимо апробировать при решении новых фантастических задач и создании задач. Выявится метод решений. Подобный ход, в выработке метода создания изобретений, предпринял с 1946 года советский инженер Г. С. Альтшуллер (литературный псевдоним — Г. Альтов), но изобретений технических; так родилась наука ТРИЗ — теория решения изобретательских задач. ТРИЗ — это компас, указывающий на сильный выход почти из любой технической задачи. «ТРИЗ дает значительную экономию

времени — за счет отказа от пустых проб, сильной организации мышления, сконденсированной информации. Но ТРИЗ — не волшебная палочка. Скорее — автомобиль, самолет: гарантирована скорость больше, чем у пешехода, но надо а) уметь ездить — летать и б) надо быть в форме, нельзя терять навыков», — писал родоначальник ТРИЗа. Эта наука опирается на объективные закономерности развития объектов (явлений, ситуаций), которые познаются и используются для сотворения Нового. ТРИЗ развивается и корректирует себя, не возводя свои достижения в догмы.

Итак, если вскрыть закономерности высоколитературных (изобразительных, музыкальных и т. п.) фантастических (задач), приемы решений, — возможно, появится ТРИЗ для литературы? Изобразительного искусства? музыки? театра? кино?

Умение решать творческие задачи — необходимость. Только начинаются разработки ТРИЗа в фантастике (литература и изобразительное искусство).

Некоторые проблемы можно решать и механическим переносом технического ТРИЗа, но это ошибочный путь, т. к. каждая система (техническая, художественная, общественная, педагогическая и др.) развивается по присущим только ей закономерностям, а они индивидуальны, хотя внешне могут быть похожими. Например, в технике известен закон **развертывания** технической системы. Одна из закономерностей его гласит, что **новые технические системы создаются из одинаковых элементов**; простейшие примеры — информационно-вычислительная сеть из ЭВМ; трос, сплетенный из множества волокон; катамаран; двухцветный карандаш. В изобразительном искусстве указанная закономерность тоже есть (новые художественные системы создаются из одинаковых элементов), но содержание ее принципиально отличается, хотя форма идентична; эта закономерность чаще встречается в декоративно-прикладном искусстве (скажем, орнаменты геометрической фантастики).

ТРИЗ напоминает, что творческие задачи всегда содержат **противоречия**, а их нужно выявить и преодолеть. ТРИЗ и ее специализация строятся как точные науки о творчестве, имеющие свою область исследования, свои методы, свой язык, свои инструменты.

5) **Способность отстаивать свои цели, выносить общественное непризнание, «умение держать удар»**. Чтобы не превратиться в обыкновенного любителя фантастики, человеку необходимо «умение держать удар». Не останавливаться на достигнутом — это пока единственное требование,

помогающее остаться в Великом Творчестве, помня о преждевременности поставленной Цели. Примером «умения держать удар» может служить творчество художников Ван Гога и Пирросмани, литераторов Кафки и Мандельштама, многих других творческих личностей. «Если вам суждено стать художником, вы станете им даже в тюрьме», — говорил А. Куинджи. Вот и Г. С. Альтшуллер: для отстаивания своей еретической цели (алгоритмизация творчества) он «на личных началах организовывал семинары по обучению своей теории: приезжал в чужой город за свой счет, проводил бесплатно недельные-двухнедельные занятия. Дважды приходилось распродавать все из дому, включая книги» (И. Верткин).

6) **Результативность**: соответствие достигнутых результатов поставленной цели. Должны возникать малые промежуточные и конечные результаты по цели. Для КЛФ это могут быть уточненные задачи, выход на принципиально НОВЫЕ задачи, фантастические идеи и сюжеты, фабулы, гипотезы, произведения искусства; инструментальные методические пособия и программы, приоткрывающие НОВЫЕ проблемы; наконец, построение теории фантастики — и т. д.

У жизни нет иного смысла кроме того, который человек придает ей сам, раскрывая свои способности.
Эрих Фромм

Исследования в выявлении закономерностей Силы Творческой Личности продолжают, но основа уже заложена.

Воспитание в фантастах комплекса качеств — оперативное искусство.

А как идти к Вершинам Творчества всю жизнь? Конкретные исследования проводятся в ТРТЛ: это построение жизненной стратегии творческой личности — ЖСТЛ. Метод разработки ЖСТЛ — изучение биографий выдающихся писателей, художников, музыкантов, ученых, изобретателей и др. Анализ и выявление сильных ходов, предпринятых творческой личностью. Анализ слабых ходов. Анализ действия внешних и внутренних обстоятельств. Составление на базе этого системной «игры» творческой личности, ее ходов против обстоятельств, приводящих к Победе и к избеганию ошибок.

ЖСТЛ для фантаста — это умение развивать Достойную Цель в течение всей жизни, даже и... после физической смерти. ЖСТЛ не позволяет духовно умереть творческой личности — в то же самое время, когда многие любители фантастики хандрят, дожидаясь оживления, неизбежно царящего на фестивалях и конференциях фантастов.

Мгновение, протяженностью В три дня

С позиций ТРТЛ творческая личность — а тем более, если это фантаст (фэн) — преследуемый еретик. Творческая личность — «не Папа Римский, а Христос»... Чем отличается жизнь Христа от жизни Папы Римского? Не только новизной Достойной Цели, но и степенью доброты Цели. Христос стоит в начале пути, а Папа Римский — в конце его, когда творчества уже нет, есть лишь консерватизм и преследование Нового.

Каждый хоть немного уважающий себя фантаст (фэн) должен разобраться в качестве своей Цели, в качестве стиля жизни. «Помните же все идущие по неизведанным дорогам Звездного Мира: Земля никогда не оставит того, кто совершил подвиг во имя людей», — писал Г. Альтов в рассказе «Огненный цвет». «Утверждая, что ты чего-то там не можешь, ты лишаешь себя Всемогущества», — дополняет Ричард Бах.

Для поиска (пересмотра) клубной — а возможно, и личной — Достойной Цели загляните для начала в следующие книги, прочтите их внимательно, изучите:

1) Альтшуллер Г. С., Верткин И. М. Рабочая книга по теории развития творческой личности. Часть I. — Кишинев: МНТЦ «Прогресс», «Карта Молдовеняскэ», 1990.

2) Альтшуллер Г. С., Верткин И. М. Как стать еретиком // Парус. — 1989, № 1, с. 6—11.

3) Вайнцвайг П. Десять заповедей творческой личности. — М., 1990.

4) Верткин И. М. Борьба и искание: о качествах творческой личности // В кн.: Нить в лабиринте / Сост. А. Б. Селюцкий. — Петрозаводск, 1988, с. 7—94.

5) Злотин Б. Л., Зусман А. В. День пятый; День одиннадцатый // В их кн.: Месяц под звездами фантазии. — Кишинев, 1988, с. 36—41, 87—91.

Эвтопических успехов вам!!!

Признаться, я долго, целое десятилетие, не решался, по этическим соображениям, доверить свои воспоминания листу бумаги и тем самым предать их гласности. У любой акции, особенно такой представительной, как «Аэлиты», есть свои, так сказать, парадная и закулисная стороны, и не всегда корректно смешивать эти понятия. Преодолела мое внутреннее сопротивление мысль о том, что когда-нибудь, убежден, будет воссоздана история фэновского движения, «Аэлиты» в частности, и «закулисные» заметки очевидца о вручении первой в нашей стране НФ-премии, о ее первых лауреатах, возможно, пригодятся, да и сегодняшнему читателю, надеюсь, небезынтересны. Горькая весть о кончине Аркадия Стругацкого с новой силой вернула память к тем далеким дням...

Идея «Аэлиты» как праздника отечественной фантастики пробивала себе дорогу долго и мучительно. Не забудем, события происходили в конце семидесятых годов, в пик застоя. В партийных кругах, а именно они располагали решающим голосом, фантастику расценивали как потенциальную угрозу коммунистической идеологии, в литературных — как продукцию второго сорта. В Москве идею пробивал энергичный Сергей Абрамов, нынешний главный редактор еженедельника «Семья», я — в Свердловске. Наконец, все определилось: и статус «Аэлиты», и ее первые лауреаты: Александр Казанцев, братья Аркадий и Борис Стругацкие.

Гости (Бориса удержало нездоровье) приехали в Свердловск поздно вечером. На другой день я отправился в гостиницу нанести визит вежливости (заодно покормить обедом). С обоими лауреатами до этого я лично не был знаком, хотя, естественно, знал, что их отношения трудно назвать дружескими, и следовательно, мне предстояла нелегкая роль наведения мостов. Беседа

с Александром Петровичем носила преимущественно светский характер. Когда речь зашла о ресторане, он тактично дал понять, что обед дает он как лауреат «Аэлиты». Вынув бумажник, Казанцев отсчитал купюры. Грешен, я тихонько порадовался про себя. «Аэлиту» никто не финансировал, и каждый рубль был на счету.

Поднявшись этажом выше, в номер Стругацкого, я начал разговор с предложения Казанцева. Аркадий Натанович быстро отреагировал:

— А когда я смогу дать обед? Ведь мы с Борисом, кажется, тоже лауреаты?

Программу пребывания гостей я знал наизусть, как таблицу умножения, и с сожалением ответил, что, увы, такой возможности больше не представится. Аркадий Натанович нахмурился:

— Так дело не пойдет! Вы ставите меня в крайне нелепую ситуацию: Казанцев кормит меня обедом, а я его нет!

Логика в этом была, но программа есть программа, к тому же согласованная с обкомом партии! Стругацкий же и нашел выход:

— Значит, так. Прошу вас передать Александру Петровичу, что сегодняшний обед дают лауреаты, подчеркиваю, не лауреат, а лауреаты. Сколько с меня причитается?

Делать нечего — сами заварили кашу с «Аэлитой», самим ее и расхлебывать — поплелся я к Казанцеву. Не скажу, что известие его порадовало, но справедливость доводов солауреата он признал, сказав при этом:

— Только я очень прошу вас быть хозяином стола и первым прозности тост.

И, помолчав, тихо добавил:

— Вы же знаете экспансивность природы Аркадия Натановича.

Этого я тогда еще не знал, но предложение посчитал разумным и, тихо ненавидя предстоящий обед, отправился заказывать столик. Уже одно то, что два писателя, два москвича не изъявили ни малейшего желания самим, хотя бы по телефону,

«утрасти оргвопросы», а предпочли общаться исключительно через посредника, не вселяло оптимизма. А вечером предстоял праздник, ради которого редакция, местные «фэны» потратили столько сил и времени. Неужели все это, зло думал я, коту под хвост? Не для того же, в конце концов, чтобы полюбоваться борьбой самолюбий двух мэтров, собрались любители фантастики!

В назначенный час я решительно занял председательское место в торце стола, лихорадочно додумывая первый и столь важный тост, когда малейшая ошибка в расстановке акцентов грозила обернуться конфликтом. Тонкость состояла еще и в том, что инициаторы «Аэлиты» сознательно пошли на то, чтобы не ранжировать лауреатов, не распределять их на первые и вторые номера, а наградить на основе паритета.

Не успел я привстать со стула, чтобы произнести вымученную речь, как из-за стола рывком поднялся Стругацкий с рюмкой коньяка в руке.

— Вы позволите? — он обратился ко мне не столько просительно, сколько неколебимо утверждающе.

Секундное замешательство... Во взоре Александра Петровича яственно читалась укоризна: «Ну что? Я же предупреждал вас...» А что прикажете делать мне? Стругацкий громадой возвышался над столом. Я молча кивнул — будь что будет! За столом воцарилась наэлектризованная тишина.

— Я был тогда пацаном, — начал Аркадий Натанович звучным красивым голосом, — но до сих пор хорошо помню, с каким нетерпением ждал заключительного звонка, а нердно и убегал с последнего урока. Дело в том, что к обеду нам домой приносили почту, в ней «Пионерская правда», в которой печатался роман Казанцева «Пылающий остров». С продолжением, понимаете? И меня снедало нетерпение: что же дальше произойдет с героями?

Память у Стругацкого оказалась великолепной. Он приводил малейшие детали публикации, а когда затруднялся, то вопрошающе смотрел на Казанцева, и тот подсказывал ему тихим голосом. Я видел, как тают настороженность и холодок в глазах Александра Петровича, как над столом гаснут, разряжаясь, электрические заряды. С этой минуты я проникся к Стругацкому глубоким дружеским чувством. Тогда же мы перешли на «ты», и если в последующих строках я буду обходиться без отчества, то это не фамильярность дурного тона, а дружеская норма общения, которая установилась между мной и Аркадием с этого самого памятного обеда до последних дней его жизни.

В заключение своего не столь

уж краткого тоста Стругацкий предложил выпить за патриарха советской фантастики, и все сидящие за столом с удовольствием отведали коньячка. Естественно, что следующим взял слово Александр Петрович. Ответная речь не была простой любезностью в духе кавказского застолья. Видно было, что старейшина писательского цеха фантастов пристально следит за творчеством братьев Стругацких, и нашел точные, глубокие оценки. Он приветствовал новую волну советской фантастики, которую прежде всего и главным образом связывал с именем Стругацких. В довершение всего оказалось, что сын Казанцева, бравый морской офицер — давний поклонник Стругацкого, мечтает о книге с автографом, каковую немедленно и получил.

Словом, когда мы отправились в уютный зал Дворца культуры автомобилистов, я был твердо уверен, что торжественный вечер обречен на полный успех. Так оно и было — смело беру в свидетели всех, кому посчастливилось быть на торжествах в «Автомобилисте». Фамилия Казанцева прозвучала первой (в порядке алфавита), а призы вручали практически одновременно, в разных концах сцены, Абрамов — Казанцеву, я — Стругацкому. Лауреатов окружили теле-, кино- и фоторепортеры, выискивая различные ракурсы. Наконец, уставшие лауреаты уселись рядышком, бок о бок, с «Аэлитами» в руках. (Пользуясь случаем, хочу письменно зафиксировать: автор эскиза приза — ныне покойный писатель Юрий Яровой, а воплотили в металл и камень камнерез Виктор Саргин и художник Михаил Надеенко.)

Оба лауреата были в ударе, охотно отвечали на бесчисленные вопросы, щедро раздавали автографы. Программа, распisanная по минутам, пошла под откос, но, слава богу, о ней никто и не вспомнил.

Накануне отъезда прощальный ужин дал уже «Следопыты». Александр Петрович ушел рано — возраст есть возраст, а Аркадий сидел до последней минуты. И видно было по всему, что сиделось ему хорошо. Где-то впереди его ждало почти безоговорочное признание, солидная материальная обеспеченность, а тогда — придирки цензуры, отказ в заграничной визе, нападки в печати. В редакции он оттаял душой, грелся теплом всеобщей симпатии.

Впрочем, был момент — мы и не заметили начальной искры — когда возник яростный спор. Со стороны это выглядело несколько даже комично. В небольшой комнатке возвышались друг против друга Аркадий Стругацкий и Владислав Крапивин. Оба крупные, стояли, побычи наклонив головы. Быстро вы-

яснилось, что, собственно, предмета стычки и не было, скорее, все объяснялось поговоркой: «Сошлись два медведя в одной берлоге». Недоразумение закончилось брудершафтом, и зазвучала песня. Смею полагать, что «следопыты» знают толк в песнях, но и мы были удивлены, сколь оригинальным оказался репертуар Аркадия. Звучным баритоном, заполняя всю комнату, он пел старые солдатские песни. Грустные, озорные, бравурные...

Ранним утром мы стояли в аэропорту небольшой кучкой и вяло перебрисывались ничего не значащими фразами — спать пришлось всего два часа, к тому же не успели позавтракать. Вдруг через толпу провожающих пробилась группа женщин. Наши, «следопытки»! Оказывается, они вообще не спали, готовили завтрак к отъезду гостей. В руках у них термосы с кофе, бутерброды, бутылка коньяка и... крашенные яйца — «Аэлита» совпала с пасхой. Усталость как рукой сняло — мы даже пожалели, что слишком рано, по нашему общему мнению, объявили посадку. Казанцев, свойственно его характеру, попрощался очень дружественно, но корректно. Аркадий и тут проявил «экспансивность своей натуры». С каждым расцеловался, а с женщинами, растроганный, трижды (в дальнейшем не припомню случая, чтобы он в конце телефонного разговора обошелся без просьбы передать глубокий поклон «милым славным следопыткам и моему другу Славе Крапивину»).

...Идиллия на то и идиллия, что ее существование фантастически коротечно и она умирает, едва успев народиться. Не прошло и месяца, как позвонил Аркадий. Он сосался на какие-то упорно ходящие по Москве слухи, что Казанцев якобы утверждает, будто он является первым лауреатом «Аэлиты», а братья Стругацкие идут под номером вторым. Вскоре такой же звонок, только с обратной расстановкой акцентов, последовал от Казанцева. Оба просили сделать гравировку (чего редакция в спешке не успела) и на пластинке проставить порядковый номер. Мы накоротке посовещались, будучи, честно говоря, готовыми к такому повороту событий, и я сообщил обрм твердое решение редакции: промашку исправим, но на каждой пластине будут четко (через дефиску) проставлены одни и те же цифры: «1-2». А уж они там, в Москве, пусть разбираются, кто из них первый, кто второй. Оба лауреата больше не настаивали на своем предложении.

Но не хочется заканчивать заметки на грустной ноте. А ведь был, состоялся же он, первый в нашей стране праздник фантастики! Это

сейчас, и слава богу, проходят все-различные фестивали, слеты, а тогда Свердловск впервые собрал под своей крышей представителей много-тысячного племени фэнов.

И героями этого праздника, его душой, были лауреаты. Они проявили лучшие свои человеческие качества, сумев встать выше — над! — суетной московской молвой и мелкими страстями. Произошла на радость почитателям НФ стыковка поколений, двух крупных писателей, каждый из которых, в меру таланта, вписал свое имя в историю советской фантастики. Воспроизводимый журналом снимок документально свидетельствует: лауреаты не позируют, сидя рядом да ладком, им уютно вместе, они улыбаются.

Три дня — мгновение в человеческой жизни. Но если они предельно насыщены высокими чувствами и мыслями, то западают в память на всю жизнь.

На снимке: первые лауреаты «Аэлиты» Аркадий Стругацкий и Александр Казанцев.

Строки из писем

С огромным удовольствием и неподдельным интересом я прочитал опубликованную в вашем журнале недостающую главу романа Конан Дойла «Маракотова бездна». Конечно, я сейчас же достал «Всемирный следопыт» за 1928 год и еще раз просмотрел этот роман. Да, что и говорить, опубликованная в журнале глава действительно необходима не только для установления «исторической справедливости», но она придает роману совершенно неподражаемый смысловой оттенок, восстанавливая замысел автора. Не могу не отметить и очень удачный перевод разговорной речи Скэнлэна, чего не было в предыдущих изданиях романа, где его сочный язык был основательно приглажен. Он доставил мне немало веселых минут, и очень захотелось, чтобы при очередном переиздании «Маракотовой бездны» была вставлена пропущенная в свое время глава и откорректирована речь героев.

Спасибо редакции за этот подарок!

Г. Самойлов,
Рыбинск Ярославской обл.

Не скроем: в нашей почте есть и иные, прямо противоположные отзывы об опубликованном нами (1990, № 10) переводе повести А. Конан Дойла «Владыка Темной Стороны». Оно и понятно, ведь проблемы художественного перевода никогда не решались однозначно: так — можно, а так — нельзя... Попытка А. А. Щербакова передать языковое своеобразие английского текста показалась нам, бесспорно, интересной. Интересной вдвойне — на фоне все нарастающего потока торопливых, невыразительных, бесцветных переводов западной фантастики.

Сторонников же нейтральной манеры перевода отсылаем к журналу «Наука и религия», напечатанному в прошлом году эту же повесть в другом переводе.

СОЛЬВЕИГ И МЫ ВСЕ

*Историческая
повесть*

Теперь я спрашиваю себя: уж не Всеотец ли послал мне Тóргрима, испытывая, хорошим ли станет вождем Эйрик сын Эгиля сына Хаки из Хьялтланда... Могучий Один, отец богов и людей, вечно стар. У него длинная борода и всего один глаз. Людям кажется, будто второй глаз он отдал вещим нórнам, с тем, чтобы они позволили ему напиться из источника мудрости, kloчущего под корнями Мирового Древа.

Был ли то просто залог, как думают люди? Или столь горек на вкус оказался дарующий мудрость напиток, что даже славнейший из Асов не смог его вынести и сам в муке вырвал собственный глаз?

1

В тот год мы зимовали в Раумсдале, у одного крепкого бóнда по имени Гуннар. Мы — это Хёгни ярл и все викинги, ходившие на трех его кораблях. И я, его воспитанник.

Много славных обычаев завещали нам предки. Но самый славный — тот, что велит родовитым людям отдавать детей на воспитание менее знатным. Все в нем: и великая честь, и доверие младшему товарищу по прежним походам. И добрая наука для мальчишки, которого называют сыном вождя.

Вот и я рос не дома — в Хьялтланде, на Островах, — а у старого Хёгни. А Хёгни ярл часто бросал якоря во владениях Гуннара, когда приближалась зима и с нею пора вытаскивать корабли. Гуннар был всегда рад нас принять. Мы ведь приходили к нему не с пустыми руками. Хёгни каждое лето водил нас в походы и когда торговал, когда грабил. У него нигде не было земли и своего дома. Но зато на Гуннаровом дворе его слушались, как самого хозяина. Мудрено ли — морской ярл! Хёгни даже поселил у него единственного человека, который звал его родичем и которого старый ярл берет еще больше, чем свои боевые корабли. У Гуннара жила его внучка, юная Асгерд. Мы с ней выросли вместе. Мы очень дружили, и называли нас женихом и невестой. Я с детства знал, что попрошу ее у старого Хёгни себе в жены, когда подрасту.

И вот теперь я был взрослым, я видел уже шестнадцать зим, и, наверно, все случилось бы так, как мы тогда оба хотели.

Если бы не пришел Торgrim...

День, когда все началось, выдался непогожим. Морской великан Эгир, повелитель подводной страны, с самого утра заварил в своем котле неистовый ветер. Тяжелые зимние волны, как водится, пробудились не сразу. Но к вечеру даже во дворе сделалось слышно, как за сторожевыми скалами фьорда ревел и бесновался прибой. Морской великан пробовал раскатать гранитные берега, но нет, этот корабль был слишком остойчив. Тогда Эгир нагромоздил в небесах черные лучи, и снежная буря обрушилась на фьорд.

Мокрые хлопья летели сплошной пеленой. Они слепили сощуренные глаза, липли к одежде и впивались в лицо, точно железные иглы. В такую погоду разумные люди предпочитают сидеть дома. За толстыми земляными стенами, у светло горящего очага. И рассказывать о чем-нибудь, заняв руки работой. И радоваться, что не пришлось угодить в эту бурю за три дня пути от ближайшего жилого двора...

Другое дело, никто из нас, молодых, нипочем не захотел бы в этом сознаться.

Когда стало темнеть, всех принял новый длинный дом, где Гуннар хозяин устраивал домашний тинг и пиры. Стены дома изнутри были бревенчатыми, а снаружи — из земли и камней. Крышу, подпертую прочными столбами, выстилал дёрн. Оттого летом длинный дом походил на громадный валун, скатившийся с ближних гор и обросший зеленым мхом и травой. А зимой, заметенный по крышу и окруженный сугробами — на сугроб. И во всякое время года он походил на корабль.

Просторный дом гостеприимно вместил всех, даже рабов. Рабы устроились по углам, возле входной двери. Разложили для починки старую сеть и тихо разговаривали между собой, стараясь не мешать.

Я хорошо помню, что Хёгни ярл сидел на почетном сидении, между резными родовыми столбами. На это место в любом доме сажает самого знатного, будь то хозяин или его гость. А я принес с собой медвежьих сухожилий и плёл для лука новую тетиву, забравшись с ногами на широкую лавку. Скоро уже рабыни приготовят вечернюю еду и внесут в дом столы.

Вот так мы сидели все вместе по праву свободных людей, и Кари сын Льота рассказывал о своей молодости и о разных приключениях, которые с ним бывали. Обо всём этом мы слышали прежде не один раз и не два. Но Кари умел говорить занятно, и его рассказы не надоедали.

Кари недавно встретил свою сороковую зиму. Но женщины по-прежнему считали его красивее иных молодых. Кари был вправду хорош собой и любил дорогие одежды. Но не за красоту выделял его Хёгни ярл, а за бесстрашие и умение сражаться. Он ходил кормщиком на его корабле и, как говорили, знал толк в кораблях. А мы называли его — Хольмганг-Кари, то есть Поединщик. Это за то, что он в молодости нередко пугал людей, притворяясь берсерком.

Берсерк!.. Слово, как хриплый боевой клич... Одетый в медвежью шкуру — вот что оно означает. Берсерк — это неистовый воин, в котором скрытно живёт дух предка-медведя. В сражении или просто в мгновение гнева этот дух может проснуться. Тогда берсерк теряет речь и только страшно рычит. Он истекает пеной и кусает свой щит. Он не чувствует боли от ран. И когда доходит до схватки, такой воин стоит сотни обычных, потому что, по сути,

он уже не человек, а волшебный медведь. Бывает, такими рождаются, бывает, становятся, и не всегда по собственной воле. Всякий вождь, за которым следуют один-два берсерка, считает, что удача его велика. Однако берсерки неуживчивы и часто скитаются сами по себе, вызывая людей на поединки и отнимая жён и добро. За это их многие боятся и мало кто любит.

Наш Кари в своё время путешествовал таким образом по всему Вику, от Хисинга до Скирингсала, и никто не смел поспорить с ним лицом к лицу, хотя он лишь притворялся.

Вот каков был наш Поединщик, и вот о каком былом он весело рассказывал, когда со двора вдруг послышался остревенелый лай собак. В подобную ночь собаки не станут выскакивать по пустыкам. Помнится, Кари замолк на полуслове. А я сразу подумал о медведе, которого чья-то неосторожность подняла из берлоги и погнала, тощего, страшного, в сваявшихся космах, к человеческому жилью на разбой. А может, сам белый Хозяин Льдов приплыл к берегу на подхваченном ветром обломке? Такое бывало.

Псы, казалось, хотели и не отваживались напасть. И что-то чужое упрямо шло к нашему порогу сквозь это рычание, задыхающееся от ненависти и страха кольцо...

Наверное, не я один подумал тогда о медведе. Все повернулись к двери, и многие потянулись к оружию, висевшему на стенах. А рабы положили сеть и подняли засов.

Сырой вихрь ворвался в дом. Пламя очага взвилось и яростно зашипело. Во дворе было темно. Несколько человек подхватили копья и вышли наружу с горящими головнями в руках. Было слышно, как они закричали на собак. А потом вернулись в дом, ведя с собой человека.

Он был высокого роста, худой и широкоплечий. Он держал в руках свои лыжи. Громадный пёс прижимался к его коленям, показывая клыки не намного короче боевых ножей. От этих-то клыков с воем отскакивали наши сторожа. Однако хозяин пса вовсе не походил на охотника, заплутавшего в погоне за зверем. Нет. Он хорошо знал, куда шёл и зачем. И он добрался, куда ему хотелось. А на боку у него в чехле висела секира.

Такие странники появляются из темноты и вновь исчезают куда-то, но память о них задерживается надолго...

Он стоял возле двери и молча смотрел на нас, сидевших по лавкам. А мы смотрели на него. И тут оказалось, что мою Асгерд его приход околдовал меньше всех. Я и не заметил, когда это она сорвалась со своего места рядом со мной. Живо сбежала на другой конец дома, где готовилось угощение. И вернулась с большой чашкой горячего отвара.

Незнакомец был мокрый, хоть выжми, и одежда на нём вся заледенела. Он рукой ободрал лёд с бороды, стащил меховую шапку. Он был темноволосый, с неровными седыми прядями на макушке. Слово, кто взял белой краски и мазнул его по голове. Впрочем, он был моложе, чем выглядел. Я это понял по глазам.

Он взял у Асгерд горячую чашку и долго держал её в руках, отогревая ладони. Руки были большие и красные. Он плеснул в огонь, жертвуя духу приотившего его очага. И тихо сказал:

— Покорми и Серого, красавица, если ты так добра.

Я был среди тех, кто сразу подошёл рассмотреть незнакомца поближе. Я сделал это ещё и потому, что боялся, как бы улётшийся волкодав не набросился на мою бесстрашную Асгерд. Но, видно, пёс был измучен не меньше хозяина. Она поманила его, и Серый покорно

поплёлся, оставя на полу цепочку мокрых следов. Я взял у пришельца меховую куртку и повесил на деревянный гвоздь в стене. Потом я повёл его к хозяйскому месту. Пусть Гуннар бонд и старый ярл примут его, как надлежит.

— Будь гостем,— сказал ему мой воспитатель.— Это дом Гуннара бонда сына Сиггейра, а я зовусь Хёгни сын Хедины, морским ярлом. А ты кто?

Человек посмотрел ему в глаза и ответил:

— Люди зовут меня Торгримом.

Я ждал — и все ждали — чтобы он назвал имя своего отца. И землю, где был рождён. Тогда мы знали бы, кто это такой пожаловал и чего от него ждать. Но Торгрим молчал. И я уже видел, что его молчание пришлось не по нраву старому ярлу. Я хорошо знал своего воспитателя. Торгриму не видать от него ни доверия, ни любви.

Но мне, привыкшему к мудрости старого Хёгни, впервые не захотелось с ним соглашаться... Торгрим чем-то понравился мне. Быть может, тем, что назвал красивой мою Асгерд. Я любил её. Но другие люди смотрели на неё обычными глазами. И видели просто круглолицую девочку со смешными конопушками на носу...

Я повёл Торгрима с собой, чтобы дать ему сухую одежду. Я был вдвое моложе него, но тоже не из маленьких. И пока мы шли, он вдруг сказал мне:

— Так, значит, вот каков сын Эгиля конунга сына Хаки, которого, как я слышал, недавно внесли в могильный курган.

Я удивился таким словам и ответил:

— Ты не ошибся, пришелец, не пойму только, откуда тебе меня знать. Ты же меня ни разу не видел.

У Торгрима глаза сидели глубоко под бровями, и от того казалось, будто он всё время угрюмо смотрел исподлобья.

— Я видел твоего отца, и этого достаточно. Ты похож на конунга. У тебя то же лицо.

И эти речи озадачили меня ещё больше, потому что до тех пор меня чаще называли похожим на мать. Я любил свою мать. Я всегда привозил ей подарки, когда мы заходили на Острова. Однако для воина больше чести продолжить собою отца. И я был благодарен Торгриму за то, что он первым подметил моё сходство с отцом и сказал о нём вслух.

А когда он примерял мою рубашку, ему случилось оступиться впотьмах, и я увидел шрамы у него на спине.

Очень давнишние, они тянулись вдоль хребта, как две толстые белые змеи... И как две змеи, шевелились при каждом движении. Я поднял было руку... и не посмел притронуться к ним. Что могло оставить такие следы? У меня мелькнула была догадка, но я её сразу отбросил. Нет. Не уходит живым тот, кому запустил когти в спину «кровавый орёл»...

Я спросил его:

— Что это такое у тебя на спине?

Он замер с моей рубашкой в руках. Словно почувствовал внезапный удар и пытался понять, не смертельную ли рану ему нанесли. Потом медленно повернулся. И проговорил неожиданно спокойно:

— Вот теперь я узнаю, умеет ли молчать сын конунга Островов.

Тут я подумал, что за всем этим, быть может, стояло какое-то бесчестие. Ведь рубцы на спине — совсем не то, чем хвастается воин. Но я ничего не сказал. И не то, чтобы я побоялся сцепиться с ним в тесной каморке, куда мы забрались. Просто мне не хотелось зря его обижать.

За едой Торгрим коснулся моего локтя своим. И спросил:

— Кто это там сидит, такой рослый, с крашеными ресницами?

— Это Хольмганг-Кари сын Льота из Вестфольда,— сказал я ему.— И людям кажется, что малу проку сосориться с ним, потому что он почти берсерк и умеет за себя постоять.

— Вот как?..— усмехнулся Торгрим. И я было встревожился, ожидая каких-то язвительных слов, назначенных рассердить нашего Кари. Так иной раз поступали пришлые задиры, которым вечно не терпится испытывать себя и других. Но Торгрим ничего не добавил, и тогда я сказал:

— А та, что покормила твоего Серого, это Асгерд дочь Хальвдана сына Хёгни, нашего ярла. И я посвятаюсь к ней, когда займу место отца.

Немало мужества надо для спора с бурями вроде той, что заметала снегом наш фиорд. И чем бы ни кончился такой спор, редко он проходит для спорившего бесследно.

Торгрим не показывал вида, но я-то подметил, как он замерз. Он пил пиво и ел горячую рыбу, но согреться так и не смог. Ночью я слышал, как он ворочался, а потом начал кашлять. Он уснул только под утро, когда пришел Серый и свернулся у него в ногах.

Я слышал всё это, потому что он лежал на лавке рядом со мной, под одеялом, которое я ему подарил. Если бы не нашлось лишнего, я отдал бы ему своё. Гость ни в чём не должен узнать недостатка. Гость живёт в доме, сколько пожелает, и уходит, когда ему захочется. И даже если этот гость — твой кровный враг, и ты это знаешь. Торгрим мог не приглянуться старому Хёгни, но даже и он, мой приёмный отец, никогда не отважился бы прогнать его за порог!

Утром Торгрим поднялся с трудом... Он очень не хотел признаваться, что заболел, но когда он выбрался из-под одеяла, его затрясло. Я сказал ему:

— Ты простудился.

Он посмотрел на меня и неохотно кивнул. Начиная жар заставлял его судорожно, толчками вбирать в себя воздух. Я хотел принести мёда или сушёной малины, но он вдруг спросил:

— Куда ты положил мои лыжи?

Вот, значит, как он решил избавляться от хвори. Встать на лыжи и гнать себя безо всякой пощады, пока не прохватит обильный исцеляющий пот... Не каждому это под силу, тут нужен крепкий дух и закалённое тело. Я подумал, что Торгрим был уже слишком болен для лыжного бега. Но я промолчал, он ведь вовсе не походил на человека, который нуждается в советах юнца. Я принёс ему лыжи и сказал:

— Я пошёл бы с тобой.

Старый Хёгни навряд ли похвалит меня, отпусти я его одного.

Снаружи было тихо... Над горами и морем неподвижно стояло серое небо. Лишь в одном месте в облаках желтела промолка, и оттуда тускло светило солнце, негреющее, медного цвета. Оно даже не отбрасывало теней.

За ночь похолодало, и мокрый снег превратился в наст, твёрдый, прочный, как боевой щит... Наст легко выдерживал человека, но кабанов и лосей ждали тяжкие времена. Обутые копытами ноги станут проламывать ледяную кору, и кровь окрасит следы, привлекая хищного зверя. И будут задыхаться и биться подо льдом глухари, закопавшиеся в снег накануне. И только волки, переключаясь, погонят охваченную ужасом добычу...

Мы привязали лыжи к ногам и двинулись со двора. Я видел, каким усилием дались Торгриму первые сотни

шагов. Болезнь ломала его, он то и дело вытирал слезившиеся глаза. По-моему, раз или два он даже приостанавливался в раздумьи: а не повернуть ли назад, в приветливый дом, к пылающему очагу и пушистому одеялу... Но нет. Он только заставлял себя идти всё быстрее. Он был очень горд и упрям, я уже успел это понять. Я держался у него за плечо. Пусть ему кажется, что я вот-вот его обгону. Некоторое время спустя мы неслись уже во весь дух, и Серый попевал за нами, вывалив из пасти язык.

Наверное, Торgrim всё же хорошо знал, что делал. Его движения постепенно делались легче и слаженней, только лыжи со свистом неслись по гладкому насту. Поймать его здорового наверняка было непросто, даже теперь я не без труда шёл с ним наравне. Я смотрел ему в спину и думал о том, как извивались на этой спине белые змеи. Мне было жалко, что он не захотел рассказать.

Потом мы прошли лес и выбрались к морю.

Оно было пустынным до самого горизонта и чёрным, как воронённый металл. Только там и сям виднелись не то белые гребни, не то обломки льдин. Прибой всё ещё грохотал далеко внизу, у подножия береговых скал. Тяжёлые волны медленно рушились на камни, намораживая белые бороды на гранитные подбородки утёсов... Здесь Торgrim остановился и вытер лицо снегом.

— А ты совсем неплохо бегаешь, конунгов сын, — сказал он мне. — Теперь домой!

Почему-то он большей частью называл меня не по имени, а вот так — конунгов сын. Или как тогда в каморке: сын Эгиля. И мне это нравилось. Старый Хёгни предпочитал называть меня мальчишкой. А иногда ещё сопливым. И хотя всё это было одинаково справедливо, именоваться сыном конунга было приятней...

Дома я увидел, что Асгерд всё-таки заварила малину. И заботливо держала питьё на углях, чтобы не остыло. Я с досадой подумал, что Торgrim, пожалуй, откажется. Ладно, впрёд наука, не лезь к старшему со своими хлопотами, куда не просят. Но вышло иначе. Торgrim с удовольствием выпил, и я впервые увидел на его лице нечто вроде улыбки:

— Спасибо, красавица.

И она покраснела, моя Асгерд дочь Хальвдана сына Хёгни. А Торgrim сразу пошел на своё спальное место. И прежде чем снять с себя рубашку, уселся лопатками к стене. Глаза наши встретились, и Торgrim кивнул. Он мне доверял и говорил об этом глазами, и я был горд, что он мне доверял.

Он закутался в одеяло и немедленно заснул, и тогда-то мы с Асгерд подобралась к нему поближе. Когда ещё рассмотрим человека так пристально и без помехи. Мы сидели тихо, чтобы не побеспокоить его. Наконец Асгерд шепнула:

— А он красивый, правда ведь?

Я удивился. Я назвал бы Торгрима мужественным. Пожалуй. И сильным. Но красивым? Темноволосого, с тёмными глазами?.. Однако потом, когда я поразмыслил, мне показалось, будто моя Асгерд не так уж сильно ошиблась.

Другое дело, это была угрюмая красота боевого корабля, летящего в штормовом море навстречу врагу...

Тут Торgrim шевельнулся во сне. Скрипнул зубами. И что-то хрипло пробормотал, но что именно, я не понял.

— Что он сказал? — на ухо спросил я у Асгерд. Она подумала и ответила:

— Он кого-то позвал... Это было женское имя.

— Какое?

Но Асгерд расслышала не намного больше, чем я. — Не терлась бы ты тут, — сказал я ей. — Смотри, подхватишь болезнь.

— Моя Асгерд склонила голову набок и посмотрела на меня озорно.

— Ты бойшься, Эйрик сын Эгиля, как бы я не полюбила его вместо тебя!..

И убежала со смехом, довольная, что удалось меня подразнить.

2

Если хочешь весной выйти в море, зимой думай о корабле. А ведь мне предстояло плавание из Раумсдала в Хьялланд, на Острова, и это будет не просто поход. Когда я приеду домой, люди моего отца ударят мечами в щиты и назовут меня конунгом вместо него. Если пожелают, конечно.

— Жаль, поторопились мы продать тот корабль, что взяли нынешним летом возле Сольской! — сокрушался старый Хёгни ярл. — Следовало бы тебе явиться домой на собственном корабле, и притом добытом в бою!

Я слушал его и думал, что мой воспитатель, как обычно, был прав. Летом нам действительно достался знатный корабль. Не намного хуже тех, на которых ходил сам ярл. Впрочем, сделанного не воротить, что толку жалеть. Но когда Хёгни заговорил об этом во второй или в третий раз, Торgrim неожиданно подал голос, хотя его никто не спрашивал. И вот что он сказал:

— Не меньше славы выстроить хороший корабль, чем отнять его у врага.

Хёгни покосился на него, и я знал, что старику понравились эти слова. И не понравилось, что именно от Торгрима довелось их услышать. Но пока он раздумывал, как поступить, подошёл Хольмганг-Кари.

— Мне случалось строить корабли! — заявил наш Поединщик. — И не я оплошаю, если мне дадут десяток людей в помощь и точило для топора!

Хёгни ничего тогда не ответил, ибо не любил поспешных решений. И людей, склонных такие решения принимать. Но мы часто зимовали в здешнем фиорде. И каждый раз чинили корабли, так что у Гуннара скопилось в сараях немало доброго дуба, ясеня и сосны. Целых бревен и уже расколотых на доски. Хватит с избытком для починки старых лодий и для строительства новой. Может быть, Гуннар даже ждал, что когда-нибудь мы соберёмся строить корабль.

А что касается Кари — все знали, что иногда он любил-таки прихвастнуть, но никогда не говорил о себе неправды. И если он обещал, это значило, что весной мы поднимем четыре паруса вместо трёх.

Когда Хёгни велел поставить стены и накрыть крышей новый науст — корабельный сарай, я сказал:

— Готово жилище

для дерева моря.

Равнина тюленей

путника примет...

Торgrim, подававший мне охпку корья для крыши, внимательно посмотрел на меня:

— Стало быть, ты к тому же и скальд, конунгов сын.

Я ответил:

— Это верно, но я пока редко складываю хорошие песни.

Торgrim лишь кивнул и ничего не добавил. Но мне показалось, что он, и без того нелюдимый, помрачнел ещё больше. Так, словно моя короткая выса растрвила в нём медленно тлевшую боль. Меня очень тянуло сказать ему ещё другие свои песни и послушать, что он о них думал, я почему-то сразу решил, что он должен был понимать в них толк. Но что-то остановило меня, и я промолчал.

Корабль!

Есть ли что краше боевого корабля, летящего под

полосатым парусом по вздыбленным непогодой волнам! Сорок молодых гребцов одновременно кладут руки на его вёсла. И ещё столько ждут своей очереди, готовые сменить уставших. Щерится на носу злобная клыкастая пасть, и прочь бегут все недобрые духи, освобождая дорогу... И даже морская великанша Ран сворачивает свою сеть, в которой после бурь остаются утонувшие в бездне... Если она отыщет поживу, это случится не здесь.

Двадцать с лишним шагов можно будет пройти по палубе моего корабля от форштевня до рулевого вёсла. И только пять — от борта до борта. Стремительный, он будет похож на иглу в руках женщины, вышивающей цветными нитками по темному полотнищу моря. Воистину так шьёт норна, вещая богиня судьбы. А нити — это жизни людей, которые её старшая сестра выпряла на своей прялке. И будущее служило ей куделью, пока она прядла.

Норны обрезают цветные нити острыми ножницами, когда какую придётся...

Старому Хёгни по-прежнему не нравился Торgrim. А ещё больше не нравилось, что нас часто видели вместе.

— По-моему, не ты приблизил его, а скорее он позволяет тебе, сыну конунга, быть около себя! — проворчал однажды мой воспитатель. — А если он сбжавший раб вроде Тунни из Уппсаль? Ты об этом подумал?

Тунни, о котором он говорил, жил когда-то у Ауна, конунга свеев, и тот доверял ему, рабу, все свои сокровища. Но потом старого хозяина отнесли на погребальный костёр, а сын конунга, сев на место отца, отнял у Тунни ключи и послал его пасти свиней. Обиженный раб собрал десяток таких же недовольных и ушел со двора. Конунг хотел поймать его и заставить вернуться, но не сумел. Говорили, что Тунни и его люди стали жить сами по себе и даже нападали на других. И много зим оставались сущим бедствием для страны, пока наконец Тунни не встретил противника сильнее себя. А было это давно.

Я сказал старому Хёгни:

— А хотя бы и раб, если иной свободный может у него поучиться.

Я хорошо помню, как удивил ярла этот ответ. И я думаю, что с того дня он не полюбил Торgrима больше. Ибо старик навряд ли не заметил, что именно с его приходом я впервые начал возражать выращившему меня.

Между тем Кари-Поединщику Торgrim пришёлся по сердцу не намного больше, чем ярлу. Может быть, он тоже чувствовал, что от Торgrима словно бы тянуло ледяным ветерком. Как от плавающей горы, когда она медленно тает под солнцем, застряв у береговых скал. Я ни разу не видел этих двоих беседующими между собой. И тем не менее мне упорно казалось, будто они всё время приглядывались один к другому. Особенно Кари. И ещё я видел, что теперь уже он оказался на месте задиры, юнца, что намеренно тревожит признанного воина, надеясь потягаться с ним и добыть себе славу... Это стало особенно заметно после того, как мы узнали прозвище гостя: Вига-Торgrim, то есть Боец.

В сарае уже лежало на брусках огромное, гладко отёсанное бревно — киль корабля. Он станет резать серые морские волны и цепляться за них выпирающим хребтом, когда ветру вздумается потащить судно вбок. В тот день мы пропитали его горячей смолой и пошли отмываться. И Кари выдернул у Торgrима середину полотенца, сказав:

— Такому никчёмному работнику достанет и дырявого края.

Это была величайшая неправда и притом сказанная прилюдно, и все ждали, что Торgrim по достоинству ответит на вызов. Но он не побежал в дом за секирой, хотя она и висела там на стене. Только усмехнулся — и вытер руки рубашкой...

Тогда многим стало казаться, что он был совсем не так храбр, как думали раньше. Я сказал ему об этом

вечером, во время еды, и спросил, почему он позволяет называть себя трусом. Торgrim ответил:

— Тому нет проку в большой силе, кто показывает её по пустякам.

И я задумался над его словами, а потом решил, что их надо будет запомнить.

Теперь я не мог представить себе, чтобы Торgrim появился в нашем доме иначе, как только шагнув навстречу из свирепой метели, бушевавшей в ночной тьме над обрывами фиорда... Когда я пытался вообразить себе что-то иное, перед глазами неизменно вставал пустынный морской берег, не украшенный ни человеческим жилищем, ни парусом корабля. И Торgrim, который один-одинешенек шел по этому берегу, и даже чайки не окликали его, проносясь над катящимися волнами. А волны выплскивались на берег, смывая следы.

Я стал мечтать, как меня выберут конунгом, и я подарю ему щит. И сам сложу щитовую драпу — стихи обо всём, что будет на нём нарисовано.

Торgrim по-прежнему не рассказывал о себе, и у него не попытывались ответа. Все помнили, как жил на свете могучий Гейррёд конунг, любимец Одина, не боявшийся никого. И как однажды он велел схватить незнакомца, забредшего к его очагу, поскольку тот тоже не пожелал рассказывать, кто он таков. И вот упрямец посадили между двумя кострами на полу и держали восемь ночей, так что одежда на нём прогорела до дыр. И невдомёк было Гейррёду, что это сам Один решил испытать, как его любимец принимает гостей!

Тело корабля схоже с человеческим телом. Есть в нем и хребет, и рёбра, вместилище жизненной силы, и кожа, боящаяся ран. Но только всё это делается из крепкого дерева. И хребет называют килем, кожу — обшивкой, а рёбра — шпангоутами. Их в моем корабле должно было быть двадцать четыре. Кари старательно рисовал их углём на клеенных берестяных листах. Мы прикладывали эти листы к дубовым доскам и обводили, а потом вытёсывали и прилаживали к килю.

Мы работали дружно. И скоро сделалось видно, как красиво расширялся посередине и плавно сужался к корме и носу мой новый корабль. У него будут высокие борта, чтобы без опаски выходить в открытое море. И стройная мачта, для которой на киле был заранее приготовлен тяжёлый деревянный упор. И дракон на носу. В него перейдет душа жертвенного животного, которое будет залогом в день спуска на воду корабля. Мы будем надевать дракона на штевень, выходя в открытое море. А когда острова Хьялтланда поднимут над горизонтом свои зелёные спины — спрячем под палубу. Ибо негоже пугать добрых духов страны, где собираешься гостить.

Хёгни ярл пристально наблюдал за тем, как строился мой корабль. Он был старше нас всех и немало повидал славных судов. Но и он не находил, к чему бы придраться.

Однажды поздно вечером, когда кончали работу, мой воспитатель похвалил Кари и сказал в шутку:

— Берегись, не начали бы тебя звать за твоё умение вместо Поединщика — Строгалою.

Все слышавшие засмеялись, а Кари ответил так:

— Всякое может случиться, но пока ещё находятся люди, которые не отваживаются схватиться со мной.

Не я один при этих словах оглянулся на Торgrима... Торgrim что-то доделывал возле кормы, и сперва я решил, будто он то ли не расслышал, то ли не понял, что речь шла о нём. Но потом он отряхнул с себя стружки и не торопясь пошёл к нам вдоль корабля.

— Ярл, — сказал он, подойдя. — Вели своему человеку исправить шпангоуты, как я покажу. Иначе этот корабль не будет так быстрходен, как всем бы хотелось.

Тут уж наш Кари вспылил по-настоящему:

— Много понимает в кораблях пришедший пешком!

Он сжал кулаки, и, по-моему, даже усы у него встали дыбом, как проволочные. Иному противнику хватило бы одного его вида, чтобы убежать без оглядки. Должно быть, он и впрямь неплохо притворялся берсерком, путешествуя по Вику...

Торгрим спокойно повернулся к нему спиной и пошел из сарая.

Безоружный Кари в бешенстве подхватил с полу дубовый обрубок и кинулся было следом, но Хёгни ярл остановил его:

— Нечего ссориться. Завтра я сам посмотрю, в чем там дело.

Но я-то видел, что мой воспитатель был сильно озабочен и полез бы смотреть прямо теперь, будь в сарае хоть немного светлей.

А когда мы кончили умываться и пришли в дом есть, там сидела на лавке моя Асгерд. Я подошёл, собираясь сесть подле неё, и увидел у неё на коленях рубашку Торгрима. Асгерд пришивала заплату на разорванный рукав. Я сказал:

— Ты чинишь Торгриму рубашку?

Она подняла голову и спокойно спросила:

— А что?

— Ничего,— сказал я и подумал, ведь вправду нету дурного, если кто-то зашивает чью-то рубашку. Но сидеть рядом с ней мне уже не хотелось. И ещё мне почему-то вдруг показалось, будто она стала много старше и взрослее меня... хотя мы родились в один год, и все это знали.

Ночью я долго вертелся с боку на бок.

Воины, ходившие за отцом, ударят мечами в щиты и назовут меня конунгом. Я буду водить их в походы и сделаюсь славен и знаменит. Так пройдет много зим. А потом однажды я приеду в Скирингссаль. Или в другое какое-нибудь место. Но там тоже будет торг и пленники, привезенные для продажи. И я случайно увижу Торгрима, стоящего со связанными руками и с опущенной головой. И Асгерд, вцепившуюся в его локоть. И хозяина, торгующегося сразу с двумя покупателями, и каждому будет нужен только кто-то один.

Тогда я подойду к ним, и торговцы сразу куда-то исчезнут, потому что со мной подойдут мои люди, и все мы будем держать руки на топорах. А может, им не мало покажется и моего лица...

У меня будет с собой достаточно серебра, так что я выкуплю и Торгрима, и Асгерд, и отпущу их на свободу, и вот тогда-то она задумается, кто из нас двоих любил её крепче.

Мне понравилось то, что я придумал. Правда, тому, кто пожелает назвать Торгрима рабом, придётся проявить немало сноровки. Скорее уж он отправит в Вальхаллу десяток врагов и сам останется лежать, где стоял. Да и не получится из него раб. Я подумал, что будущее редко выходит таким, каким нам хочется его видеть. Но жаль было расставаться с придуманной поездкой в Скирингссаль, и я сказал себе, что Торгрима, может быть, ранят в бою. Или оглушат.

Утром мы собирались начать обшивать корабль досками... Добрые доски в два пальца толщиной уже лежали на козлах, готовые встать каждая на своё место — по шестнадцати на каждый борт. А рядом стояла смола в горшочках и пухлые шнуры коровьей шерсти, в три нитки. Мы уложим их между досками, и вода не проберется внутрь. Мне очень хотелось скорее увидеть корабль одетым в деревянную плоть. Поэтому я спал бес-

покойно и проснулся задолго до света. Меня разбудили осторожные удары топора, доносившиеся снаружи.

Я испугался спросонья, решив, что проспал, и работу начали без меня. Но длинное бревно в очаге сгорело едва наполовину, и люди вокруг еще спали под одеялами. Не было только Торгрима, я сразу это заметил, ведь мы с ним по-прежнему спали спиной к спине.

В сарае действительно кто-то работал. Дверь была прикрыта неплотно, и по снегу двигались отсветы от лучины, горевшей внутри. Ещё я услышал голос. Это был голос Торгрима, и он говорил песню.

— Вёсла и нос
вепря волн
прозваньем укрась
Отца Побед,
Железо кали,
дерево жги,
могучие руны
пусть оно помнит...

Это была хорошая песня, и я совсем было собрался войти и спросить Торгрима, кто её сложил. Но тут он заговорил снова, и я передумал. Я не понял, чью песню он вспомнил сначала, но теперь он пытался сложить свою собственную, и у него ничего не получалось. Он яростно сражался со словами, и бой был неравным. Его висы рождались безжизненными и тусклыми, как оружие, слишком долго пролежавшее в сырости: им ещё можно замахнуться, но стоящего удара уже не нанесёшь... Никакого сравнения с той песней, которую я услышал вначале.

Потом он умолк и не то вздохнул, не то зарычал... Я громко кашлянул и пошел к приоткрытой двери, нарочно со скрипом приминая сапогами снег.

Торгрим стоял на коленях у левого борта, подтёсывая на свой лад последний шпангоут... Он поднял голову, когда я вошёл, и мне не показалось, чтобы он смутился. Я спросил его:

— Зачем ты портишь корабль?

Торгрим не спеша опустил топор и выпрямился, разглядывая свою работу. Весь борт действительно сильно изменился, и теперь я не мог понять, к худу или к добру. Торгрим сказал:

— Твой Кари совсем не плохой мастер, но кое-чего ему всё же недостаёт.

Тут я подошёл поближе, и он добавил:

— Я не трогаю другую сторону, чтобы можно было сравнить.

Я встал у кормового штевня и начал смотреть. Я всё старался представить, как лягут доски на один борт и на другой, и подтёсанный борт неизменно оказывался красивее. А я знал, что самый лучший корабль обыкновенно бывает и самым красивым, и дело тут не в резьбе.

В конце концов я опустился на четвереньки, чтобы заглянуть ещё и снизу. И тут дверь отворилась опять, и в сарай вошёл Кари. Должно быть, его тоже разбудил стук топора. И он, конечно, сразу понял, что произошло.

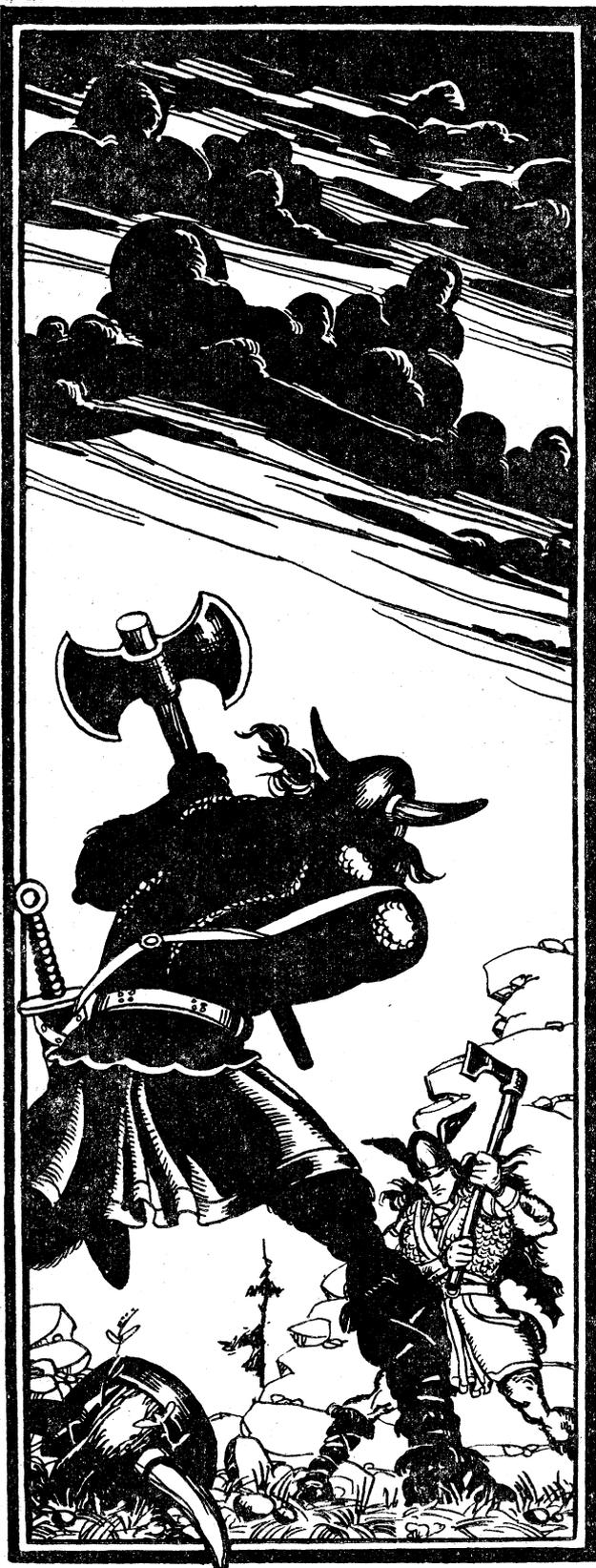
Я думал, Поединщик снова начнёт кричать и браниться, однако ошибся. Кари долго молчал и лишь постепенно наливался кровью, так, что глаза выступили из орбит. А потом пошёл к Торгриму, стискивая кулаки.

— Ты загубил мою работу, бродячий пёс. Я убью тебя...

— Не убьёшь,— сказал Торgrim.— Это ты ошибался, а я был прав.

Но Кари был менее всего расположен убеждаться в его правоте.

— Ты будешь драться со мной! — прохрипел он, пододвигая вплотную.— Не видал я тебя в деле, Торgrim-Боец! И я думаю, что ты только и способен подсаживаться к невесте, когда поблизости нет жениха!

Он никогда бы не произнёс этих слов, если бы знал, что я здесь и всё слышу. Я ведь стоял на четвереньках за килем, и при лучине меня трудно было там разглядеть.

Торгрим ничего ему не ответил...

Но я увидел, как его руки, державшие обрезок доски, медленно сжались. И пальцы вошли в твёрдое дерево, словно железные клещи! Тогда я вскинул глаза и заметил, что у него задрожали ноздри и губы. Но не так, как от обиды или бессильного гнева. Это была какая-то страшная дрожь.

Тут я сообразил, наконец, что к чему. Я выскочил из-за киля и схватил его за локти:

— Торгрим!

Может быть, он успеет узнать меня, и тогда я попробую его остановить. А если нет, он убьёт меня о ближайший шпангоут. А потом и Кари, как бы тот ни бежал. А потом разнесёт в щепы и корабль, и корабельный сарай. Больше всего мне было жалко корабль...

Я вцепился в Торгрима что было сил, называя по имени. Глаза у него жутко блуждали, и за все свои шестнадцать зим я не встречал зрелища хуже, но тогда у меня просто не было времени испугаться. Он из последних сил боролся с безумием, и мне уже стало казаться, что ему не помочь, но тут он вдруг закрыл глаза и сел прямо на пол, едва не свалив и меня. По его лицу покатился пот.

Потом он выговорил:

— Это хорошо, что ты подоспел... Жаль было бы убить Кари. Он славный малый, хотя и глупец...

Его голос звучал хрипло и прерывался. Он так спел пальцы, что побелели суставы. Я сел рядом и лишь тут как следует понял, в какой переделке только что побывал, и зубы у меня застучали сами собой. А ведь я сражался в походах и говорил, не отставал от других. Я коснулся рукой спины Торгрима, и он кивнул, не открывая глаз.

— Ты тогда не сказал этого вслух,— произнес он еле слышно.— Но ты верно догадался, что мне собирались врезать орла... В тот день я стал берсерком и перестал быть скальдом...

В сарае было холодно, и я сказал:

— Пошли в дом.

Он попытался встать и не смог. Я знал, что это такое: бессилие, овладевающее берсерками после припадка. Можно рассказывать о берсерках всякие небылицы, подражать им, как Кари, завидовать тем, у кого они ходят на корабле. Но я смотрел на Торгрима и думал о том, что совсем не хотел бы оказаться в его шкуре. В медвежьей шкуре, и ему от нее уже не избавиться...

Я все-таки заставил его подняться и тут заметил, что Хольмганг-Кари все еще стоял возле двери, прилипнув к ней лопатками, и теперь в его лице не было ни кровинки. Он не побежал, но не смог и прийти мне на помощь. Я не осудил его — как назвать трусом отступившего перед яростью берсерка!.. Я только махнул ему рукой, чтобы он скорее уходил...

Когда мы с Торгримом вернулись в дом, Кари лежал на своем месте, под одеялом, и притворялся, что спит. Может быть, утром он решит, что ему приснилось. И будет так думать, пока не заглянет в сарай.

Торгрим уснул, а я долго еще смотрел на продымленные стропила, едва освещенные очагом. Мне опять вспоминалась придуманная поездка в Скирингссаль. Но теперь все это выглядело таким мелким и глупым в сравнении с творившимся наяву. Я спросил себя, знала ли Асгерд, кому зашивала рубашку. И решил, что скорее всего нет, но это не имело значения, ведь я-то не собираюсь ничего ей говорить.

Торgrim все же зря посчитал нашего Кари глупцом. Теперь я думаю, до утра Поединщик на многое успел взглянуть иными глазами. Когда мы пришли в сарай, он уже вовсю стучал топором возле правой стороны корабля. Хегни ярл с удивлением посмотрел на него и на то, как изменились оба борта. Кари объяснил почти весело:

— Я решил переделать шпангоуты так, как посоветовал Торgrim.

Тогда оглянулись на Торgrима. Но Торgrim промолчал. Он разводил огонь, чтобы варить смолу и размягчать еловые корни. Промолчал и я. Мы трое ни о чем не договаривались друг с другом, но о случившемся ночью не обмолвился ни один.

Между тем жизнь в доме продолжалась как прежде. Женщины ставили пиво, привязывали камни к нитям ткацких станков, кроили и вышивали одежду. Надо было делать и мужскую работу — охотиться. Мальчишки ходили в лес, устраивали силки, били тупыми стрелами осторожную птицу. И мы, воины, всякий день становились на лыжи. Иногда к вечеру волокли домой оленя или лося. А чаще выходили на лед, сковавший фьорд от одного берега до другого, и долбили в нем лунки. Подо льдом ходила жадная зубатка, большоголовая треска и жирная сельдь. Зима выдалась холодная, и лед был надежный. Только одно опасное место подстерегало рыбака: там, где в фьорд впадала быстрая речка. Возле ее устья лед оставался непрочным даже в самый сильный мороз. Но все это знали, и в ту сторону никто не ходил.

Борта моего корабля поднялись уже до самого верха. Гладкие доски красиво находили одна на другую. Третью сверху сделали толще всех остальных. Кари прорезал в ней отверстия для вёсел — гребные люки. Скоро будет настлана палуба и поставлены скамьи. Мы сядем на них и будем грести. А у берега, на ночлеге, снимем скамьи и натянем над палубой просторный шатёр...

Каждый уже знал, на какую скамью сядет. И вытаскивал для гребного люка круглую крышку, украшая ее узором, кому какой был по душе.

Я знал, что иные строители предпочитали скреплять бортовые доски заклепками: так быстрее. Но Кари сказал мне, что это не от большого ума. Если корабль сшит еловыми корешками, его борта легко гнутся под ударами волн, и самый лютый шторм их не ломает. Такое судно кажется Эгиру мягким, словно морской зверь, покрытый жиром и мехом. И море не трогает его, принимая за своего.

Когда корабль гонится за врагом, парусу помогают быстрые весла. Не всякое судно при этом способно нести щиты на бортах. Бывает, они закрывают гребные люки, мешая грести. Кари позаботился и об этом. Все-таки он был хорошим мастером, наш Кари.

А еще — весной, перед спуском на воду, корабль надо будет покрасить. Я долго думал, какой цвет для него выбрать. Если красный, его даже без паруса будет далеко видно в серых морских волнах. И все будет знать, что мы боимся немногих. А если орничевый или серый, его легко будет прятать за скалами, опустив мачту. И неожиданно нападать на купеческие корабли, идущие вдоль берега.

Я решил сделать его черным... Как утесы на севере или океан в непогоду. Черным, как ворон, спутник Отца Побед.

Я часто размышлял о Торгриме и о моей Асгерд, именно так, о двоих сразу, словно тому и следовало быть. Однажды Хёгни ярл накричал на свою внучку. Я не слышал, что он ей говорил, но она вышла с закушенной губой. Впрочем, ее глаза сухо горели, и она совсем не считала, что виновата. Я не стал к ней подходить.

Когда Сигурд Убийца Дракона отведал колдовского папитка, он лишился памяти и забыл о любимой. Тогда его невеста Брюнхильд добилась гибели жениха. А потом ударила себя в сердце над его погребальным костром.

Я заглядывал в себя, и что-то мне совсем не хотелось убивать мою Асгерд дочь Хальвдана сына Хёгни... или умирать самому. Я стыдился и думал, что, наверное, любил ее недостаточно сильно. И мне было совестно перед ярлом. Ему ведь наверняка хотелось породниться с конунгом Островов.

Я думал: а что если времена и впрямь измельчали, как сетуют старики, и люди разучились крепко любить?.. Это теперь я знаю, что был просто мальчишкой, молодым глупым мальчишкой, и не ведал толком, что такое любовь.

Однажды в морозный день Торгрим собрался на рыбную ловлю. Он приготовил снасть и крепкие берестяные салазки и спросил меня, не хотелось ли мне пойти с ним. Тогда я подумал о том, что ярл на моем месте давно бы уже заставил Торгрима драться, и сказал:

— Не хочу.

Торгрим стоял как раз возле своего спального места, где висел на стене его боевой топор.

— Ну как знаешь,— пробормотал он и натянул через голову меховой полушубок.

Днем я снял его топор со стены и вытащил из чехла. Топор был острым и очень тяжелым. Страшное оружие в умелой руке. А на лезвии, смазанном медвежьим салом от сырости, проступали глубоко вбитые руны. Двадцать четыре знака, привлекающие удачу к человеку, умеющему их начертать... Наверное, Торгрим не только холил свое оружие, но и владел им искусно. Я знал в этом толк: я тоже любил секиру гораздо больше меча.

Я погладил топор, примерился и два раза взмахнул им для пробы. И тут заметил мою Асгерд, вошедшую со двора. Я залюбовался ею, потому что она раздвинулась с мороза. Но потом она скинула теплый плащ, и на руке блеснуло запястье. Я не дарил его ей... Оно было стеклянное, и я сразу понял, откуда оно у нее. Не каждая набралась бы смелости открыто носить подобный подарок...

Наверное, надо было мне сорвать с нее этот браслет и растоптать на полу. Или бросить в очаг. Многие так поступили бы и еще как следует припугнули девочку, чтобы впредь думала, кому улыбаться.

Я сказал:

— Надерет тебе уши Хёгни ярл...

Моя Асгерд ответила:

— Ты-то никогда не посмеешь!

Мы стояли по разные стороны очага. Я опустил руку с топором и сказал:

— Это ты верно подметила. Ты всем так дерзишь или мне одному, потому что я на тебя не замахнусь?

Она вспыхнула еще больше, и теперь уже не мороз был в том виноват. Не могла она так скоро забыть, как мы с нею сидели на кривой сосне над обрывом, и она гладила мою ладонь, ороговевшую от весла, а я рассказывал о Западной Стране, где мы сражались и брали добычу... Может быть, ей стало стыдно, моей Асгерд. Но только на миг.

— Ты взял его секиру! Ты хочешь драться с ним и решил испортить его секиру!

Я удивился про себя, почему огонь не сжег этих слов, пока они летели над очагом. Еще я подумал, что

Торгрим, пожалуй, долго не станет дарить ей второго браслета, если ему передадут.

— Уйди отсюда, Асгерд,— сказал я тихо. Она ушла, даже не подобрав плаща. Недаром она была внучкой ярла, моя Асгерд, дочь Хальвдана сына Хёгни.

Я остался стоять с секирой в руке... Даже у злобного бога Локи, немало наделавшего гадостей людям и Асам, есть жена, которая его любит. Локи лежит в глубокой пещере, связанный за свои преступления необоримыми путами. А со свода пещеры свешивается змея, так что яд капает ему на лицо. Злобный Локи отчаянно корчится, и люди зовут это землетрясением. Но жена его Сигюн берет чашу и подставляет под ядовитые капли, чтобы Локи мог передохнуть...

Каждому нужна своя Сигюн, и Торгрим, должно быть, нашёл ту, которую искал. Но я-то не был виновен, если ее звали совсем не тем именем, что он продолжал шептать по ночам. Может быть, через двадцать зим и я скрипну зубами, вспомнив об Асгерд. А наяву стану дарить украшения совсем другой.

Но до тех пор я еще вернусь в Хьялтланд, на Острова. И обниму там свою мать. Она-то никогда не скажет, что я хотел испортить чужой топор.

Потом я пошел в сарай, взял там крышку от своего гребного люка и вырезал на ней Знак Вечности: три треугольника, сплетенные так, что невозможно понять, где кончается один и начинается другой...

Солнце везут по небу два могучих коня — Арвак и Альсвинн, Ранний и Быстрый. Солнце пышет огнем, но боги приделали к упряжи кузнечные меха. Меха раздувают небесное пламя и дают прохладу коням.

Летом, когда луга покрыты травой, Арвак и Альсвинн сыты и веселы. Высоко на небосклон вывозят они свою хозяйку и никак не хотят спускаться обратно. Зимой всё по-другому. Зимой кони скоро устают и торопятся в стойло. И потому-то зимой ночь тянется дольше дня.

Когда солнце начало клониться к закату, я подумал о Торгриме и спросил старого раба, в какую сторону тот уходил. Старик отвечал, что вверх по фиорду.

Тогда я сразу подумал о речке и попробовал вспомнить, предупреждал его кто-нибудь или не предупреждал. Во всяком случае, я ему не говорил ничего. И я не пошел с ним, так что Ран, если ей вздумается, заберет его без помех. А Торгрим мне доверял!

День стоял солнечный, и синие тени сосен пересекали мой путь. А впереди ярко розовели горы. Но я не останавливался посмотреть.

Я бежал быстро и скоро достиг обрывов, нависавших над устьем реки. Здесь я перевел дух и посмотрел с высоты на фиорд.

Глубоко внизу, отбрасывая длинную тень, шел на лыжах человек... Впереди бежала большая собака, запряженная в берестяные салазки. На салазках кучей лежала замерзшая рыба.

Торгрим далеко обходил опасное место, и у меня отлегло от сердца. С ним ничего не случится, я зря беспокоился и бежал, когда мог бы сидеть дома и что-нибудь делать...

Тут я увидел, как Серый насторожился и поставил уши торчком. А его хозяин воткнул копы в снег и поднял голову, прикрывая глаза рукавицей. Потом помахал рукой, и свернув, направился прямо ко мне. Как раз туда, где терпеливо ждал тонкий лед, ненадежно прихвачивший быструю.

Серого предостерегло собачье чутье. Сперва он сел и залаял, потом, волоча санки, забежал вперед. Торгрим не обратил внимание на его беспокойство.

— Торgrim! — крикнул я во всю силу легких, и мрозный воздух обжег мое горло. — Стой!..

Но эхо разбило мой голос о каменные лбы скал. Торgrim вновь посмотрел на меня — и продолжал идти. Тогда я пододвинулся к краю обрыва и как следует оттолкнулся копьём.

Я неплохо знал, какой стороной привязывают лыжи к ногам... Мы часто забавлялись, спускаясь с крутых заснеженных гор, и не меня называли самым неловким, когда приходилось петлять между деревьями и валунами!

Я летел вниз, и ветер гудел в ушах. Я ни разу еще здесь не спускался. Камни выростали впереди один за другим, я прыгал и поворачивал, и за спиной плащом висела снежная пыль. Самый проворный лыжник не сумел бы съехать с этой крутизны, не расплескав в руке чашу с водой... Лед фиорда был уже близок, когда я понял, что вот сейчас упаду. Я успел отбросить копы и свернуться в клубок, чтобы сберечь ноги. И покатился кувырком. Пухлый снег принял меня и остановил.

Река и Торgrim остались справа, по ту сторону большой скалы. Я поднялся и глянул наверх, и теперь высота показалась мне жутковатой. Надо будет рассказать дома, как я съезжал, и сделать это при Асгерд. Но только так, чтобы она не поняла, для кого я говорю.

Это я обдумывал уже на бегу. По счастью, я не сломал лыж и спешил добраться до Торгрима прежде, чем до него доберется Ран с ее сетью. Но потом услышал визг Серого, сменившийся отчаянным воем, и понял, что опоздал.

На белом снегу дымилась черная полынья... Торgrim окунулся в нее с головой. Когда я выскочил из-за скалы, он как раз вынырнул и, отплеываясь, схватился за край льда. Я сразу увидел, что он не выберется сам.

Он сказал мне:

— Не подходи сюда, конунгов сын.

Течение неумолимо затягивало его под лед. Соскользнут окоченевшие пальцы, и Торгриму конец. Он повторил:

— Незачем тебе сюда подходить.

Серый бегал вокруг, подвывая и скуля. Я видел, как гнула под ним тонкая корочка льда. Прозрачная вода выплескивалась на край и немедленно застывала. Я полоснул ножом по ремням лыж, распластался на снегу и пополз.

Лед неплохо выдерживал ползущего, и я добрался до Торгрима без большого труда. Дотянулся до его рук и обмотал ему запястье концом ремня. Потом затянул петлю у себя на поясе и стал пятиться назад.

Серый все вертелся рядом и визжал. Салазки перевернулись, мерзлая рыба вывалилась на снег. Когда салазки наехали мне на руку, я поймал постромки. Пусть помогает.

Понятливый пес уперся лапами в снег. Я даже испугался, не лопнул бы ремень. Нет, пожалуй, скорее лопну я сам. Как струна на арфе у неумелого скальда. Я продолжал отползать. Я выдержал усилие, выдержал и ремень. Торgrim навалился грудью на край.

Полынья отпускала его неохотно... Тонкий лед скрипел и прогибался под нами, вода догнала меня и стала впитываться в одежду. Если лед затрещит, нам обоим придется одинаково худо. Торgrim тоже понял это и усмехнулся сведенными губами:

— Обрежь ремень, конунгов сын, Ран уже схватила меня за пятку. Мало проку тебе держать меня так крепко, как ты это делаешь.

Я не ответил. Я лежал лицом в воде, и кровь сочилась из-под ногтей. Серый хрипел в постромках. Потом Торgrim выбрался из полыньи весь и растянулся на льду. Ноги и нижняя половина тела едва ему повиновались.

Но мне стало легче тащить, и я больше не останавливался, пока не оставил полынью далеко позади.

Тогда я выпустил Серого, уткнулся лицом в снег и долго лежал неподвижно. Я всхлипывал и никак не мог отдышаться. Я больше не думал ни об Асгерд, ни о том, что у меня у самого остались сухими лишь волосы на голове, и мороз жадно схватывал одежду, добираясь до тела...

Я знал только, что мы оба остались живы, Торgrim и я.

Я плохо помню, как мы возвращались домой. Позже мне рассказали, что первым, путаясь в перегрызенных постромках, во двор прибежал Серый. Он принес в зубах рукавицу Торгрима. Тогда Хёгни ярл понял, что дело неладно, и послал по его следу людей. И когда те люди миновали ворота, им показалось, будто по берегу плелись в обнимку два инейстых великана из сказки.

Мой воспитатель очень боялся, как бы я не заболел. Но с нами ничего не случилось, ни с Торгримом, ни со мной. Мы оба сразу свалились спать и проспали до вечера следующего дня. Я проснулся голодным и запросил есть, и Хёгни стал спрашивать меня, как было дело. И я рассказал все по порядку, промолчав только об Асгерд и ее словах у очага. И лишь потом вспомнил, что совсем позабыл о крутом обрыве и о своем спуске с него. Но я не стал возвращаться к началу и путать рассказ. Ведь это была безделица, не стоившая похвальбы.

4

После этого до самой весны все было тихо. Не случилось ничего, о чем следовало бы вспомнить. И я по-прежнему сидел за столом рядом с Асгерд и угощал ее из своего рога. Иначе стали бы много говорить про нее, про Торгрима и про меня. А когда распустились подснежники и фиорд очистился ото льда, мы спустились на воду новый корабль.

Он давно уже стоял в сарае совсем готовый. И черные смоленые бока отсвечивали подобно железным, когда я приходил его навестить. Я разговаривал с кораблем и гладил его дубовое тело. Он слушал меня и молча заподаминал мои речи. Или глухо гудел, если я хлопал его ладонью. Когда вокруг будет реветь бездонное море, придет его черед показать, любит он меня или нет...

Мы осторожно вынули боковые подпорки и повели корабль из сарая, перекладывая катки. Тут стало ясно, что наш Кари не зря хвастался ремеслом. Корабль шел легко, не заваливаясь ни вправо, ни влево. Нас было не более тридцати человек, но мы без особой натури притащили его на берег. Последнее усилие, и под дружный крик всех смотревших изогнутый форштевень впервые соприкоснулся с водой... Корабль вошел в нее так, что любой мог понять: берег служил ему лишь временным пристанищем, а теперь он попал домой. Раскачиваясь, он кланялся морю и приветствовал его. И дух захватывало от его красоты. И я сказал:

— Чайку игр валькирий
дочки Вана-Ньёрда,
ласковые, нянчат
на синих ладонях.
Если есть удача,
не боятся бури
спешащие к рати
на Слэйпнире моря...

Ибо я назвал его Слэйпнир, что значит быстро скользящий. Слэйпниром зовут люди серого коня о восьми чудесных ногах, на котором одноглазый Один торопится к полям битвы...

Я не очень думал, что говорил, песнь складывалась сама. Может быть, кто-то пожелает запомнить ее, а нет,

так и не надо, я сложу другую, получше. Мне казалось, я вправду попробовал меда и скоро стану могучим скальдом вроде Браги Старого, которого боги угощают за своим столом...

И не удивился бы таким речам и думам тот, кто смотрел на мой корабль вместе со мной!

Хёгни ярл, мой приемный отец, часто гостил в этом фиорде, у Гуннара бонда сына Сиггейра. Гуннару это нравилось, потому что Хёгни был щедр. И никакой враг не отважился бы напасть на двор, где вставали на якоря его корабли. Вот и в эту весну, едва мы начали собираться в море, Гуннар начал просить нас приехать опять. Однако теперь он усердно ходил не только за Хёгни, но и за мной.

Ярл благодарил хозяина и обещал не забывать, но мне что-то подсказывало: больше он сюда не вернется. Должно быть, он сильно состарился. Ведь и я уже не был тем малышом, которого мой отец когда-то посадил ему на колени. Я сделался викингом и мужчиной, и скоро меня назовут конунгом Островов...

Наверное, Хёгни решил бросить походы и осесть в Хьялгланде, на берегу. Иногда мне приходило на ум: а ведь тогда его воины навряд ли будут нужны ему, как теперь. Кари-Поединщик и все эти люди, среди которых я вырос... Захотят ли они тоже назвать меня конунгом? Или выберут кого-нибудь между собой и уйдут? Пожалуй, они поступят так, как им посоветует ярл. У меня чесался язык спросить его, но я молчал. Это было бы недостойно.

В тот раз Хёгни надумал забрать у Гуннара свою внучку и взять ее с собой. Надеялся, верно, ее образумить. Ведь Торгрим не был его человеком, и неизвестно, сядет ли он с нами на весла. Может быть, он останется по эту сторону моря, и, глядишь, будет все-таки выпито пиво на моей свадьбе с дочерью Хальвдана сына Хёгни...

Торгрим подошел ко мне и спросил, не найдется ли для него местечка на моем корабле.

Я знал, что раздосадованный Хёгни выбралит меня за глупость, ведь я брал человека, на которого заглядывалась моя Асгерд, и это вместо того, чтобы вызвать его на хольмганг... Я сказал:

— Ты будешь грести тем же веслом, что и я.

Ибо Вига-Торгрим стоял десяти девчонок, и каждая вдове краше ярловой внучки!

Но я не мог перестать думать о ней, я ведь любил ее. В последний вечер я долго бродил по берегу один. На деревьях готовы были лопаться почки, я прикасался ладонью к шершавым влажным стволам и слышал движение и шум глубоко под корой. Пахло так, как никогда не пахнет ни осенью, ни зимой — талой водой и прошлогодними листьями... и еще чем-то, отчего ныло в груди.

Ноги принесли меня к месту, которое мы с Асгерд еще недавно называли своим. Там росла кривая сосна, на корявом стволе хватало места как раз для двоих. Оттуда был далеко виден фиорд. Почти до самого моря. В прежние годы Асгерд всегда приходила сюда помахать мне рукой. И я долго видел ее светлое платье среди зелени и темных береговых скал. Теперь, пожалуй, незачем было бы смотреть, даже если бы Асгерд осталась.

Сумерки уже сгущались, но я разглядел сидевшего на сосне человека, и сердце подпрыгнуло. Человек пошел велился и кашлянул. Это был Торгрим.

Я прирос к камням, на которых стоял... Торгрим смотрел на тропинку с Гуннарова двора, и было ясно, что не меня он здесь поджидал.

Он никогда не пришел бы сюда, если бы знал. Наверняка это Асгерд показала ему нашу сосну. И, конечно, не стала рассказывать, как сидела здесь со мной.

Сердце билось толчками, глухо и тяжело. Торгрим был хорошим охотником. Но я обошел его так, что он не услышал. И зашагал домой напрямик.

Я до сих пор не знаю, что, собственно, я собирался сделать или сказать... Я как раз застал мою Асгерд, когда она расчесала волосы костяным гребнем и прилаживала на лоб повязку, затканную серебром. Эту повязку я привез ей из Валланда.

Я встал против нее и стал на нее смотреть, и гребень замер у нее в руке. А рабыни, хлопотавшие у очага, переглянулись и выскочили за дверь. Я сказал:

— Сядь-ка со мной, Асгерд. Я хочу, чтобы ты села со мной, как ты это делала раньше.

Она села. Было похоже, она наконец-то меня испугалась. Я взял ее руку и сказал:

— Когда Торгрим поступает, как я, ему навряд ли кажется, будто он взял в руки лягушку.

Асгерд выдернула руку и отскочила прочь:

— Тебе-то что до этого, Эйрик сын Эгияля!

Я ответил:

— А то, что я тебя чаще вижу с ним, чем одну, и мне это мало нравится. Я ведь и сейчас знаю, куда ты собралась.

Асгерд не раздумывала долго:

— Торгрим скорее срубил бы мне голову, но не стал бегать за мной, как ты делаешь ты.

Тогда я поднялся и пошел прочь, потому что мне больше нечего было сказать моей Асгерд дочери Хальвдана сына Хёгни. Я не ощущал даже боли, только пустоту, как после голода зимой. Моя Сигюн не желала держать надо мной чашу, и я не видел особенной разницы, куда идти.

Я пошел к кораблю... Если есть на свете что-то надежное, так это корабль. Его прочная палуба не подведет, не выскочит предательски из-под ног. Я взошел по еловым мосткам, и тяжелая лодья чуть вздрогнула, узнав мои шаги.

— Это я, — сказал я кораблю. Я сел на свое место и стал смотреть на звезды за бортом. Добрые жены перевелись. Такие, какой моя мать была для отца. Недаром он не смотрел на других. И потому был всегда так удачлив в походах, ведь она любила его и ждала!

А злую жену и братя незначем... Ведь не только от невесты можно дожидаться, чтобы ей приглянулся другой.

Потом я подумал о завтрашнем дне и порадовался ему. Завтра будут поставлены паруса, и мы с Торгримом пойдем на одном корабле, Асгерд же — на другом. И так будет каждый день до вечера, а когда мы минем шхеры и начнется открытое море — подряд несколько дней.

А потом я приеду в Хьялгланд и обниму свою мать. И она обнимет меня так же крепко, как я ее, потому что у матери есть только те сыновья, которых она сама родила. И ей нету нужды смотреть в дверь, ожидая, не шагнет ли к очагу еще кто-нибудь, как Торгрим, из ниоткуда, из ночной мглы.

В том походе Эгир нас баловал. Ветер послушно натягивал парус, пока не минула середина дороги. А потом, что редко бывает весной, в море пал штиль. И лишь мертвая зыбь катилась да катилась из-за горизонта, баюкая корабли...

Мы опустили мачты и уложили вдоль палуб, и весла заворочались в гребных люках, размеренно падая и поднимаясь, как крылья морских птиц, неутомимых в полете...

Ледяная вода еще дышала из-за борта мертвенным холодом, и бродячие льдины показывались над круглыми спинами волн, но когда Торгрим сменял меня на весле и я ложился на палубу — палуба была теплой от солнечных лучей.

Мой корабль нес меня по морю...

Я лежал на теплых досках, закинув за голову усталые руки, и смотрел на Торгрима, державшего весло. За краткое время похода он переменялся едва ли не больше, чем за целую зиму. В нем поселилась какая-то тайная радость, и мне трудно было ее объяснить. Сперва я решил, что он

просто соскучился по морской работе и кораблю. Но нет. Он скорей походил на воина, который долго и трудно шел к месту сражения — и наконец обогнул последний мыс и увидел врага прямо перед собой...

Может, именно потому он перестал прятать свои рубцы. Он сидел на скамье голый по пояс. Тысячелетняя песня помогала гребцам наклоняться над веслами и снова откидываться назад. Я смотрел на Торгрима и видел, что железо тут начиналось прямо под кожей. Асгерд была все-таки права, выбрав из нас двоих его, а не меня. Белые змеи плясали на широкой спине. Седеющая грива спадала из-под повязки, и моя молодость не была большим достоинством сама по себе.

Ничего. Через двадцать зим я буду очень похож на него. Я это знал. А до тех пор я вполне проживу и без жены. И когда Торгрим отыщет своего недруга, я сумею встать с ним плечом к плечу.

Скоро мы должны были прийти в Хьялтланд, на Острова, где был курган отца и рядом мой дом, а на берегу ждала меня мать. Мы устроили привал на острове Мелвежьем, последний привал на нашем пути. Этот остров был назван так из-за белых медведей, которых, что ни год, приносили с севера плавучие льды. Вот и нынче на западном берегу прятался в скалах чудовищный зверь. Но на обширном острове хватало пищи для всех, страшный пришелец пока ни разу не потревожил ни людей, ни скотину, жители видели только следы его лап.

А еще Медвежий был знаменит тем, что именно здесь мой отец однажды сразился с оркнейским викингом, Сигвальди ярлом, и одолел его в жестоком бою. Как рассказывали, Сигвальди тоже любил здесь останавливаться и нещадно обирал рыбаков, так что эти люди с тех пор всегда были приветливы и с моим отцом, и со мной.

На острове стоял всего один двор. Назывался он Котаруд — Двор Бедняка, потому что жили тут и впрямь небогато. Хозяин принял нас и собрал угощение, хотя после зимы лишнего припасов у него не осталось. В маленьком доме не хватало лавок, чтобы уложить всех гостей, и мы легли спать как обычно в походе — на кораблях. Хозяин сокрушался об этом, но я не был обижен. Тот, кого называют морским конунгом, редко спит под закопченной крышей и коротает вечер у очага!

Я проснулся, когда утреннее солнце только запрягало коней... Торгрим, лежавший со мной, ворочался во сне и стонал. Я приподнялся на локте и внезапно ясно расслышал имя той, которую он звал к себе почти каждую ночь.

— Сольвейг, — шептал Торгрим. — Сольвейг...

Навряд ли женщина по имени Сольвейг желала ему беды. Но в остальном это был нехороший, тягостный сон. Надо непременно помочь человеку, которому снится дурное. А то как бы не налетела злая волшебница-мара да не затоптала спящего насмерть.

Я тронул его за плечо:

— Торгрим, проснись...

Он вздрогнул и повернулся ко мне, открывая глаза, и мне показалось, что в первое мгновение он принял меня за кого-то. Но потом он вздохнул, нахмурился и провел рукой по лицу.

Спать больше не хотелось, и мы принялись одеваться. Я сказал ему:

— Сегодня вечером будем дома.

Торгрим помолчал, потом отозвался:

— Я хочу кое-что показать тебе, конунгов сын. Сходим на берег.

И добавил:

— Лучшее будет, если ты возьмешь свой топор.

Я вспомнил о медведе и подумал, что это был хороший совет.

Я шел за ним и гадал, чем же это он собирался меня удивить. Я бывал здесь и знал остров вдоль и поперек. А Торгрим вдобавок уверенно шагал к месту битвы отца, которое я знал лучше всего. Не думал же он в самом деле, что я был мало слышан о подвигах отца и о том,

как засыпали камнями погибшего Сигвальди ярла!

Торгрим остановился перед памятным камнем, поставленным над могилой ушедших в Вальхаллу в тот далекий день. На камне багровели выбитые и окрашенные руны. Эту надпись я сумел бы прочесть и в ночной темноте, и даже не глядя. На камне было много имен. Они не побуждали, когда Эгиль конунг сошелся здесь с Сигвальди ярлом. Эгиль конунг велел поставить по ним этот камень, а Хегни сын Хедина высек руны...

Торгрим долго разглядывал вырезанное на камне. Потом обернулся ко мне и сказал:

— Здесь многих недостает, Эйрик сын Эгиля.

Сперва я удивился, я же знал, что отец и молодой тогда Хегни не могли забыть никого из своих. Потом я начал кое-что понимать. Я сказал:

— Каждую ночь ты зовешь женщину по имени Сольвейг.

Торгрим кивнул.

— Я любил женщину по имени Сольвейг. Но она меня не любила. Она выбрала того, кто был достойней — Сигвальди ярла.

Я стал ждать, что он скажет еще, и он продолжал:

— Видишь тот валун, обросший лишайником? Я лежал возле него, когда мне собирались выпрямить ребра, и это хотели сделать люди твоего отца. Но хуже было то, что в плен попала и Сольвейг. Я слышал, конунг сделал ее своей рабыней, и она недолго у него прожила. Так что ты не зря принес сюда свой топор, Эйрик сын Эгиля сына Хаки. Ибо я поклялся отомстить твоему роду, и велика моя удача, что я сделаю это именно здесь.

Я выслушал его и сказал:

— Не торопился же ты с мстью, Торгрим-Боец.

Он огрызнулся:

— Где я был столько зим, судить не тебе. Но не моя вина, что твой отец умер дома и от болезни, а не от моей руки в поединке. Ты же, его сын, боишься меня, как боялся все это время, пока я целовал Асгерд чуть не у тебя на глазах...

Сказав так, он вытащил топор, он как будто ждал чего-то, и я вдруг понял — он не столько оскорблял меня, сколько вызывал свое боевое безумие... которое превратило бы его в зверя, как тогда, в корабельном сарае... помогло бы ему сражаться со мной и не вспоминать ни о чем.

Но бешенство берсерка, столько раз просыпавшееся без спросу, в этот единственный раз никак не желало явиться на его зов...

Он сам почувствовал это и угромо проговорил:

— Я не забыл, как ты спас меня из польницы, конунгов сын. Я тогда загадал: вытащишь, значит, вытащишь и свою смерть. А если нет, значит, Один тебя бережет для других дел, и моя месть ему не нужна. И ты знай — если бы это я стоял там на льду, а тонул ты, я не дал бы тебе руки.

Я сказал:

— До сих пор ты говорил правду, Торгрим-Боец. А теперь ты лжешь.

Что толку рассказывать, как мы сошлись, и я бился с ним над костями людей, павших здесь, когда я еще не был зачат...

Секира бьет наподобие молнии Тора: второй удар редко бывает нужен. Мы с ним долго не могли коснуться один другого и только кружились, тяжело дыша. Железо со свистом рассекало воздух, но всякий раз натыкалось на другое железо и, лязгая, отскакивало прочь.

И мы молчали, потому что все было уже сказано.

Это тянулось долго, но потом я поскользнулся на камне и едва не упал. И тотчас разжал пальцы, выронив топор, потому что Торгрим ударил меня в плечо.

— Так! — усмехнулся он, когда я подхватил секиру левой рукой. — У меня тоже была сломана правая рука. Но я выжил, а ты умрешь здесь, конунгов сын.

Вот для чего он называл меня конунговым сыном.

Я заткнул бесполезную руку за ремень и ответил:

— Может, так оно и случится, хотя и сдается мне, рано ты торжествуешь, Торgrim-Боец. И вот что я еще тебе скажу, чтобы ты радовался поменьше. Мою мать тоже зовут Сольвейг, и я родился сыном пленницы, но отец женился на ней и ввел меня в род. И я помню, как она ждала его из походов! Ты потому и узнал меня тогда, я ведь похож на нее, а не на отца. И когда я ей расскажу, как расправился с тобой здесь, она, я думаю, не сразу припомнит, кто ты такой... и кто такой твой Сигвальди ярл!

Я сказал это и прыгнул вперед, ибо сил у меня оставалось как раз на один удар, и следовало его нанести. И я достал его топором, потому что мои слова оглушили его, и он промедлил оборониться. Но я не смог разглядеть, сильно ли мне повезло. Торgrim вдруг крикнул мне:

— Сзади.. Берегись!..

Я хотел оглянуться, но не успел. Камни у меня за спиной хрустнули под тяжестью зверя. Я ощутил смрадное дыхание на своей щеке. И одновременно — страшный удар в спину, швырнувший меня на камни, лицом вниз.

5

Я открыл глаза и увидел над собой темные стропила Котаруда. И морщинистое, осунувшееся от забот лицо старого Хегни. Мой воспитатель смотрел на меня, подперев бороду кулаком. У меня хватило силы заговорить, и я спросил его:

— Где Торgrim?

Хегни наклонился ко мне и положил руку на мою грудь, чтобы я не вздумал пошевелиться. Он ответил:

— Торgrim принес тебя сюда на руках. Он рассказал обо всем, что у вас случилось, и я видел медведя, которого он зарубил.

Я повторил:

— Что с ним, Хегни?

Ярл вздрогнул.

— Он просил передать тебе, что из тебя будет славный боец. Ведь ты тяжело ранил его. Правда, я не знаю, кто из вас постарался больше, ты или медведь. Воины хотели казнить его за тебя, но я им не позволил, и Кари помог его отстоять. А сам он говорит, что умрет все равно, и не будет особенной разницы, если его и казнят.

Я закрыл глаза и лежал так некоторое время. Потом спросил:

— Где он сейчас?

— В козьем хлеву,— сказал Хегни.— Я велел устроить его там, потому что там чисто и тепло.

И дверь крепкая, добавил я про себя. Я сказал:

— Я пойду туда к нему.

Хегни покачал головой.

— Незачем тебе туда ходить. Ты весь в повязках, а я хочу, чтобы Сольвейг увидела тебя живым.

Я пошевелился и понял, что спина моя будет разукрашена не хуже, чем у Торгрима. Я сказал:

— Ты не пускаешь меня потому, что там у него сидит наша Асгерд. Ведь так?

Хегни отвел глаза и промолчал. Я спросил его:

— О чем они разговаривают?

Хегни ответил:

— Торgrim каждый день складывает для нее новую песнь. Это очень хорошие песни...

Тогда я здоровой рукой обнял его за шею, и мой воспитатель потом утверждал, будто на моем лице ему причудилась какая-то сырость. Но я больше склонен думать, что ему показалось. Я сказал:

— Помоги мне встать, отец.

...Как же далеко от жилого дома выстроили козий хлев в этом Дворе Бедняка! До него было целых пятьдесят семь шагов, я сосчитал. Я прошел все их, один за другим. Когда Хегни довел меня до двери, я увидел там Хольмганг-Кари. Наш Поединщик сидел на земле возле двери, а рядом стояло его копые и лежал привязанный Серый. Кари поднялся передо мной.

— Не казни Торгрима, конунг,— сказал он тихо.

— Я еще не конунг,— сказал я ему и схватился за дверь, чтобы не упасть.— Я сын конунга...

Я снял руку с шеи Хегни, потому что мне следовало войти туда одному.

Торgrim лежал на широкой лавке возле стены... И, наверное, было ему хорошо. По крайней мере, что бы он там ни говорил, а на умирающего он был похож не больше, чем я. И Асгерд действительно сидела подле него. И при виде меня вздрогнула и наклонилась вперед, словно думая его защищать.

Я сказал: ○

— Выйди, Асгерд.

Она как не услышала. Торgrim повернул голову и поднял на нее глаза:

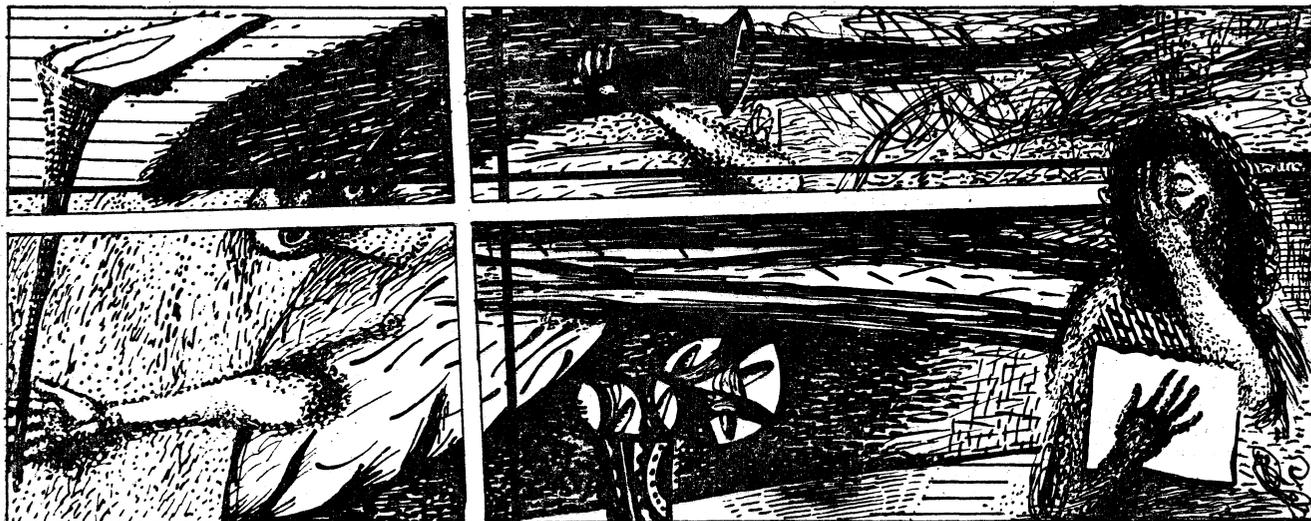
— Выйди, Асгерд!..

Она встала, поправила на нем одеяло и исчезла за дверью. Моя Асгерд даже не взглянула мне в лицо и обошла, как обходят лужу. Струившиеся волосы и те не коснулись моего плеча... Я повернулся к Торгриму. Он смотрел на меня спокойно и весело. Он спас мне жизнь и на руках принес меня в Котаруд. Он убил своего медведя и снова мог складывать песни... Чего еще?

Тут я почувствовал, что ноги под мной подгибаются от боли и слабости, и испугался, как бы не упасть. Но все-таки я не упал и прошел те последние два шага, что нас еще разделяли. Я сел рядом с ним и долго молчал, прежде чем заговорить.

Свеча моей печали

***

Россия, ты не стала Беловодьем,
Мужицкою счастливою страной,
У тройки-птицы лопнули поводья,
А ямщика увел в овраг конвой.

Итоги твоей вольности плачевны,—
От деревень остался стыд и мрак,
Без Сивки-Бурки, печки и царевны
Не стал умнее на Руси дурак.

***

Как чучело на огороде,
Стою на родине. Вдали
Блещат разлившиеся воды,
Бегут по водам корабли.

Там каждый вечер льются песни,
Мы пели песни — да не те...
О славе, подвиге и чести
Все меньше песен на земле.

Я никого не осуждаю,
Не проклинаю, не браню,
Как чучело, башкой качаю,
И все, как чучело, терплю.

Игорь Тюленев родился в 1953 году на Урале в Пермской области в славном поселке. Работал на заводах Перми. В 1991 году окончил Высшие Литературные Курсы. Автор четырех сборников стихов, вышедших в Москве. Печатался в Бельгии, Франции, Польше.

НАТАШЕ

Ты свеча моей печали,
Ты пожар моих тревог.
Я в конце, а ты в начале,
Путь твой долог и далек.
Высохнут большие реки,
Тыщу раз умрет трава,
Но пребудут в человеке
Эти тихие слова —
Ты свеча моей печали,
Ты пожар моих тревог,
Я в конце, а ты в начале,
Путь твой долог и далек...

***

Плачет женщина над страницей
Тихо-тихо, почти не дыша,
А за окнами носится птица
Или чья-то шальная душа.
Может, чье-то письмо запоздало,
А не думало запоздать,
Но слезинка на строчку упала
И заставила строчку дышать.
Потому ли, что жизнь быстротечна
И не все, что в душе, — на устах,
Плачет женщина, ночь бесконечна,
И опять что-то в мире не так.

ПРОРОК

Ради света грядущих веков,
Через ложь и проклятие века,
Он несет эти несколько слов,
Что возвысить могли человека.
Но камня, как прежде, летят,
Волчьи ямы тропу обступают,
Люди знать этих слов не хотят,
И ему этих слов не прощают.

***

Деревянный скачет конь
По накатанной дороге,
Береги, прохожий, ноги,
Только скакуна не тронь.
Это скачет он за мной
Из приснившегося детства,
Там, где маленький герой
В битвах закаляет сердце.
Мчит, над гривой наклонясь,
На врагов взирает строго,
То он пахарь, то он князь,
Все таланты в нем от Бога.
Где-то ждут отец и мать,
Деревянная лошадка!
Упоительно и сладко
К дому отчему скакать.

***

В моей глухой уральской келье
Попробую возжечь свечу,
И просидеть весь вечер с теми,
О ком вспомнить я хочу.
Я вспомню доброе — не злое,
И так хватает в мире зла,
Хотя бы небо голубое,
Пока гроза не подошла.
Хотя бы радугу над лесом,
И босоногих малышей,
И лодку дяди под навесом,
И запах сена в шалаше.
Настало время славить будни,
В обычном виден мир ясней,
И слушать то, что скажут люди
О пламени свечи моей.

Рисунок Арсения Сергеева

Василий ШРАМ

Сад на Иртыше

В тридцати пяти километрах от Омска, у села Усть-Заостровка раскинулся великолепный сад-дендрарий. По уникальности нет ему равного в Сибири. Тем, кто приезжает сюда на экскурсию, есть что посмотреть, есть чему подивиться. В осеннюю пору здесь можно отведать сочных крупных яблок, вишни, полакомиться крыжовником, барбарисом...

В этом саду собраны редкие деревья, кустарники и цветы из разных климатических поясов страны. Дуб черешчатый, бархат амурский, туя западная, ива серебристая — будто и не в Сибири этот сад выращен, а где-то под южным солнцем.

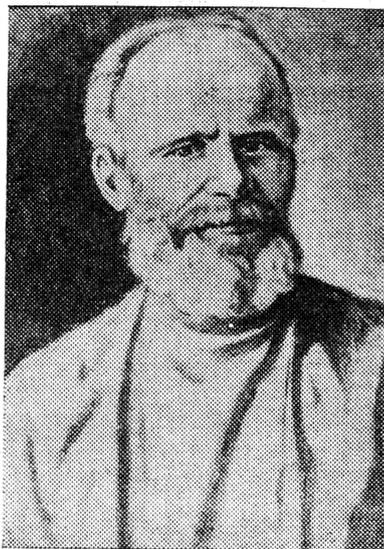
В прошлом веке, в 1895 году заложил этот сад Павел Саввич Комиссаров. В музее, который создан при дендрарии, хранятся документы, связанные с жизнью и деятельностью этого необыкновенного человека, его фотографии. С фотографий смотрит на нас мудрый седовласый старец. В холщовой рубашке, босиком. Обращают на себя внимание руки. Руки крестьянина, трудяги. Ими он сотворил чудо, которое до сей поры приносит людям радость и заставляет человека задуматься над смыслом жизни — для чего он живет на земле.

Павел Саввич родился в Казани 4 апреля 1858 года в семье мещанина. Учиться ему не пришлось — помогал отцу вести хозяйство. Читать писать научился у соседских ребятишек.

Когда подросток, пристрастился к книгам, особенно к сельскохозяйственной литературе.

Павел обладал особенным даром — так привить, обрезать и посадить деревце, что оно росло потом, как на опаре. Он охотно этим занимался не только в отцовском саду, но и на участках соседей, которые наперебой приглашали молодого садовода.

Уже в те годы надумал Павел поехать в Сибирь, купить там земли и развести невиданный сад, чтобы люди приходили в этот сад и любовались редкими в том краю деревьями. Отец серьезно не относился к

мечтам сына. «Пустое дело, — говорил он, — с твоей грамотой да без специальности в Сибири пропадешь...» Но Павел все-таки настоял на своем.

Для поездки необходимо было скопить денег. Павел устроился вначале на завод, где работал отец, а в 1882 году едет в Екатеринбург — на дрожжевой завод.

В Екатеринбурге Павел жил на квартире в семье рабочего. Хозяева люди были добрые, особенно приглянулась ему молодая хозяйская дочь — Федосья Александровна — будущая жена. В то время у него был неплохой заработок, он мог преспокойно зажить своей семьей, обзавестись хозяйством. Но думы Павла были не об этом. В Сибирь тянуло его.

И вот в 1885 году едут они в Тобольск. Пять лет в столице Сибири не принесли Павлу успеха в садоводстве. Вымерзли все саженцы.

В 1890 году Комиссаровы переехали в Омск. Прошло еще четыре года, и только тогда, ближе познакомившись с людьми, с природой края, решил приобрести здесь землю.

Комиссаров обратился к генералу Сибирского линейного войска с просьбой продать ему двадцать десятин земли для разведения сада. Тот в ответ рассмеялся: «У нас в Сибири картошка вместо яблок — и то хорошо... До тебя тут двое таких же сумасшедших пытались наши земли садами засадить. Вон полюбуешься в окно, что стало с садом от морозов здешних».

Генерал имел в виду первых сибирских агрономов — Осипа Обухова и Петра Щербакова. Павел уже знал об этом погибшем саде на берегу Иртыша, возле стен казачьего училища.

Но не таким человеком был Павел, чтобы вот так просто отказаться от своей мечты, опустить руки. Он пошел на хитрость. Написал прошение войсковому начальству с просьбой дать ему землю в аренду сроком на двадцать лет. Условие было такое — через двадцать лет вернет он ее бесплатно казне в виде цветущего сада. Сделка была заключена.

Павел Саввич заложил свой сад у самого берега Иртыша, возле Павлодарского тракта. Для жилья он выкопал землянку, позже построил саманную избушку. Березовые колки — неподалеку, река — рукой подать. Степь просматривается далеко. Богатые ковыльные черноземы открыты всем ветрам. Рядом же — большак и старинное село.

Свой участок Павел Саввич разбил на квадраты, чтобы землю освоить постепенно. Первым делом завел свой питомник плодовых и декоративных культур. Выращивал хлебные и овощные растения, чтобы на обработанной почве начать посадки плодовых деревьев и кустарников. Остальную землю держал под сенокос и выпас. Постепенно с северной стороны он заложил широкую лесополосу из сосны обыкновенной, клена ясенелистного, тополя душистого, липы мелколистной, березы повислой и вяза обыкновенного. Со временем среди этих насаждений появился бархат амурский, дуб черешчатый, ель сибирская, ива серебристая и другие деревья, которые и до сей поры украшают дендрарий. Эти шесть десятин превратились в парково-ботанический заказник. Ближе к реке было отведено место для питомника.

Все квадраты Павел Саввич обсаживал по периметру высоким кустарником и небольшими деревцами — шелковицей, иргой, сиренью, кленом татарским, дикой сибирской яблоней, можжевельником... Так получились кулисные лесные полосы квадратов сада. Внутри этих квадратов выращивали малину, смородину, вишню, яблони и даже виноград.

Один квадрат был отдан цветам и цветущим кустарникам. Особенно хороши были пионы. Коллекцию ди-

корастущих ягодников и цветов собирали здесь же. Вместе с лесополосой, питомником и цветником получился уникальный дендрарий.

Особенного ухода требовали яблони. Павел Саввич прививал их крупноплодные сорта на дикую сибирскую яблоню. Молодые деревца на зиму он высоко обвязывал соломой и мешковиной, окучивал снегом. К деревцам не могли подобраться ни зайцы, ни мыши. Для большого сада требовалось много воды. Ее носили на коромыслах, возили на лошади. Земля также нуждалась в постоянной заботе — дел хватало всей семье, наемный труд Павел Саввич не признавал. Федосья Александровна, а потом и дети — Федор, Сергей, Ульяна, Марина — от зари до зари трудились в саду. А позднее и внуки помогали старшим.

В саду росли яблони, которые давали плоды не хуже западных, такие же крупные и вкусные. Эти яблони Павел Саввич назвал карликами. Верхушки их за зиму подмерзали, но часть кроны под снегом и укрытием оставалась живой и давала эти ароматные плоды. Сухие обмороженные ветки обрезались, и яблони приобретали кустовую и стланцевую форму, хорошо сохраняясь у самой земли под снегом. Иные яблоньки были высотой полтора аршина. Европейские сорта, привитые на сибирские подвои, давали отменные урожаи. С каждым годом сад хорошел. Многие приезжали сюда из Омска, из губернии за советом, за семенами и саженцами. Бывали в саду и заграничные гости. Один из них — датчанин Рандруп, даже отвез в подарок царю ящик с фруктами из сада Комиссарова. После этого появился такой приказ омского генерал-губернатора от 21 октября 1907 года:

«Государь император соизволил благодарить от имени Его величества казанского мещанина Комиссарова за поднесенный им ящик с яблоками, снятыми из его сада, и пожаловал Комиссарова подарком из кабинета Его Императорского Величества — золотые часы с цепочкой и государственным гербом... Поздравляю Комиссарова и выражаю благодарность с этим Высочайшим подарком и с победой над климатом Сибирской области. Ермак покорила Сибирь, а Комиссаров победил климат сибирский!»

Одновременно было приказано организовать в 1908 году по крупным сибирским городам выставку садоводства и огородничества из экспонатов П. С. Комиссарова. Сохранились два диплома с этих выставок в Омске и Перми. На Всероссийской выставке Комиссаров получил премию имени князя Гагарина в сумме три тысячи рублей золотом. На выставке в Омске в 1911 году садовода премировали большими серебряными часами.

С тех пор Павел Саввич стал печатать свои статьи в журналах. Писали и о нем ученые, видевшие его сад.

К селекционной работе путем гибридизации и к стланцевой культуре плодовых растений Комиссаров проявил интерес поздно и не успел этим заняться. Эстафету садовода понесли дальше его верные последователи и добились много в развитии садоводства в Сибири.

В трудные годы жил и творил П. С. Комиссаров. Но ни война, ни засуха, ни колчаковщина не прекратили его благородного дела. Колчаковцы при отступлении запустили в сад угоняемый скот. Павел Саввич пытался защищать свое детище и получил удар прикладом по голове.

Умер П. С. Комиссаров в январе 1920 года.

До пятидесятых годов сад Комиссарова был в запустении. Затем его начали восстанавливать, создали музей, поставили обелиск на могиле садовода. Около полувека работает хранителем сада и музея агроном П. Н. Васильев.

Мы чтим память сибирского садовода. Но все-таки не многим известно его имя. А хотелось бы, чтобы как можно больше людей знали об этом труженике, перенимали его опыт. Возможно, его жизнь-подвиг пробудит в ком-то мечту о большом прекрасном деле, вселит уверенность и надежду, даст силы вырастить свой сад на земле...

Иосиф БЕРСЕНЕВ

Чай у костра

Любители природы, а также люди, занятые трудом в полевых условиях, любят «с устатка» посидеть около костра, почаяевичать, но не всегда есть с собой натуральная заварка. А напитки можно готовить из всем знакомых дикорастущих трав. Чай из листьев, цветов, семян и корней растений приятен, утоляет жажду и бодрит.

Чаевую заварку из трав, сходную с натуральным чаем, можно сделать только путем ферментации. В полевых условиях это не всегда возможно. Советую готовить напиток просто, по-походному. Нарвать молодых здоровых листьев, почек или цветов растений, промыть, положить в эмалированный чайник и заварить кипятком. Не доводя до кипения, дать постоять 15—20 минут вблизи огня — и походный чай готов. Он приятен на вкус, пахнет лесом и медовым лугом.

В апреле и мае-июне можно готовить напиток из ягод можжевельника и брусники, листьев кислицы. Можжевельниковый чай сладок без сахара — ягоды содержат от 15 до 40 мг сахара.

Заменителем натурального чая могут служить цветы и молодые листья зверобоя, листья смородины, вишни, малины, земляники, клубники и цветы кипрея (иван-чай), цветы таволги (лабазника), плоды шиповника, хвоя сосны. Вкусные чаевые напитки можно готовить зимой из плодов рябины, калины, боярышника, шиповника.

Помните:

Нельзя заваривать чай в железной и медной посуде, она уничтожает витамины, снижает вкусовые качества чая.

Пить обжигающий чай вредно для пищевода и желудка, но и теплый чай (ниже 12°) тоже безвкусен и почти бесполезен. Пить лучше из фарфоровой посуды, а не из стеклянных стаканов, тогда вы почувствуете весь вкус и аромат чая.

Лучшая вода для заварки чая и других напитков — родниковая, ключевая или вода из речек с каменисто-песчаным дном.

Александр КРАКАЛО

Рисунки
Сергея Григорькина

СЛЕПЫЕ КОТЯТА

Уходит второе тысячелетие. Планета бурлит, страсти накаляются, растет тревога. Богатый жизненный опыт человечества подсказывает, что подобное происходило уже не раз, каждое уходящее и приходящее столетия несли с собой войны и кровь, страхи и обращения к потусторонним силам. Слово из небытия являлись пророки и колдуны, пришельцы и барабашки. Нынешний период усугубляется тем, что большинство книг Священного писания, святцы, календари заканчиваются этим тысячелетием. И сверх всего — повышенная активность солнечного излучения, что накладывает свой отпечаток на поведение большого числа людей.

Пройдет время, улягутся страсти, рассосется тревога, станет все на свои места...

Хотелось бы в это верить, если бы не некоторые аспекты новой физической теории волновых процессов, еще совсем юной, но уже достаточно веско заявившей о себе и позволившей в своих выводах соприкоснуться с сущностью человеческого «я».

Человек никогда не страдал от избытка скромности. Поначалу он определил себе место в центре Вселенной и гордо созерцал бег Солнца, Луны и звезд по хрустальному куполу небосвода. Затем, несколько прозрев, учредил себя царем Природы, ретиво доказывая это делами. Время нисколько не сгладило его тронные замашки. Однако матушка-Природа, бережно создавая столь царственную особь, отнюдь не отвела себе роль Золотой Рыбки, выполняющей любые прихоти зарвавшейся старухи. Вопрос «кто есть кто?» бесспорно не рядовой, шлифуемый тысячелетиями, но несколько нетрадиционный ответ на него поможет дать уже упомянутая выше волновая теория в совокупности с явлениями, имеющими отношение к проблеме НЛО.

В течение последних 20 лет проблемой НЛО, или, говоря более профессионально, проблемой астролевитирующих объектов (АЛО) в нашей стране вплотную занимается коллектив высококвалифицированных специалистов различного профиля, объединившихся в союз «Контакт КЭЦ», возглавляемый летчиком-космонавтом СССР П. И. Волковым. На протяжении нескольких лет отдельным членам этой научной организации удавалось вступать в двусторонний контакт с космическими цивилизациями высочайшего ранга, используя человеческий мозг как своеобразную приемно-передающую систему. Сведения, получаемые таким путем, отнюдь не соответствовали современным представлениям о строении Мира.

Исследования феномена АЛО в настоящее время проводятся в США, Англии, Франции, Японии, Китае и некоторых других странах. США обладают чрезвычайно обширной информацией и вещественными атрибутами, относящимися к указанному феномену. Как утверждают члены союза «Контакт КЭЦ», спецслужбы США для обеспечения собственного военного и научного преимущества уже многие годы проводят широкомасштабную политику дезинформации мирового научного сообщества для сдерживания изучения проблемы АЛО в разных странах и особенно в СССР. Ориентируясь на эту информацию, многие ученые Академии наук СССР отвергают феномен АЛО, как противоречащий научным знаниям.

АЛО... Чтобы понять его суть, необходимо отрешиться от бытовых представлений о сущности Времени. Концепция Времени, выдвинутая А. Эйнштейном, на данном этапе развития науки не способна подтвердить свою жизнестойкость. Напомню лишь две фамилии, которые стали известны ученым страны за последние полгода: А. Небренчин из Луганска и Н. Попандопуло из Москвы. Первый, исследуя в 18 вариантах исходное релятивистское уравнение, показал, что оно «работать не может и представляет собой всего лишь курьезный случай». Второй обнаружил, что опыт, который А. Эйнштейн считал фундаментальным для специальной теории относительности, оказался ошибочным.

Сложение этих двух выводов возвращает нас в 1934 год, к резолюции С. И. Вавилова, отмечавшего ошибочность теории А. Эйнштейна, построенной чуждыми науке методами и способной привести лишь к научному застою.

В новой теории Времени — волновая форма энергии. При определенного рода взаимодействии двух энергетических потоков образуется сложная композиция, обладающая асимметрией и формирующая два встречных потока Времени, один из которых, более интенсивный, воспринимается веществом как направление из прошлого в будущее.

В различных пространственных эшелонах Времени ведет себя по-разному. На уровне микромира и в микромире (за пределами заряда электрона или протона) более интенсивный поток Времени направлен в одну сторону, в промежуточный субстанции — нашем мире — в другую. Характеристики явлений микромира: невозможность практического получения кварков, «часть больше целого» — служат тому подтверждением.

Под воздействием ряда внешних факторов интенсивность встречных энергетических потоков может уравниваться, и тогда вещественные тела оказываются вне Времени, как это произошло, например, с экипажем и пассажирами воздушного лайнера, исчезнувшего при посадке с экранов локаторов на 10 минут.

Как цельное явление Природа нейтральна во Времени. Будущее нашего пространственно-временного эшелона — это прошлое микромира, и наоборот. Частицы микромира формируют наш мир, мы, в свою очередь, по-своему влияем на их структуру, обмениваясь при этом потоками энергии, одним из компонентов которой являются информационные волны.

Не будь такого устройства Вселенной, нам бы не довелось при анализе имеющихся фактов делать весьма парадоксальный вывод: если на Земле существует хотя бы один человек, способный заглянуть в будущее, значит, будущее предопределено.

«Каждый следует по своему пути. Наши судьбы предопределены», — подтверждает этот вывод Ванга из Болгарии, доказывая столь невероятное утверждение своей обширной практикой. Специалисты, исследующие ее феномен, установили, что предсказания Ванги сбываются в восьми случаях из десяти. Сергей Михалков, Вячеслав Тихонов, Леонид Леонов и даже один из руководителей нашей страны времен застоя, несмотря на то, что «это не имеет ничего общего с марксистско-ленинской философией», побывали в числе ее клиентов.

Заслуживают внимания и некоторые ответы Ванги на заданные ей вопросы:

— Зависит ли жизненный путь от «силы» индивида и может ли он быть изменен?

— Нет. Каждый следует по строго определенному пути.

— Как видится будущее конкретного человека — высвечиваются только значительные события, или прокручивается его жизнь, как на киноленте?

— Вижу его жизнь, как на киноленте.

После проводимого десятилетиями процесса стерилизации мозгов, оставляющего после себя лишь «здоровое зерно», благополучно вписывающееся в великие теории гениальных мыслителей человечества, подобного рода информацию воспринимать чрезвычайно сложно. И то, что у жителей Востока тысячелетие назад считалось само собой разумеющимся, с трудом втискивается в наше просветленное сознание.

Наряду с памятью прошлого, ячейки которой доступны контролю индивидуума, человеческий мозг содержит аналогичные ячейки памяти будущего, запечатлевшие информацию более слабых энергетических потоков, поступающих из глубин микромира и сокрытых от нашего сознания не весьма плотным барьером.

К примеру, 75 процентов опрошенных за рубежом людей показали, что приезжая в чужой город, где ни разу не были, они «узнавали» какую-то площадь, строение, переулок. Известны случаи, когда человек начинал наблюдать себя в непривычной обстановке, и это видение через несколько лет повторялось в реальной жизни.

Несложно себе представить механизм заполнения ячеек памяти прошлого: информационные волны, несущие сведения об окружающем нас мире, накладываясь на соответствующее излучение, поступающее из памяти будущего, зрительно формирует то, что мы называем действительностью.

Специалист в области психологии профессор В. Лебедев на страницах центральной прессы высказал подобную мысль. «Восприятие является результатом не зеркального (фотографического) отражения, а взаимодействия. Информация, поступающая в мозг от органов чувств, сопоставляется с информацией, хранящейся в памяти. Психологи говорят, что человек смотрит не глазами, а мозгом — с помощью глаз».

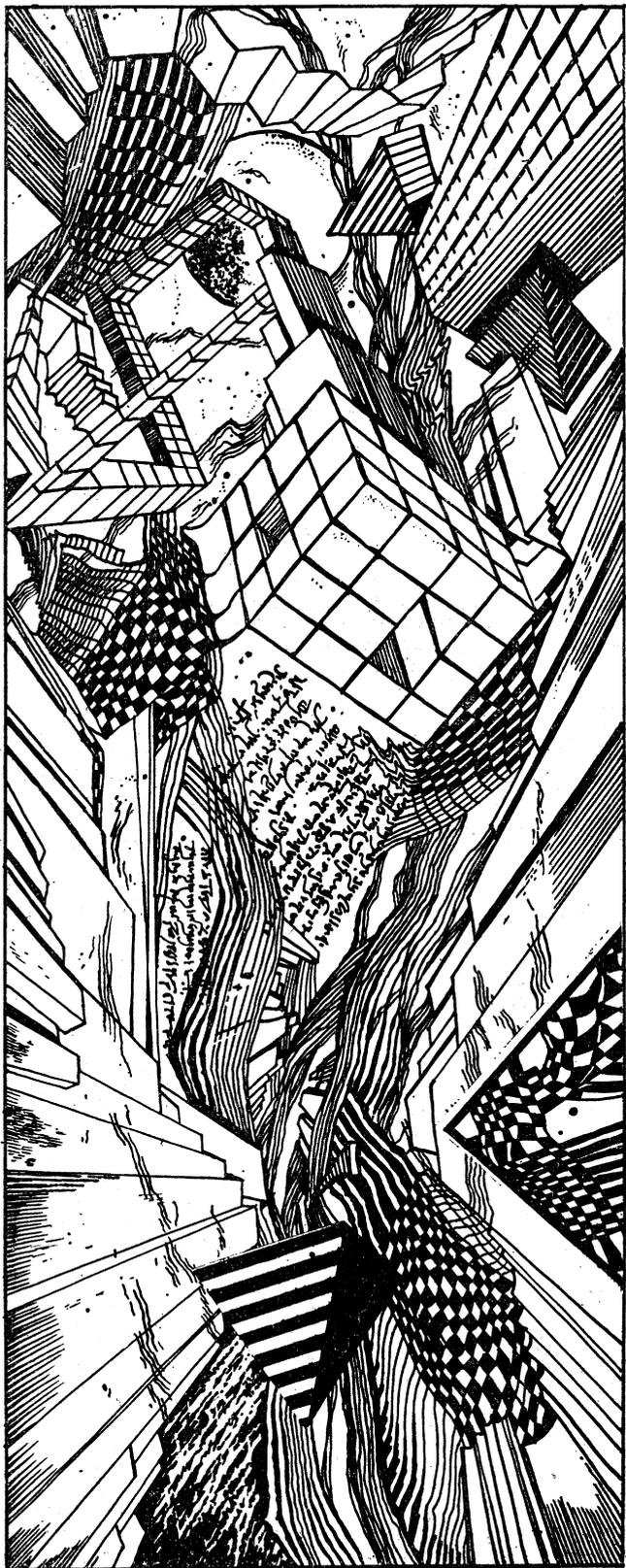
Мысль, как отметил В. Лебедев, действительно нова. Ее почти дословно, лишь со старинными оборотами, можно обнаружить в трудах великого философа эпохи Возрождения Николая Кузанского. Да и он, видимо, не первое звено в этой цепочке человеческой мудрости.

Чтобы больше не возвращаться к статье В. Лебедева, приведу еще одну цитату, смысл которой станет ясен несколько позже: «Я против того, чтобы страсти искусственно подогревались. Как психолог, могу утверждать, что это далеко не так безобидно, как может показаться на первый взгляд».

Два потока энергии, объединяясь в один, формируют наши представления об окружающем мире. Более «родным» и потому более интенсивным является информационный поток памяти будущего. И опять же не у всех. Два рядом стоящие человека вглядываются в одну и ту же точку — один наблюдает приземление на поляну космического аппарата неизвестной конструкции, другой не видит ничего необычного. У детей до определенного возраста восприятие внешних факторов более сильное, поэтому чаще всего свидетелями необычных явлений становились именно они.

Природа содержит информацию о вашем завтрашнем, послезавтрашнем и последующих днях — волновые процессы не знают «вчера», «сегодня», «завтра». Формируя то, что мы называем временем, они находятся вне сферы его влияния.

Информацию можно извлекать как из сознания человека, так и непосредственно из пространства. Первый процесс, по словам Ю. Малина, вообще доступен каждому. «Ведь даже вы, если сядете в определенную позу и скон-

центрируете внимание на точке посредине лба, через два-три года упражнений обнаружите у себя интересные свойства. Вы посмотрите на человека, и его голос зазвучит внутри вашей черепной коробки, то есть просто-напросто вы будете читать его мысли.

Такими способностями, скажем, обладает Ольга Сергеевна Берлин, живущая на Зеленом проспекте в Москве. На них же основаны некоторые виды восточных единоборств.

В одном из дневников путешествий Н. Рерих описывает свою встречу с йогом. На просьбу что-нибудь продемонстрировать йог... просто исчез. Исчез только для Николая Константиновича, стержень из его подсознания кусочек информации о своем присутствии.

Безразлично, как это будет звучать — подсознание или память будущего. Важно то, что стертая информация памяти будущего оказалась значительно сильнее видения окружающего мира.

Заявивший недавно о себе чудесный целитель Г. Руцко не скрывает собственного метода. «Чтобы вылечить человека, я возвращаю его в тот период времени, когда была получена травма или появилось заболевание, и вношу свои коррективы».

Стиралась информация из памяти прошлого о полученной травме, и у слепой девочки за два часа отрастали хрусталики глаз...

Невероятно. И все это — в программе.

На данном этапе своего развития человек абсолютно свободен в своих поступках, обязан нести за них полную ответственность и одновременно с этим не в состоянии отступить ни на шаг от своей программы. Сказанное справедливо при условии, что суммарная программа бытия человечества на каком-то промежуточном своем участке не окажется подвергнута искусственному сбою.

Земля — частичка макромира, и любые естественные процессы космического масштаба зафиксированы в программе человечества и всего живого, что есть на планете.

Посещение Земли пришельцами других миров — вне сферы нашей программы.

В январе 1986 года неподалеку от поселка Дальнегорского в результате падения на скалы разбился светящийся шар. На месте падения возник пожар, который длился ровно час и, самопроизвольно прекратившись, оставил после себя обгоревшую площадку размерами 2,8 на 2,4 метра. Температура пожара превышала 3000 градусов, судя по пню, который превратился в углерод и начал плавиться. Растущий же в нескольких сантиметрах от края площадки куст нежного рододендрона совершенно не ощутил рядом с собой чудовищной температуры — на данном расстоянии влияние программы оказалось сильнее внешних факторов, и уж если пожара не должно быть, то его и не было.

Известны случаи соприкосновения людей с лучом, исходящим из АЛО. Некоторые последствия контакта такого рода были трагическими, иногда человек ощущал сильное давление светового потока, однажды даже была сломана ключица. Интересно отметить, что вместо традиционного месяца ключица срослась ровно за неделю, не оставив никаких следов полученной травмы.

Можно ли отключиться от программы? Феномен Людвиг Пашкевич, одиннадцатилетней школьницы, заставляет задуматься. После сеансов Кашпировского девочка обрела целый ряд фантастических способностей. Нравится ей и разговаривать с инопланетянами. «Они очень высокие. Мужчины некрасивые: с тремя глазами, большим ртом. А женщины такие же, как и у нас».

Думаю, что нет необходимости американцу Тому Веберу вкладывать 50 миллионов долларов и строить космодром для приема инопланетных космических кораблей. Напрасно выбрасываются на ветер миллионы в поисках разума за пределами нашей планеты. Он может находиться здесь, рядом, скрытый от нашего взора шапкой-невидимкой, сотканной самой Природой.

Случаи сбоя программы отдельных индивидуумов, в результате возвращающихся к нормальной жизни, свидетельствуют об относительной безопасности контактов с инопланетянами. Однако человек — существо коллективное, и есть некая критическая численность людей, объединенных территориально, суммарной сбой программы которой может привести к самым неожиданным последствиям. Это обстоятельство, видимо, не может не осознаваться потенциальными контактерами, и нам остается лишь надеяться на их компетентность.

Поначалу массовый интерес людей к рассматриваемому вопросу, бесконечные экспедиции, телевизионные репортажи не могли не вызвать серьезного беспокойства. То, что такое внимание заканчивается относительно благополучно, обусловлено, видимо, следующими факторами. Многие явления, наблюдаемые людьми, имеют чисто земную природу и не связаны с АЛО. Не исключено, что небольшое дополнение к обязательной программе не способно повлиять на ее суть. И пришельцы в определенных дозах поставляют нам информацию о своем существовании.

На Ближнем Востоке, Средиземноморье, над территорией нескольких союзных республик, а также и над Москвой, в сопровождении эскорта проплывал гигантский серебристый летательный аппарат, названный Наутилусом. Трудно отрицать его искусственное происхождение да и нет необходимости сталкиваться с его смертоносными лучами.

Однажды «вынырнул» бельгийский треугольник, ночной полет которого был даже отснят на киноленту. Громаднейший космический корабль оказался доступным наблюдению ограниченного числа людей. И нельзя без умиления следить за стремлением энтузиастов вступить в контакт с космическими пришельцами, выяснить тип двигателя и марку горячего летательного сооружения.

В данной ситуации чрезвычайно важно то, что в реальное наблюдение за объектами не вовлечена одновременно группа людей, численность которой может превышать критическую величину. Пришла пора раскрыть смысл последнего термина и сделать это в процессе изучения феномена Человека.

Природа вложила в человеческий мозг не одну, а множество программ, предоставив ему право выбирать тот или иной жизненный путь, причем каждая из программ заполнена от начала и до конца, «как на киноленте», и исключает любые попытки отклонения в сторону. Психотерапевты давно отметили подобное «блуждание» психики человека, подвергнутого гипнотическому воздействию, но оказались способными лишь ставить вопросы, не находя убедительного объяснения.

Смотрите, как восторгается Владимир Леви, наблюдая за пациентом, пребывающим в гипнотическом трансе и примеряющим на себя многочисленные «я»: «В кого и во что бы он ни перевоплощался, он проявляет себя и только себя. Чудо, пробуждающее в нем это высочайшее, подлинное актерство, — чудо памяти и могущей логики подсознательных «если бы», вскрытый гением Станиславского. Как мы богаты, сколько впитываем и храним в себе от природы, от всей жизни нашей, от каждого человека, с которым общаемся, о котором узнаем из книжек или хотя бы понаслышке! Как входит это все в глубину нашей души! Сколько в нас потенциальных личностей...»

Но глубина души на семи замках. Почему это возможно только в сомнамбулическом трансе? Почему пациент не способен к такому светлому, превосходному чуду в бодрствующем состоянии? Что за тиски, в которых всегда зажато наше подсознание?»

Мифические тиски нашли свое конкретное проявление в виде энергии микроскопического поля. Плотность этой энергии способна перебрасывать сознание человека с одной программы на другую. Жизненный путь человека расписан до мельчайших подробностей во всех его вариантах, при этом Природе совершенно безразлично, чем заполняются промежутки между точками (вехами) истории, будет

существовать на Земле высоконравственная цивилизация или общество дебилов.

Макромир, находясь во встречном временном потоке по отношению к нашему миру, способен нести с собой информацию о грядущих событиях.

Астрологи, тем не менее, весьма сдержанны в своих оценках: «Звезды склоняют, но не обязывают». Астрология не признает понятия рока, как чего-то абсолютно неизбежного, и видит свою задачу в том, чтобы указать условия, в которых худшее из зол можно избежать. Еще древние жрецы-астрологи считали, что человек — не игрушка в руках судьбы и способен влиять на нее благодаря самосознанию и свободной воле.

Астрологи абсолютно правы. Макромир рисует общую картину, дает информацию, которую не мешало бы знать людям, чтобы обойти острые углы своей судьбы. Иное дело — микромир. Здесь уже все конкретно и расписано во множестве вариантов, заполняющих программы. Переход одной программы на другую возможен в ключевых точках (вехах) истории посредством эмоционального настроя больших групп людей, численность которых превышает некую критическую величину. Суммарная энергия так называемых биополей критической численности людей способна влиять на плотность энергии микрополя, придавая последней субстанции устойчивое состояние. Те 20 процентов неугаданных Вангой судеб, видимо, связаны именно с этими обстоятельствами.

Бытие определяет сознание, сознание, в свою очередь, управляет бытием. Повышенная эмоциональность, накал страстей больших групп людей, целых народов, способны в значительной степени изменить плотность энергии микрополя, перебросить программы большого числа индивидуумов на ступень нравственного уродства. Каждый слой памяти будущего — это совершенно иная жизнь, иные ценности, иная культура, иная продолжительность существования. Скольжение по слоям памяти будущего всегда связано с риском, что в одной из программ биография индивидуума может не иметь своего продолжения. Эмоциональная стабильность — основное условие существования высоконравственного общества. Отрицательный настрой большой группы людей несовместим с явлением стабильности. В свою очередь, роль положительных эмоций трудно переоценить, даже изобразив на лице напряженную работу мысля.

Весьма и весьма жаль, что положительные эмоции так редки и в обществе, для которого даже урожайный или неурожайный годы воспринимаются совершенно одинаково как национальное бедствие.

Пока в стране видное место занимала религия, призванная владеть умами людей и сдерживать эмоциональный накал страстей, у России была трудная, но достойная великого народа история, которая обеспечивала ему устойчивое и видное положение во всемирном историческом потоке.

Небольшой группе людей в 1917 году удалось вывести Россию из состояния эмоциональной стабильности, разорвать, растоптать и извратить все, что только можно было.

Русская элита, интеллигенция, являющаяся носителем нравственности и культуры, не могла уже иметь место в таком обществе и в своем большинстве либо покинула страну, либо была уничтожена.

Введение борцовской идеологии изуродовало и растлило некогда великую страну, поставило на колени, лишило лица и чести ее народ. И ничто, никакими силами не сумело сломать программу, именуемую естественным ходом истории. Развитие событий происходило по сценарию, изложенному в «Книге пророчеств» французского прорицателя Мишеля Нострадамуса, славшего свои репортажи из глубины 16 века.

К природным явлениям нельзя подходить с теми мерками, которыми мы привыкли обходиться в повседневной жизни. Сам смысл того, что будущее предопределено, накладывает на логику наших взаимоотношений совершенно иной отпечаток. Получается, что ежели социальные и экономические законы уже реально существуют в будущем, то их нельзя создавать, их можно лишь выявлять и строить жизнь свою сообразно их требованиям.

Социальные законы весьма консервативны, пережили века, и сколь бы мы не пытались насиловать себя в попытках их изменить, они все равно одержат верх. В популярной форме, через вымышленных персонажей, доводились эти законы до народа посредством религии, и никак не могли нести в себе борцовскую идеологию, чуждую самой природе Человека.

В отличие от социальных, экономические законы обладают значительной динамикой и требуют своей корректировки на каждом этапе развития общества. Их опять же, можно лишь только выявить, а не создавать на голом месте или руинах прошлого, голословно утверждая при этом, что что-то там учение всеисильно, потому что оно верно. Природу человека не переделать никакими указами.

Вторжение человека в микромир сопряжено с нарушением временных законов — это единственная область, где вообще возможно их нарушить, — и человек не преминул это сделать. Реакция природы на нарушение временных законов уникальна — по оси времени она направлена в прошлое истории.

По современным меркам астрология, заглядывающая вперед через сотни и тысячи лет, — это не наука. Наука — это то, что с горем пополам способно составить приблизительную сводку погоды на завтрашний день. «Врач, не знающий астрологии, не имеет права называться врачом», — говорил Гиппократ. Всю жизнь занимался астрологией Кеплер. Эйнштейн писал: «Астрология — это самостоятельная наука. Она объясняет нам очень многое. Благодаря знакомству с ней, я многому научился и многократно воспользовался ею».

Об отношении к астрологии лидеров нашего государства и его заполитизированной науки говорить не приходится. Но все течет, и всеобщее внимание приковывают к себе работы ученых лаборатории ВНИИ минерального сырья Министерства геологии СССР. Учитывая множество природных факторов, к выявлению которых привлечены специалисты различных областей знаний, и получив не «абстрактные схемы астрологов», а ласкающие взгляд графики, ученые, невольно, сами того не желая, реабилитировали астрологию как науку. Еще более разителен их вывод, который, как ни старайся, не желает втискиваться в рамки того примитивного и оскорбленного материализма, которым нас пичкали все эти годы:

«Если народы Земли будут с достаточно большой точностью знать о сроке каждого из надвигающихся катаклизмов и, соответственно, активно «не желать его», то по закону обратной связи он может либо не произойти, либо оказаться значительно ослабленным».

Вывод чрезвычайно важен, особенно в контексте с библейскими пророчествами о конце света. Сама постановка такого вопроса, как известно, может лишь скомпрометировать человека, его затрагивающего. Но прежде проанализируем ситуацию.

Молодой инженер Геннадий Котов исследовал периодичность катаклизмов, происходящих на нашей планете, и установил, что они повторяются с завидным постоянством приблизительно через 1715 лет. Огромнейшие землетрясения, сильнейшие наводнения, известный нам всемирный потоп, по мнению Котова, — это следствие прохождения через Солнечную систему массивного космического объекта, вызывающего указанные явления. Полученная недавно информация от американских межпланетных станций «Пионер-10» и «Пионер-11» позволяет выяснить некоторые характеристики космического путешественника: отдаление от земли на 50—100 астрономических единиц, масса равна

пяти земным массам. В настоящее время он вне поля зрения земных наблюдателей.

Не каждый визит космического тела остается замеченным. Земля может находиться по другую сторону от нашего светила, как это произошло при последнем посещении, в 300-х годах нашей эры. Очередной визит может выглядеть не столь благополучным.

Можно было бы не особенно увлекаться фантазиями молодого инженера, если бы не очередное предостережение Нострадамуса: «Прошедшие бедствия уменьшат мир».

Контактер И. И. Шапошников сообщает, что небесное тело пройдет столь близко от Земли, что захватит и унесет с собой не только воздух и воду, но и верхние слои почвы.

Мы уже проспали Чернобыль, игнорируя предупреждения, идущие из глубины веков. Нам остается еще проспать и «конец света», превратив нашу планету в радиоактивную пустыню. Земля уже сейчас ведет себя несколько «нервно» — почти ежедневно мы узнаем о происходящих то тут, то там землетрясениях.

В центральной печати, лишь единожды, в газете «Поиск», промелькнуло какое-то подобие информации, столь коротенькое, что его можно привести полностью: «Как сообщила газета «Дальневосточный ученый», астрономы полагают расчетами, что за наиболее отдаленным от центра нашей планетарной системы Плутоном могут «прятаться» еще один-два невидимых с Земли объекта большой массы».

По мнению американского астронома доктора Дж. Андерсена, вокруг Солнца обращается по крайней мере еще одна планета. Ее масса, по предположениям, должна быть в 5 раз больше земной».

Еще труднее предугадать, когда проснется академическая наука, начнет анализировать и искать решение столь сложной проблемы. Сей большой корабль, казалось, развернуло бортом по курсу, и он не столько плывет, сколько гонит волну.

Однажды известный французский ученый Р. Шовен, ставивший эксперименты на живых организмах, обратил внимание на тот факт, что насекомые, никогда прежде не встречавшиеся с радиомикатами, приспособились к ним так быстро, словно ждали их появления и заранее подготовили ответ. Выходит, что Природа, включив свои таинственные механизмы, воспротивилась предстоящей деятельности человека, направленной на уничтожение означенной колонии живых существ.

Результаты указанного эксперимента дарят надежду, что отчаявшись разбудить спящую красавицу-науку, Природа начнет готовить свои собственные аргументы для встречи с грозной космической гостьей. И, видимо, неспроста именно сейчас сотни и тысячи людей начали выявлять у себя экстрасенсорные способности, даже не представляя себе, во что может обернуться коллективное воздействие концентрированной психической энергии на материальные тела. По мнению Н. К. Рериха такое воздействие по своей силе сумеет превзойти силу ядерного оружия.

До прилета космической гостьи, если таковой состоится, время еще есть. В данной ситуации более важным предстоящим событием является переход человечества через вековую точку истории. Это предопределяет уникальную возможность смещения слоев памяти будущего большого числа индивидуумов, целого народа, на качественно новую ступень. Погасить в себе борцовские порывы, максимально нейтрализовать провоцирующие обстоятельства, менее обостренно воспринимать явления окружающей жизни и предельно сдерживать свои эмоции — значит, создать благоприятную почву для такого перехода, определяющего всю последующую жизнь.

Каким бы путем, расположенным между двумя вековыми точками, ни развивалось бы общество, результат отмеренного отрезка жизни должен быть один и тот же. Но как же быть, если убогий уровень развития людей не в состоянии создать того, что под силу выдающемуся интеллектуальному состоянию индивидуумов? Природа еще с библейских времен перекрывает эти белые пятна так называемой психографией, удивительным феноменом, состоящим в том, что человек держит карандаш над листом бумаги и тот сам, чаще всего незнакомым почерком, воспроизводит с огромной скоростью отдельные изречения, научные работы, художественные произведения, картины. Радость творческого труда замещается божьей милостью. Так, бразилец Ф. Шевье написал около 200 книг. Причем все свои произведения — стихи, прозу, философские трактаты — воспроизвел не только на родном языке, но и на нескольких других, незнакомых ему.

Подобные метаморфозы ощущал и его земляк К. Мирабелли, который, будучи весьма одаренным человеком, зная три языка, умудрялся писать на 28 и при этом не особенно контролировать свою «работу», попутно беседуя с окружающими.

Американская писательница Тейлор Колдуэл в своих романах демонстрировала такие познания в средневековой медицине, которые поражали и специалистов, но о которых сама не имела ни малейшего представления. Аналогичная ситуация сложилась и у Кржижановской-Рочестер, написавшей более 40 романов и удивлявшей историков тонкостями деталей, известных лишь узкому кругу людей.

Да и у каждого из нас могла зародиться мысль, слушающая выступления того или иного деятеля, что свои выдающиеся труды тот писал не иначе, как посредством психографии... Но такова жизнь, и здесь ничего не поделаешь.

Сейчас наука принимает удар за ударом. Терпит крах теория Дарвина — имеются неоспоримые доказательства, что человек мог произойти только от человека, а жизнь на Земле возникла одновременно во всем ее многообразии. Самое неприятное для ученых состоит в том, что новейшие сведения о Человеке почти вплотную приблизились к библейским истинам. Все возвращается на круги своя, и этот круг завершился для нас разбитым корытом. Грустно, но факт, уважаемые граждане роботы, простите, цари Природы.

КТО БЫСТРЕЕ

С каждым годом расширяются социально-экономические контакты между странами. Государственные границы уже не представляют собой препятствий для путешественников.

Автомагистрали и авиалинии Европы работают с предельной нагрузкой. А в ближайшем будущем, согласно прогнозам, ожидается значительный рост перевозок между европейскими странами, так как в 1991—1992 году вводится свободное перемещение товаров и услуг между двенадцатью государствами — членами Европейского Экономического Сообщества.

Специалисты видят выход из этой сложной ситуации в создании системы высокоскоростного железнодорожного транспорта. Эта система потребует строительства 7600 километров новых линий и реконструкций 20 000 километров уже существующих. Ее реализация будет стоить около 90 миллиардов долларов, а все строительные работы должны быть завершены до 2020 года.

Пассажиры сверхскоростных поездов через строящийся в настоящее время туннель под проливом Ла-Манш придут в Париж через три часа после отъезда из Лондона. Брюссель станет практически пригородом Парижа — поездка между этими городами займет всего лишь 80 минут. Из Лондона в Кельн можно будет доехать за четыре часа, а из Барселоны в Париж — за пять.

Для успешного осуществления программы предстоит преодолеть немало серьезных препятствий. Дело в том, что во многих странах действуют различные стандарты размеров рельсовой колеи, систем обеспечения безопасности, силовых установок, напряжения в контактной сети. Некоторые новые линии должны будут пройти через густонаселенные районы, что, безусловно, осложнит строительство и повысит его стоимость.

Экономические и социальные результаты, которые сулит этот проект, очевидно, будут настолько велики, что об отказе от него не может быть и речи. Все страны — члены Европейского Экономического Сообщества (ЕЭС) приняли решение об участии в проекте.

В 1981 году во Франции был установлен рекорд скорости для железнодорожных составов — 380 километров в час. С тех пор французская государственная железная дорога перевезла по маршруту Париж — Лион свыше ста миллионов путешественников со скоростью 276 километров в час. Двухчасовое, со всеми удобствами и сравнительно недорогое путешествие в первом классе скоростного поезда гораздо привлекательнее для пассажиров, чем полет на самолете.

Юго-восточный железнодорожный экспресс перевозит пассажиров из Лиона в Женеву и Марсель. Вскоре будет открыт первый участок скоростной линии в направлении западной границы Франции: на экспрессе «Атлантик» поездка от Парижа до Ла-Манша займет всего 56 минут (средняя скорость 308 километров в час). Такая же высокоскоростная линия свяжет Париж с Нантом, Бордо и достигнет границы с Испанией.

Именно Франция стала инициатором программы создания европейской системы сверхскоростных поездов. Ее реализация позволила удвоить перевозки пассажиров между Францией и Бельгией, а пассажироперевозки между Парижем и Лондоном увеличатся с 2,4 до 13 миллионов человек в год.

Подписанное в 1987 году соглашение между Англией и Францией о строительстве железнодорожного туннеля под проливом Ла-Манш положило начало международной системе сверхскоростных поездов. После окончания строительства этого туннеля и моста у города Мессина в Италии создадутся условия для транзитного железнодорожного

сообщения от Глазго (Великобритания) до Палермо (Италия).

На французской территории скорость железнодорожных составов достигнет 300 километров в час. Внутри туннеля поезда пойдут со скоростью 165 километров в час, а по английской земле — 180.

Относительно низкая скорость движения поездов на территории Великобритании обусловлена деятельностью общественности. Она принудила «Бритиш Рэйл» дать обещание проложить не менее одной четверти дороги в туннелях. Это значительно уменьшит шум, но одновременно чувствительно снизит скорость.

Свой собственный проект разрабатывает Германия. Здесь создается поезд «Интерсити», прототип которого в 1988 году установил новый рекорд скорости на железнодорожных трассах, забрав пальму первенства у французов. Этот поезд пронесся по опытному участку трассы между Вюрцбургом и Фульдой со скоростью 406,9 километра в час.

Правительство ФРГ планирует открыть линию Ганновер — Вюрцбург, скорость движения на которой достигнет 290 километров в час.

В Испании основан фонд модернизации железнодорожного транспорта. Активно ведутся работы по сооружению скоростной трассы по маршруту Мадрид — Севилья протяженностью 370 километров. Ее открытие планируется на 1992 год. Готовится проект аналогичной линии между Мадридом и Барселоной. Испания предполагает до конца столетия затратить на проектирование и строительство новых линий 19 миллиардов долларов.

Есть проблемы с железнодорожным транспортом и в Италии. Итальянские железнодорожники уже имеют свой сверхскоростной поезд — «Пендолино», производства концерна «Фиат», который движется по трассе Милан — Рим со средней скоростью 250 километров в час. «Фиат» разрабатывает проект еще более скоростного поезда — до 310 километров в час. Италия предполагает до конца 2010 года включиться в совместную с другими странами эксплуатацию высокоскоростной трассы Турин — Лион и Венеция — Мюнхен. Однако для достижения этой цели предстоит преодолеть немало проблем, связанных со строительством очень сложных туннелей.

Вообще строительство туннелей является серьезным препятствием для создания общеевропейской системы сверхскоростных поездов, так как на пути сообщения между севером и югом Европы лежит цепь Альпийских гор протяженностью около 1000 километров. Решение этой задачи видится, по мнению специалистов, в строительстве туннеля через горный массив Шпюген, восточнее перевала Сен-Готард. Основной туннель будет иметь длину 41 километр, и для строительства его потребуется четырнадцать лет.

Здесь уместно будет напомнить, что самый длинный в мире туннель — «Сэйкан» — был открыт для эксплуатации в 1983 году в Японии. Этот туннель, протяженностью 54 километра, связывает острова Хоккайдо и Хонсю. Его проект был разработан еще в 1939 году, однако строительство началось только после второй мировой войны — в 1956 году. Протяженность подводной части туннеля составляет 23,3 километра, и в ней, впервые в мире, сооружены две железнодорожные станции и музей истории строительства туннеля.

В Новом Свете проблема железнодорожных грузоперевозок, видимо, будет решена на принципиально иной основе. Национальная лаборатория министерства энергетики США предложила проект строительства железнодорожной сети с поездами на магнитной подвеске. Программа рассчитана на 20 лет, суммарные затраты — 30 миллиардов долларов. Ожидаемая экономия за счет замены внутренних авиационных перевозок железнодорожными составит, по оценкам, 50 миллиардов.

Как видим, железнодорожный транспорт и в следующем столетии вовсе не собирается сдавать свои позиции. Более того, с каждым годом он все более успешно конкурирует с другими, на первый взгляд, весьма перспективными видами транспорта.

Алан
ВИННИНГТОН

Рисунки
Евгении Стерлиговой

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Трудно предположить, что такой аккуратный человек, как Джек Аллертон, мог забыть о письме в кармане пиджака. Впоследствии миссис Аллертон рассказывала знакомым: у нее было не подозрение, а какое-то предчувствие, что у мужа есть любовница. Но кое-кто из знакомых был убежден, что Конни Аллертон тайком шарила по карманам мужа.

Джек уже чистил на крыльце свои ботинки; она тоже одевалась, собираясь в Олений парк, где они прогуливались каждое воскресное утро. Увидев, что муж оставил пиджак в прихожей, она инстинктивно заглянула во внутренние карманы. Письмо было написано округлым почерком школьницы; едва она прочитала первые слова «Джек, мой любимый», как у нее перехватило дыхание. Дрожа всем телом, она жадно читала восторженные фразы с множеством интимных подробностей о совместно проведенном уик-энде. Уже это было ужасно, но когда миссис Аллертон перевернула страницу, она поняла, что ее семейная жизнь — а это была вся жизнь для Конни — накануне краха.

«Дорогой,— читала Конни,— не знаю, как мне сдерживаться на службе: все время быть возле тебя, знать, что скоро мы окажемся на Багамских островах, на теплом золотистом песке, будем слушать рокот волн и не расставаться ни днем, ни ночью... Ах, мой любимый, для меня это так неожиданно, но я верю тебе... И я сделала все, как ты велел: заказала два отдельных билета на

рейс 387 до Цюриха, вылетающий в 9.30 утра в следующий понедельник из аэропорта Хитроу. Твой билет — на имя Льюиса Тренча, а мой — на мое собственное. Не беспокойся, я буду точно ко времени...» Далее шли заверения в вечной любви и подпись «Джин».

Джин Ричардс! Мисс Ричардс, секретарша Джека! Значит, Конни все это время была слепой, если не замечала ни «деловых» телефонных звонков по вечерам, ни «служебных» поездок с пятницы до понедельника, ни «переговоров» в ресторанах, ни посещений ночных клубов «в мужской компании»...

Вихрем ворвался Роберт: он искал свои кеды. Она едва успела сунуть письмо обратно. Сердце неистово стучало.

— Тебе уже шестнадцать,— обратилась она к сыну,— так что пора уже убрать бомбы и револьверы, с которыми ты больше не играешь.— Чтобы оттянуть встречу с мужем, она ушла с сыном в его комнату.— А кеды твои — вон там, под кроватью...

— Если мы хотим еще выпить коктейль «У оленя»,— крикнул муж из дверей,— то пора идти.

Она сделала над собой усилие и ответила почти спокойным голосом:

— Нет, милый, иди один. У меня что-то закружилась голова.— Ей нужно было побыть одной, чтобы оправиться от шока и поразмыслить.

Когда Джек вернулся, Конни уже обрела спокойствие и решила не затевать скандала. Она делает вид, что ничего не подозревает — это будет ее преимущество. Срочно предпринимать что-либо не было необходимости, и миссис Аллертон продолжала сохранять спокойствие. По крайней мере внешне. Тем более, что уже около года мистер Аллертон не приходил в ее спальню.

Понедельник. Впереди еще неделя. С самого утра Конни направилась к директору банка, которого никогда прежде не видела; все сообщения банка поступали в контору фирмы, где ее муж был одним из директоров. Глава банка, «белый воротничок» с полосатым галстуком, словно чем-то приклеил остатки волос к неуклонно расширяющейся лысине. Он не вызывал у Конни симпатий, и она попыталась сразу взять быка за рога:

— Мистер Эдди, я хотела бы сделать мужу небольшую сюрприз. Но мне нужно убедиться, что я не попаду впросак. Я присмотрела дом, такой, о котором мы с мужем давно мечтали, и мы можем сравнительно недорого приобрести его. Мне нужно лишь знать, сколько осталось на нашем текущем счету и сколько мы могли бы получить, заложив или продав наш теперешний дом.

Лицо мистера Эдди приняло озабоченный вид.

— Видите ли, миссис Аллертон, вы ставите меня в неловкое положение. «На нашем счету», как вы изволили выразиться, это значит на личном счету вашего мужа. То же относится и к дому, в котором вы оба живете. его владельцем официально является ваш муж. А правила нашего банка категорически запрещают давать какие-либо сведения о состоянии как того, так и другого, кому бы то ни было, кроме вашего мужа или его поверенного. Впрочем, может быть, ваш муж дал вам доверенность?

— Нет. Но я полагаю, вам известно, что этот дом купил для нас мой покойный отец.

Директор едва заметно пожал плечами.

— По закону, миссис Аллертон, дом принадлежит вашему мужу, и мы не имеем права давать другим лицам сведения обо всем, что касается этого дома.

Такой же прием ожидал ее и в конторе Коггена и Сквайра, их адвокатов. А в следующий понедельник Джек будет уже в Цюрихе, на пути к песчаным пляжам, в сопровождении молодой женщины — девчонки, лишь на шесть лет старше его собственного сына.

Ясно, что за границу его послала фирма. Но ведь и там ему понадобятся деньги. Раньше ей никогда не при-

ходила в голову мысль о самозащите; теперь все было ясно. Она останется без пени за душой.

В этот вечер было труднее делать вид, что ничего не случилось. Но продолжительный детективный телефильм позволил ей не показать свою озабоченность.

Во вторник Джек тоже не обмолвился ни словом о предстоящем отъезде. Она уже думала, не приснилось ли ей все это в кошмарном сне, но в среду он начал разговор сам:

— Позвони, пожалуйста, Клиффордам, Конни, и предупреди, что мы не сможем в понедельник прийти к ним, как обещали.— Его голос был совершенно спокоен.— Я должен улететь на пару дней в Цюрих.

Ее охватил озноб.

— Это уже второй раз, Джек,— заметила она после паузы,— мы отменяем свой визит. И Клиффорды непременно обидятся. Может быть, можно сдвинуть твою поездку на вторник?

Он покачал головой.

— Дела важнее, чем бридж, дорогая. У меня деловая конференция. Очень жаль, но в понедельник в девять тридцать я должен лететь.

Набирая телефон Клиффордов, Конни пыталась придумать ловушку для мужа. Как она ни сдерживалась, голос ее в разговоре с миссис Клиффорд звучал почти истерично. Но она еще не знала, как соорудить эту ловушку. Несмотря на ее попытки удержать мужа, он собирался исчезнуть, обрекая ее с Робертом на длительную борьбу за существование, на тяжбы из-за алиментов и ее доли в совместном имуществе — имуществе мужа, согласно букве закона.

— Они разочарованы,— сказала она, повесив трубку. Потом сослалась на головную боль и ушла к себе.

После завтрака, как только Роберт убежал в школу, она сделала еще одну отчаянную попытку; положила свою руку на руку мужа и, поймав его взгляд, проговорила:

— Джек, милый, прошу тебя: не лети в понедельник в Цюрих...

Его глаза выразили изумление.

— Но я должен лететь. Дела с фирмой «Мюллер и компания» всегда входили в круг моих обязанностей. Что случилось?

— У меня странное чувство, Джек. Мне кажется, если ты улетишь, мы больше никогда не увидимся...

Он не моргнув глазом, лишь изумление в его глазах стало чуть слабее. Затем широко улыбнулся, словно посмеиваясь над сумасбродством суеверной супруги.

— Ну и как ты думаешь, что со мной может случиться?

— Не знаю. Катастрофа. Похищение самолета. Все, что угодно... Я боюсь...

Он ответил успокоительно-поучающе:

— Чепуха. В расчете на километр пути перелет куда безопаснее всех других способов передвижения, даже безопаснее, чем прогулка по городу. И потом, я уже не могу отменить или передвинуть назначенную встречу, это выглядело бы идиотизмом.

— Тогда возьми меня с собой.

На это трудно было возразить. Но ему удалось сохранить покровительственную улыбку.

— Не дури, Конни. Я все эти дни буду страшно занят. И подумай только, во сколько это обойдется — а пользы никакой.— Несколько минут он молчал, потом левая бровь многообещающе приподнялась. Очевидно, его осенила новая идея.— Знаешь что, Конни, через пару недель или через месяц будет еще одна конференция, на этот раз в Каннах, на Средиземноморском побережье. И мы поедем вместе на машине. Поедем не по магистральным шоссе, а по параллельным мало загруженным дорогам, через Эльзас, через Швейцарию, потом южнее, к Лазурному берегу. Бензин и отели оплатит фирма, и мы сможем наслаждаться почти бесплатно...— Он обошел

вокруг стола и поцеловал жену.— А теперь мне нужно спешить.

Она услышала, как зарокотал автомобильный мотор. Еще несколько дней — и она его больше не увидит. Теперь она твердо знала: это конец. Что же делать?

По закону он имел право продать дом без ее согласия и забрать из банка «свои» деньги. Обращаться к директорам банка или фирмы бессмысленно: личная жизнь служащих и вкладчиков не входит в их компетенцию. Рассказать о найденном письме? Но и он, и мисс Ричардс попросту высмеют ее. Жаль, конечно, что она не сохранила письма... Объяснение с мисс Ричардс тоже не сулило успеха. А если сообщить полиции, что у него есть второй паспорт и что он берет с собой за границу больше разрешенных трехсот фунтов? Это, конечно, наказуемо, но где доказательства? Она пришла в ярость, когда поняла, что ничего не может сделать — разве что устроить скандал. Ведь она и Роберт останутся без всяких средств к существованию. Ну хорошо, она будет искать работу — она, женщина уже не первой молодости, без всякой специальности, к тому же при наличии полутора миллионов безработных... Она попробовала представить себе, как будет стоять в длинной очереди за пособием по безработице. Но еще до обращения за пособием ей придется продать за бесценок машину и стильную мебель, переселиться в жалкую комнатенку, забрать Роберта из привилегированной школы и перевести в общую... И это вместо мечты о собственном моледе, который ему давно обещал! А Джек будет наслаждаться солнцем и морем, пить ледяной джин с лимонным соком или тоником, нежится с этой стервой, которая на целых двадцать восемь лет моложе его...

Аллертон был первым мужчиной в жизни Джин Ричардс. И, как она надеялась, будет последним и единственным. Он был необычайно привлекателен со своими седеющими висками и великосветскими манерами. Он покорила ее нежностью и чувством такта, проявил терпение и ненавязчивость — и она безнадежно влюбилась в «своего» Джека. В то же время ее молодость, привлекательность и развившаяся ненасытность в ласках льстили Джеку; она оказалась услужливой и уступчивой как раз тогда, когда он обнаружил, что не сможет долго скрывать свои финансовые махинации.

Некогда он сильно прогорел, занимаясь на свой страх и риск биржевыми спекуляциями. Чтобы возместить убытки, он слегка «причесал» баланс своей фирмы. Однако год за годом вскрывались новые недостатки. Полагая, что семь бед — один ответ, он увязал в долгах все больше, и с годами привык тратить больше того, что мог заработать. Он понимал, что рано или поздно его аферы всплывут, и давно уже готовился исчезнуть. Теперь надвигалась ревизия; бухгалтерские документы, в которые до конца года никто не собирался заглядывать, должны были со дня на день подвергнуться проверке. А ему отнюдь не улыбалось провести лет пять за решеткой.

Он предусмотрительно принял некоторые меры, которые должны были позволить в случае опасности в течение часа удрать за границу. В Цюрихском банке была депонирована кругленькая сумма на имя Льюиса Тренча. На это же имя он получил и «настоящий» паспорт, представив копию свидетельства о рождении Тренча из Сомерсетского музея и две фотографии собственной персоны. Настоящий же Льюис Тренч, не вынесший жизненных невзгод, почил в мире чуть ли не пятьдесят лет назад в возрасте двадцати месяцев от роду. И с тех пор покойно спал на небольшом кладбище в Шропшире.

Когда Аллертон после утреннего объяснения с супругой появился в своей конторе, его величество Случай преподнес ему подарок. В контору поступила партия алма-

зов, еще не подвергшихся огранке, стоимостью никак не меньше ста тысяч фунтов стерлингов. Возможный покупатель должен приехать, чтобы осмотреть их, только в понедельник. Аллертон очень естественно сделал вид, что положил пакетик с алмазами в сейф — и незаметно сунул его в карман. Затем вместе с другим директором установил запор сейфа на 10.30 утра в понедельник: именно тогда должен был прийти клиент. Но к этому времени, подумал он, Джек Аллертон уже не будет существовать как таковой. Будет лишь некий Льюис Тренч — в самолете, летящем из Лондона в Цюрих.

Потом он подумал, что брать с собой Джин Ричардс — глупо. Джин слишком много знала о нем, а смазливых девчонок можно найти за деньги где угодно. Но эту проблему он постарается решить позже. Сейчас нужно благополучно развязаться с делами в Лондоне.

— Джек, последний раз прошу тебя: не нужно лететь. Ну пожалуйста! Или — возьми меня с собой. — Конни сидела за рулем, и они ехали в аэропорт Хитроу, к цюрихскому рейсу номер 387.

— Конни, ты действительно городишь вздор. И ты абсолютно нелогична. Ты боишься катастрофы, ибо опасешься оставить Роберта без отца, но тут же по доброй воле соглашаешься оставить его и без отца, и без матери — если только твое предчувствие сбудется. Но я должен быть в Цюрихе сегодня.

Этот цинизм возмутил ее. Он знал, что собирается бросить своего сына — и был способен воспользоваться таким аргументом!

В аэропорту Конни внимательно смотрела по сторонам. Джин Ричардс не показывалась. Будучи предусмотрительным организатором, Аллертон велел ей приехать еще до девяти часов, сразу же зарегистрировать свой билет и пройти на посадку.

Он сдал чемодан в багаж, оставив при себе небольшую сумку на молнии. Конни тщетно молила его отказаться от полета, но он лишь бросал на нее свирепые взгляды.

— Здесь мы должны расстаться, дорогая, — сказал он перед паспортным контролем.

— Счастливого пути, милый, — ответила она дрожащим голосом. — Да, чуть было не забыла. Это тебе на дорогу. — Она порылась в своей сумочке, достала перевязанный бечевкой плоский сверток и пластиковый пакет, в котором виднелись яблоко и апельсин, расстегнула молнию на его сумке, сунула в нее сверток вместе с пакетом и вновь застегнула. — Бутылка виски «Джонни Уокер» и фрукты.

— Спасибо, Конни. До свидания.

— Счастливого полета. Позвони мне вечером.

Он предъявил паспорт на имя Льюиса Тренча, сунул его обратно в сумку и направился в зал отлетающих. Но как только он прошел через кабину контроля безопасности, ему преградил путь чиновник в синей униформе.

— Извините, сэр. Контроль безопасности полетов. Вы позволите взглянуть на содержимое вашей сумки?

— Если это необходимо, — пожал плечами Аллертон и расстегнул молнию. — Прошу вас.

— Может быть, даже не понадобится, сэр. Скажите, есть при вас металлические предметы? Скажем, фото- или кинокамера?

— Нет, ничего такого нет.

Чиновник кивнул одному из своих коллег. Тот подошел поближе.

— Вы уверены?

— Стопроцентно, — ответил тот. — Прибор показал очень большое отклонение, когда проходил этот господин.

— Что у вас в сумке, сэр? — чиновник указал на плоский сверток, который в последний момент сунула Конни.

— Бутылка виски. Это ведь не запрещается.

— Вы позволите развернуть ее?

— Пожалуйста.

В свертке оказалась плоская коробка. В коробке лежал револьвер.

— О боже! — Аллертон раскрыл рот и с удивлением взирал на оружие. Второй контролер, не спуская глаз с Аллертона, сунул правую руку под мышку.

— Вы можете объяснить, сэр, почему у вас в сумке оружие?

Аллертон сглотнул слюну. Он узнал игрушечный револьвер сына и протянул было к нему руку. Вокруг его кисти тотчас сомкнулись стальные пальцы. Он постарался все же сохранить самообладание.

— Это бутафория, — проговорил он. — Игрушечный револьвер сына. Моя жена... — Он замолк, вспомнив, что теперь его зовут Льюис Тренч. — Это просто шутка моей жены.

Чиновник достал из пластикового пакета «фрукты». Кожура апельсина тотчас отвалилась, обнажив довольно естественно выглядящую бомбу Мильса.

— Это тоже принадлежит моему сыну. Всего лишь игрушки. — Аллертон начал понемногу успокаиваться. — А теперь вы позволите мне идти?

— Довольно опасные игрушки, сэр. — Чиновник достал свой тяжелый полицейский револьвер. — Угон самолетов совершался с помощью куда более безобидных «игрушек»...

— Угон самолета?! Помилуйте, за кого вы меня принимаете? Я директор...

Аллертон осекся. В самом деле, кто же он теперь? А второй чиновник все еще держал руку под мышкой. Первый же вытащил тем временем из сумки Аллертона оба паспорта, раскрыл их на первой странице и внимательно рассматривал фотографии.

— Очевидно, оба паспорта принадлежат вам, сэр. Джек Аллертон — Льюис Тренч. — Его тон стал жестче: подозрения оправдались. — Я вынужден просить вас пройти с нами и разъяснить все это.

— Но я не могу... — пролепетал Аллертон. — Я должен попасть на цюрихский рейс... Я уверяю вас, что это всего лишь шутка моей жены...

— Вашей жены? — усмехнулся чиновник. — Вы имеете в виду миссис Аллертон или миссис Тренч? — холодно осведомился он. — Весьма сожалею. Обладание фальшивым паспортным уголовно наказуемо, а один из двух паспортов, очевидно, является фальшивым. Если вы не пожелаете добровольно последовать за нами и дать объяснения, мне придется арестовать вас.

Его привели в помещение, напоминающее тюремную камеру, с решетками на окнах. Он попросился в туалет, попытался было избавиться от пакетика с алмазами, но тут же был изобличен.

В следующие минуты на значительных расстояниях друг от друга почти одновременно произошли три события.

Чиновник службы безопасности спросил Аллертона:

— Итак, сэр, как вы можете объяснить все это?

Аллертон молчал. Удовлетворительного объяснения он дать не мог.

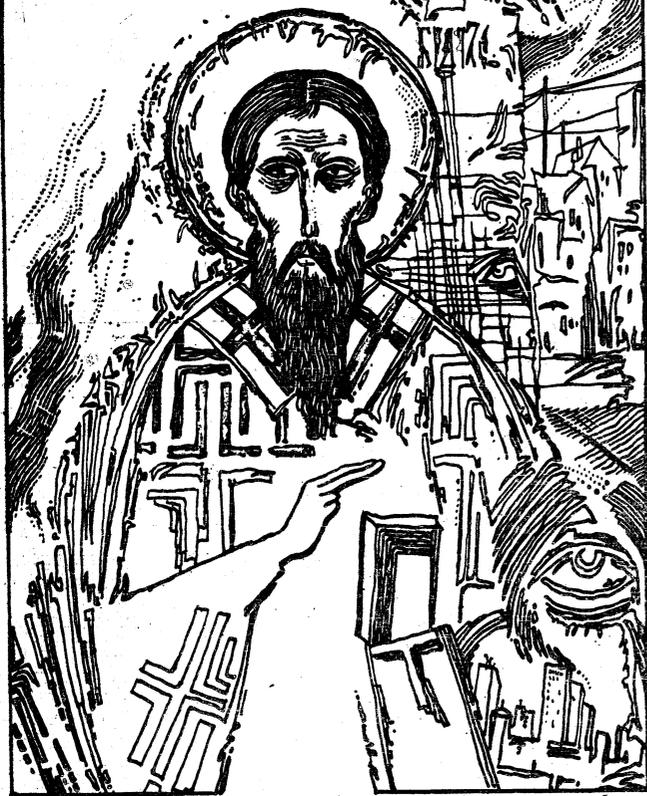
Мисс Ричардс потягивала над облаками бесплатный коктейль и ломала голову над причиной, которая могла задержать Джека. Ну ладно, прилетит следующим рейсом, подумала она. Он ведь такой тактичный и обходительный, он не заставит ее долго ждать.

Конни вернулась домой и, чтобы снять напряжение, выпила рюмку шерри. Затем, в ожидании телефонного звонка, репетировала, как будет выражать свое «удивление». Ведь она до последней минуты оставляла ему шанс стать «хорошим».

И она налила себе новую порцию шерри.

Юрий Шинкаренко

ДУБОВЫЕ ДОЩЕЧКИ

Я долго не мог придумать, как назвать цикл заметок о нынешних ребятах, материала для которого накопилось достаточно много. А однажды, отвлекаясь от несуетной повседневности (а значит, и от тинейджерских проблем), взялся полистать монографию о фламандской живописи.

Неожиданно внимание привлек малозначачий в общем-то факт: большинство живописных миниатюр XVI века фламандские художники писали на дубовых шлифованных досках.

«Дубовая основа»... Это словосочетание как-то насторожило, вывернулось для меня своим сленговым смыслом (слово «дубовый», полагаю, не нужно объяснять, переводить с жаргона?). Дубовая основа... Дурацкая основа... Основа шизофренической логики...

Разве все то, что будет изображено на миниатюрах, не порождено дубовой основой нашего недавнего, да и нынешнего бытия? Разве не глушостью общественного уклада вызваны почти все ребячьи беды и несурзности их быта, о которых я должен рассказать? Я полистал свои записи разных лет, которые собираюсь обнародовать, и лишний раз утвердился в мысли, что почти за каждой ситуацией, за каждым юношеским портретом, за каждым символом и каждой эмблемой подросткового существования просвечивает дубовая доска, дубоватая наша жизнь.

Кому-то может показаться, что подобное название диктует и свой подход к реальности, усекает многообразие жизни, что все светлое, чистое, духовное может остаться за рамками этих заметок... Отнюдь!

Искать, разглядывать, анализировать светлые поступки цельных натур и любоваться ими я намерен с большим рвением, чем копаться в отходах истории человеческого духа.

И тогда «дубовая доска» — лишь гарант прочности, долговременья, хорошей сохранности... В конце концов, некоторые иконы, если не ошибаюсь, тоже исполнялись на дубовых досках.

РАЗВЕ НЕЖНА ОНА?

Жаргонное слово «усявые» (скорее, полунеологизм, только-только входящий в жаргонный пласт) можно перевести не только на общий литературный язык (там оно значит: убогие, незащищенные, странные), но и на точный язык криминологической науки: виктимные личности, что есть — потенциальные жертвы преступного мира.

Об «усявых» мне много и подробно рассказал Ерч. Ему восемнадцать лет. Он нигде не работает. Профессии никакой нет. Но к «усявым», тем не менее, интерес у него профессиональный: Ерч каждый день выходит в центр города бомбить «усявых».

«Их сразу видно, — говорит он. — Они — не обязательно хилые и слабые. Внешне они могут быть богатырями. Они не обязательно «социологи» (т. е. в очках — Ю. Ш.), могут иметь и хорошее зрение. Но у них есть как бы локаторы: они моментально чувствуют, что их «ведут», что они попали в поле моего интереса. И тогда они начинают делать ошибку за ошибкой. Какой дурак, видя «хвост», попрется в уединенное место? — Эти прутся. Какой дурак, заметя, что *гопота* села на след, выйдет из автобуса на пустынной остановке, — эти выходят.

Когда я раньше вел жертву, старался, чтобы она меня не заметила. Сейчас, наоборот. Идет какой-нибудь гаврик, на меня *косянит*, а я не скрываю, что иду за ним и что мне понравилась его американская куртка. Чем быстрее он убедится, что я буду его *бомбить*, тем быстрее подставится...

Самое смешное, когда *усявые* начинают защищаться. Однажды мы с Бритым стояли у «Орбиты». Вдруг откуда вываливает патлатый хиппарь. Купил себе брелок со свистушкой, идет, посвистывает. (На нем, помимо долбаного хипповского *прикида* — хорошие мокасины, в *комке* такие меньше чем за полтора *куски* не возьмешь). И в арку завернул.

Я Бритому говорю: «Подожди, сейчас я его разую. У меня кроссовки совсем развалились».

Бритый: С ума сошел, днем?

Я догнал патлатого. Сигарету попросил. Тот по карманам водит, а видно, что и не курил ни разу в жизни. Меня это сразу взорвало. Я ему *вделал по кумполу*. Тот упал. Ногой пару раз *вделал*, чтобы понял, что с ним не шутки шутят. Бритый подоспел, тоже *вделал*.

Хиппарь: Что вам надо, ребята? — Жалостным голоском. Я объяснил...

— А я в чем пойду?

Я ему на свои «ураллаптевские» кроссовки показал и

еще пару раз этими кроссовками вделал ему под г...

Кто бы видел, как он быстренько свои мокасины снял. Прямо выпрыгнул из них.

Спрашивает: — Ну, я пошел?

Мы с Бритым отвалили. Но потом я решил с хиппаря и часы снять. Я их сразу заметил, японские, с музыкой.

Возвращаюсь, а клиент еще под аркой. Я ему — про часы. А он вдруг в карман лезет и брелок-кнопарь достает. Распахивает его и, убудок, даже показать-то по-настоящему не умеет: руку с ножичком стыдливо за штанину прячет.

Я даже расхохотался:

— Ты?! На меня?! С ножом?!

Он что-то вяк-вяк, и — от хохота можно задохнуться — ножичек складывает и опять к себе в карман.

Тут женщина какая-то появилась. Я решил, фиг с ними, с часами... Женщины часто за «усявых» впрягаются. Ушел.

Мы с Бритым с одной стороны «Орбиты» на трамвайную остановку вышли. А хиппарь — с другой, с задворок. Стоим, я — в его мокасилах, он в моих лаптях... Тут меня вообще наглость разобрала. Подхожу к нему:

— Прости, брат, лайф есть лайф...

А он вдруг, чуть не плача:

— Да оби-идно просто...

Я ему снова:

— Слушай, а на такси не обидно троячок нам подкинуть?

Он осмелел (народ все-таки кругом):

— Ну, вы совсем обнаглели! — и прыг в трамвай. И деру в моих кроссовках. Будто это он их с меня снял и теперь вот концы прячет.

А другой «усявый» так защищался.

Я его у ЦУМа приглядел. «Социолог». Бреду за ним, не прячусь. Жду, когда он в какое-нибудь спокойное местечко забредет. Он меня запеленговал и — нырк в ЦУМ. Я стою жду. Выходят вдвоем с каким-то мужиком. «Социолог» на меня показывает, что-то мужику говорит. А мужики, я-то знаю, редко за «усявых» впрягаются. Мужик довел его до своей машины, развел руками и уехал. «Социолог» — снова прыжками в ЦУМ. Я — за ним. Побродили по отделам. Тот снова к какому-то мужику подкатывает. Жалуется, слышу. Мужик — ко мне:

— Ты что к мальчику пристаешь?

— Я и слова ему не сказал... — отвечаю. Мужик этот довел «социолога» до троллейбусной остановки, сам сел в троллейбус. «А «социолог» стоит, как меня ждет. Путаются они в таких ситуациях, я же говорю.

Я подошел к нему. Палец ему под ребро выбросил, как нож. Тот аж взвизгнул.

— Ну чего тебе от меня надо?

— Денег.

— У меня всего три рубля.

— Гони три... — я так быстро соглашаюсь, потому что вижу, к остановке катит мент. И «социолог» видит. Ну, думаю, пора срываться. Сейчас они общий язык найдут. Но «социолог», знаете, что делает? Век не отгадать! Он крадливо подсовывает три рубля под мой локоть, прижатый к куртке. Как взятку дает... Это, значит, чтоб мент не увидел. Ну, как после этого не *бомбить «усявых»!*

Обычно рассказы Ерча я воспринимаю без менторских комментариев. А на последнем, про «социолога», чуть было не сдержался... Но вовремя остановился. Сдержанно поблагодарил Ерча:

— Давай надеяться, что те подробности, которые ты добавил к психологии *гонимиков* и их жертв, кому-то из читателей помогут.

Ерч рассмеялся:

— Ну-ну, я думаю, читателям будут интереснее другие подробности. С *гонимчеством* я теперь завязываю. Берусь за взрослое дело. Продам куртку, ту, что снял... да печатку, ту, что снял, да... Слегаю в Москву. Накуплю коньяку «Солнечный берег». Там по 35 рублей. А у нас в *комках*,

я уже узнавал, его возьмут по 90. На выручку куплю два ящика водки. Полечу на Север. Обменяю: бутылка водки на литровую банку красной икры. Бутылка водки здесь — полтинник, а банка икры — 200 рэ... Я уже в магазин заходил: они говорят, вези, только справку найди, что это нам кооператив поставляет... Ох, и раскручу бизнес!

Ерч оказался прав. Детали его «взрослого» дела затмили все, что он рассказал прежде, выросли до обобщенного символа неуютных наших перемен. Мне сразу представился надменный мальчик из «комка». Вот он протягивает пыльную бутылку коньяка за 90 рэ, в которые превращены мокасины *хиппаря*, и умехается про себя. И продавщица кафетерия представилась. Она, играя золотом на пальцах и во рту, подает мне маленький кофейный бутерброд с икрой и делает какие-то пометки в тетради... Может, прикидывает, каким наваром лично для нее оборачивается литровая банка икры за 200 рублей, три из которых когда-то принадлежали «социологу».

Представил это и понял, что отныне в любом пресупевании современных дельцов я буду пытаться разглядеть недобровольный вклад «усявых». А на вопрос, можно ли крутую перемену нашего уклада назвать «нежной» революцией, — отвечать не стану. Разве нежна она для «усявых», эта р-р-революция?

9.10.91.

Близнецами они показались лишь издали. Когда приблизился, две фигуры на мокрой скамье перед снесенным домом вдруг проявили различия. Первый — а были то мальчишки, — выглядел барчуковато. Модная курточка поблескивала продуманной фурнитурой, шегольские кроссовки да и джинсы выбраны явно не в спешке и с примеркой... Прическа его выказывала то старательное соответствие последним рекламным снимкам в парикмахерской, которое встретишь, пожалуй, лишь у провинциалов (потом узнал, что эта стрижка называется «под теннис»: широкая, на глаза челка и бритые затылок с висками...).

Место, через которое я возвращался с работы и где наткнулся на ребят, даже в солнечный день не радовало. А уж поздним вечером... Это был старый квартал. Тут до последнего времени жили пьяницы да милиционеры. Одни — от безысходности, другие — из-за каких-то мудрых комбинаций с пропиской и в надежде на скорое новоселье.

Трогательный симбиоз алкашей и милиции недавно, наконец, нарушили: жильцов переселили, а домишки и засыпные бараки снесли. В осенней мокрой темноте удушливо пахло холодной сажей. Под ногами то всхрустывало битое стекло, то горбилась не дающая опоры скользкая глина...

Мальчик в широкой, с накладными плечами куртке и джинсах выглядел здесь неуместно. По крайней мере, когда район был еще жив, еще дышал сивушными дымами да вонью казенных портянок,— юные денди с прическами «под теннис» хаживать сюда остерегались.

А вот второй мальчишка поначалу и удивления у меня не вызвал. Грязный, взъерошенный, в одежонке, у которой одно точное имя — «тряпье»,— он как и вырос здесь. Я подумал, не прежний ли жилец вернулся на развалины своего дома? И не конфликт ли здесь между случайно встретившимися юнцами, между миром благополучным и миром униженным?

Но все оказалось не так. Оба они были здесь пришельцами. Беглецами. Их поспешный, суетливый маршрут через областной центр, через эти развалины тянулся аж с северного Урала.

Пашу ударил отец. Да так ударил, что через весь висок, оголенный прической «под теннис», тянулось несколько царапин. Ухоженность ребенка и след от родительской руки так не стыковались, что я ждал истории, схожей по нахалу страстей и неожиданностям с шекспировскими трагедиями. Но история была банальной. Пашкин отец организовал какое-то малое предприятие. Стал получать бешеные деньги. А вот излишком этих денег распорядиться не научился. И стал расходовать их на водку. Запил. А может, совесть точила,— кто знает наших нынешних растиньяков, чем достается им светское роскошество и как они себя в нем чувствуют.

Пашка, который видел, как былую легкость и естественность в семейных отношениях вытесняют раздражительность, какие-то недоговорки,— всю вину с детской непосредственностью свалил на водку. И однажды, в порыве тоски по прежней жизни, выхватил из-под отцовского носа бутылку и остатки водки выплеснул в унитаз.

Больше всего Пашку возмутила не отцовская оплеуха. Его обидел, унизил и растоптал отцовский вопрос, который тот задал, прежде чем коротко взмахнуть своей мозолистой рукой. Если бы отец спросил: «Зачем ты это сделал?» — Пашка не постеснялся бы разреветься, он бы все объяснил, он бы уприсил отца не пить больше... Но отец лишь зло поинтересовался: «Ты знаешь, придурок, сколько эта бутылка стоит? Импортная бутылка водки «Попофф»?» И ударил Пашку коротко и деловито, словно отмерял удар по стоимости загубленной «попоффки».

Пашка удрал из дома. А Володька, его друг, вместе с ним.

— А зачем на эти развалины пришли? — спросил я.
— Мы думали, что пустые дома все еще стоят. И в них можно переночевать,— неласково ответил погруженный в себя Павел.— В прошлый раз мы здесь с таким шиком устроились, почище чем в какой-нибудь гостинице.

— Так вы не первый раз в бегах? — поинтересовался я.

— Нет, не первый,— на этот раз заговорил Володька, окинув меня равнодушной взглядом.— Первый раз сбегали из-за меня... Я проговорился про одну вещь, и меня начали в классе изводить кличкой.

— Какой?
— Однояйцевый близнец.

— А почему такая кличка? — назойливо спросил я. Никчемство затейного разговора и усталость, измотанность, явно удручали Володьку. Сил не было ни огрызаться, ни врать, и он ответил искренне, вынужденно искренне:

— Потому что у меня действительно одно... там... — он показал рукой в сторону паха.— Второе до сих пор не появилось.

Он поднялся с мокрой скамейки, коротко бросил другу:
— Пойдем на вокзал, там перекантуемся.

А я лихорадочно рылся в своих скудных сведениях по

медицине и наконец вспомнил: крипторхизм, неопущение яичка... если до полового созревания не сделать операцию — болезнь грозит бесплодием...

— Послушай,— заторопился я,— ведь это очень опасно. Твои родители знают про это?

— Нет,— отрезал Володька.

— Даже отец? Он что, голышом тебя ни разу не видел? Ты обязательно скажи ему! Это действительно опасно! У тебя может не быть детей...

Володька молчал.

— ...Обязательно поговори с отцом. Он найдет тебе врача. И не стесняйся. Хирурги чаще всего бывают мужчины. Вот увидишь — отец бросит все и займется тобой. Он в этом больше всех заинтересован. Ведь он может остаться без внуков.

— Без внуков? — спросил Володька. И вдруг его лицо осветилось неожиданной радостью. Он вольно и непосредственно расхохотался:

— Так ему и надо!

Они уходили с развалин. Уходили по-разному: Пашка выискивал ступнями места посуше и почище, Володька перепрыгивал. Но чем дальше они удалялись от меня, тем больше вновь казались близнецами. Они уходили с неприятных развалин, чтобы, пройдя сквозь засыпавший город, промчавшись на поезде мимо живых огоньков городских квартир и деревенских домов, вновь оказаться на развалинах. На развалинах несостоявшихся семей.

Как горько пахнет холодная сажа и развороненные бульдозером кусты сирени.

Сентябрь, 91.

До недавнего времени казалось, что КПСС уверенно держит свою вездесущую руку на молодежном пульсе... Что юноши и девушки «заветам верны»... Что воспитаны они «в духе»... (далее к «духу» плюсовались громоздкие дополнения, и это-то к слову, в принципе не требующему никаких дополнений, дух — он и есть дух).

Но вот получилось: партия руководила детьми, молодежь, а они руководствовались совсем другими указаниями. Они симпатизировали правам «неформалов», их лепили «воровские законы», их пленяла масскультура, что просачивалась сквозь плотные кордоны Отечества и несла на своих мутных — вот парадокс! — волнах именно то пред-

ставление о Духе, которому во все времена следовали лучшие души человечества.

«Эка новость», — хмыкнет кто-то... Но я вовсе не о том. Я не собираюсь разбирать здесь причины, по которым КПСС упустила, проворонила самое последнее поколение юных ленинцев. Я просто хочу вместе с вами еще раз полюбиться, как точно и всеобъемлюще молодежный жаргон отражает состояние (быт, нравы, идеалы) своих создателей.

В моей сленговой картотеке тьма слов демонстрирует попеременно увлечение тинейджеров самыми модными неформальными течениями. Есть целые языковые пласты, связанные с западной масскультурой. Много слов и фраз, горчащих от того, что навязаны, вместе с законами и устоем быта, воровской кастой. Вот только одного нет в моем словаре, хоть и составлялся он далеко не год и не два: слов, связанных с КПСС и с ее «молодежной политикой». Жаргонный словарь напрочь отрицает, что хоть какие-то «партийные установки» были восприняты поколением 80-х, вывернуты в бытовое сознание и, через сленг, закреплены там.

Хотя... Несколько образчиков, хоть и косвенно, но связанных с недавней «направляющей силой современного общества», я отыскал.

Первое слово. ЛЕНИН. Значение: везучий в игре. (Прет, как Ленину. Он по игре вышел, — повезло по заходу, хотя не Ленину). Синонимы: профессор, умащенный, фортож...ый. Слово зарегистрировано в 1987 году. Думаю, что нынче, после волны разоблачений, справедливых и нет, после базарной дискуссии о Мавзолее, ни один из юных картежников не решился бы поставить в ряд слова «Ленин» и «везучий».

Второе слово. ВОВА. Просто-напросто дополнительный синоним к первому.

Третье слово. ДЗЕРЖИНСКИЙ. Значение то же. Лишь есть угадываемый оттенок легкой иронии, перекочевавшей от батарей времен НЭПа.

Вот и все находки.

**Юноша и Девушка
едут
в желтом автобусе,
а кругом — октябрь**

Я бы, конечно, все равно обратил на них внимание. И на паренька с живыми движениями лба. Он стоял в центре автобусного салона, облокотившись на запасное колесо. Его брови то сходились, то расходились, а левая все уплывала вверх, — лицо, в частности лоб, жило эхом какого-то чувства.

И на девушку. Она, усмирив молодую овчарку-альбиноса, замерла напротив своего попутчика. Когда собака пыталась подняться, невесомые груди девушки вздергивались от набранного в легкие воздуха, — но требовательной команды не звучало. Девушка, приоткрыв рот, осторожно выдыхала несостоявшийся окрик...

Я бы обратил на них внимание. Но как-то по-другому, если б прочел утром газеты. Но я не дождался газет, не втянул в себя привычного запаха типографской краски. И вышел на улицу, так и не извещенный о новой крови, новых пожарах... И вдруг оказалось, что двор еще умеет дышать винным запахом опавших яблочек-дичек, что октябрь — ретивый соперник модельера Зайцева — успел придумать своим нежным женщинам — березам, рябинам, яблоням тем же — неповторимые, в разной мере цвета и обнажения, наряды.

И стоял у песчицы малыш. И смотрел, как на бланж промывого дождем песка высветленными бликами ложатся березовые листья.

Мне малыш сказал: «Вот все листья опадут, тогда и моя стрела опадет... Еще летом в ветвях застряла».

И мне радостно стало, что малыш знает: стрела не упадет, а о падет. То были слова не Марса, но Купидона. Ведь только он, Амуришко, разбрасывает свои стрелы так, что они становятся частью природы, частью ее несуетного естества. В свой срок мчатся кверху, в свой срок опадают... И ничто не может повлиять на их лёт: ни национальная самозамкнутость, ни нищета государственных и вызывающее роскошество коммерческих прилавков, ни отголоски разрушенных социальных мифов и ни опасная мимикрия мифов новых, рожденных августом 91-го...

Разве вот эти подростки, которые едут по холодному октябрю в желтом автобусе и которым все сейчас до лампочки, кроме друг друга, — не подтверждение этому?

...Ребята все чаще дерегладывались, все смущеннее, все неотрешеннее, все неслучайнее... (Для них, наверно, стрела с осенней березы уже опала, — и какая им теперь разница, чем занято остальное человечество: мастерит ли каменные топоры, изобретает ли порохи, подделывает талоны на сахар или читает Фрейда...).

Автобус трянуло. Овчарка, взмахнув белыми, пушистыми волосами, испуганно вскочила, провернулась под ослабленным поводком и... лизнула руку, которую успокаивающе протянул к ней — неожиданно для самого себя — парень. Подросток отдернул руку.

— Не пугайся! — сказала девушка неизвестно кому. И парень, торопясь продолжить этот — хоть через овчарку — миг единения, спросил:

— А собака у тебя какой... — немного замялся и добавил: — ...фирмы?

Это была оговорка. Обмолвка. Fehlleistung, говоря языком Фрейда, — ошибочное действие.

Слово «фирма», нечаянно произнесенное вместо «порода», выдало ту мысль мальчика, которую он не собирался афишировать, о которой, может, даже не подозревал, но которая была неотъемлемой частью его сути, его мироощущения.

За точность этой потаенной мысли я, посторонний свидетель, не ручаюсь. Но об общем смысле догадываюсь.

То может быть горькая, денно и ночью преследующая юношу мысль о собственно люмпенском «прикиде» (поношенная куртка дает основания для такого предположения)... Когда видишь вокруг разодетых «по адидасу» товарищей, когда знаешь, что многие девочки влюбляются в то, во что ты «упакован», а не в то, чем полна твоя душа, — эта не дающая покоя проблема может оставить в подсознании незаживающую рану.

Вероятно и то, что причина обмолвки — выверенный расчет. Почему бы не познакомиться с девочкой, у которой, судя по фирменным вещам, родители минимум кооператоры... Такое знакомство будет полезным. Привычно срывается в голову у паренька компьютер: куртка на девушке — три куска, сапоги — полторы тысячи. И собака не по

дешевке куплена. Плюсы... Минусы... Нет, надо знакомиться. И вылетает размаскированное признание: «Какой фирмы собака?»

А может, совсем просто. Может, стоит несчастный потенциал-ухажер, наполненный изнутри сладостно-прохладным мороком предчувствования, и точит его червь сожаления: «Что за страна, где нельзя красиво любить, где трудно сделать своей девочке подарок, трудно выбраться с ней в уютное недорогое кафе, трудно уберечь ее от грязи и скотства... Что за страна, для которой рядовые фирмы зарубежья — словно икона в алтаре? Что за время? Зачем я родился здесь и нахожусь сейчас?»

Я отвернулся от них от двоих. От тех, которые в отличие от меня, наверное, знают, что все мы — пленники времени, что вечных ценностей нет: каждая эпоха деформирует их по-своему. Но которым предстоит узнать, что в том и смысл каждого сегодняшнего дня, чтобы, как умеется, защищать это вечное от коряженья. Чтобы ни Любовь, ни Дружба, ни Верность, ни Все Остальное не осталось валяться мятыми алюминиевыми чайниками на помойке нашего столетия.

Мальчик сидит на фундаменте разваленного дома. Осенний воздух волнами прокатывается по раскисшим верхушкам репейников, влажнеет на глазах. Мальчик туже стягивает на груди полы фуфайки. Теплее...

Мальчик никогда не любил осени, но сегодняшний день особенно раздражает его каждой приметой скорого зазимка. Мир вывел. Все серо: и небо, и бегущие по небу тучи, и тени туч на шиферных крышах. Тишина, несносная мертвая тишина — не только здесь, на окраине деревни, в старых развалинах, куда мальчик сбегал ото всех, но и там, в центре, у сельсовета.

Темнеет. Тучи отчего-то замедляют бег и беспомощно снижаются — не аэростаты ли, теряющие газ? Водяная взвесь приходит в движение. «Ш-ш-ш...» — ровным шорохом заполняются окрестности. Порывы ветра меняют тональность этого шума, и слышится: «Ш-ш-ш... Шиш... Не поедешь... Ш-ш-ш... Шиш... Не поедешь...»

«Ну и не поеду! — зло думает мальчик. — Может, я сам не хочу!»

Он обманывает себя. Он очень хочет в эту поездку.

Вечерами, закутавшись в одеяло, он ясно представлял, что стоит вместе с другими счастливыми на автобусной остановке. Автобус, как всегда, опоздает, и все будут волноваться, не сломался ли он. Но вот бледно-зеленый «ПАЗик» спичечным коробком вынырнет из-за холма на горизонте и долго-долго будет приближаться к деревне, увеличиваясь в размерах. Смешной автобус, рессоры у него подняты высоко, и он похож на голенастого петуха. Милый голенастый автобус! Он лихо тормознет у будки — гравий скрипнет под колесами. Ребята торопливо счистят грязь с сапог и заберутся в теплый салон. И все, и отсюда начнется необычное. Долгая туристическая поездка. Невиданный город Рига. Почерневшая (нет, говорят, она зеленеет от времени) медь флюгеров. Узкие брусчатые улицы, которые специально строили такими, чтобы не развернуться рыцарю, врагу-рыцарю-коннику. Средневековые крепости на холмах. Когда их возводили, раствор замешивали на взбитых яйцах, чтобы никакая сила не разрушила стен. Генка, который это вычитал, пообещал: «Проверим, когда приедем. Попробуем отколотнуть камушек...» Мальчик тяжело вздыхает. Генка-то сможет проверить. А мальчика не отпустили. Мать даже разговаривать не стала. Где денег столько набраться? Если б пальто попросил купить, а то — ехать на край света город смотреть, прихоть какая... И кто будет скотину упрявлять? Кто будет нянчиться с младшей? И пошло, поехало.

Кто-то сейчас уже на автобусной остановке, уже живет по другому времени (интересно, какая с Ригой разница во времени?), а кто-то сидит один-одинешенек в зарослях банальнейших репейников и знает, что и завтра, и послезавтра, и потом будет одно и то же. Встанешь утром — пройдешься по унылому, загаженному двору — вывезешь из сарая навоз — бесцельно побродишь по пустому, давно убранному огороду и пораньше уляжешься в кровать, чтобы побыстрее прошли каникулы. Какое уж тут необычное!

Мальчик поднимает голову. Прислушивается. В шорох дождя ворвался новый звук. Где-то за домами весело гремит трактор.

Мальчик хмыкает. «Все нипочем...» — думает он про трактор, на который не действует усыпляюще-забубенное шептание осени. Мальчику хочется, чтобы машина промчалась мимо, чтобы двигатели проревели над самым ухом.

Хохоток двигателя нарастает. Наконец, из проулка выныривает остроносая голубая «Беларусь». Широко разворачивается и катит к мальчику. Глубокие колеи топорщатся комками подмерзшей грязи, и трактор бросает из стороны в сторону. Он приближается, и мальчик замирает. Такого он еще не видел.

Колеса трактора покрыл ершистый слой кленовых листьев. Желтых, медовых, опаловых, кричаще-золотых, янтарных, с багровыми, пурпурными пятнами, с прожилками цвета мореного дуба... Видимо, проехал трактор по какой-то вязкой луже, а потом — по ковру осыпавшихся листьев, и листья плотно облегли все четыре колеса. Кленовые ладони часто хлопают по мерзлой земле, стремительно выписывают в сером воздухе огненные круги.

А дождь, оказывается, кончился. Тучи раздвигаются, и неяркий луч спешит к земле, к маленькому кленовому листику, оброненному с колеса. Будто кто-то с неба указывает пальцем на то, что мальчик и без того видит.

Он смотрит. Он учится не погрязать в неприятностях, зависти, скуке... Он готов понять, что не бывает «маленький радостей», что любая радость настолько велика, насколько ты приоткрылся ей...

О чем поведали тарокко,

или ясновидцы в мире чистогана

Не только среди нас с вами, но и среди жителей просвещенной и практичной Европы хватает людей, одержимых желанием разгадать загадку призраков, УФО, хилеров, Лох-Несского чудовища и Бермудского треугольника. Об этом авторитетно свидетельствует столичный ирландский журнал «Ин Даблин». И еще больше — тех, кто пользуется святой водой, не гнушается посещением спиритических сеансов и гомеопатов, сообщают заморские коллеги. С другой стороны, разумеется, немало у них скептиков, считающих любителей мистики «и прочего» престаками либо чокнутыми. Но даже самые отъявленные скептики проявляют завидное любопытство к тому, что называют экстрасенсорикой во всех ее проявлениях: к телепатии, ясновидению, путешествиям в будущее или назад, в прошлое. Единственный факт — в Скотланд Ярде всерьез обсуждается вопрос, достаточно ли психического зрения двоих ясновидящих, чтобы полноценно вести следствие — заставляет задуматься. Отважившейся же одолеть все описания экспериментов, связанных с резервами психики, опубликованные в европейской печати за последние двадцать лет (интересно, входят ли в их число публикации «Уральского следопыта?»), наверняка занимают по крайней мере осторожную позицию.

Между прочим, представители движения «зеленых», чье влияние в «тамошнем» обществе неуклонно растет, все чаще говорят о сверхъестественных психических возможностях

человека и альтернативной медицине как о неотъемлемой части «западного сознания». Нам трудно судить, до какой степени в этом смысле наше сознание похоже на западное, но в одном, кажется, и мы, и они преуспели одинаково: и наше, и их повальное увлечение пророчествами и прогнозами, нередко стимулируемое известными политиками и учеными, есть великое благо для торговли ясновидением. Если еще несколько лет назад в том же Дублине она была окутанная зловещим ореолом тайным занятием небольшой группы людей, то сегодня там трудно найти более шикарный бизнес. Существует масса способов, так сказать, «приобщиться и погрузиться» — само собой, небесплатно. Однако весь вопрос в том, где вы займетесь этим и кому заплатите, — предупреждает читателя «Ин Даблин». Здесь нужно проявить максимум осторожности, чтобы не ошибиться. А ниже журналистка Кэтрин Рождерс, инкогнито посетившая трех дублинских ясновидцев, в присущей ирландцам едкостью иллюстрирует эту мысль. Думается, бесполезно выслушать ее и нам, осваивающим рыночные отношения. Особенно если учесть, что бережливость — одно из главных качеств, помогающих выжить в мире свободной конкуренции и раззумных цен...

Мадам Грей

Мадам Грей, неутомимая путешественница, осевшая в Клондалкине¹ (тел. 573314), предлагает клиентам на выбор гадание по руке за де-

¹ Район Дублина

сять фунтов или по магическому кристаллу за 15—20. Избрав второе, вариант подешевле, я была препровождена в спальню метрессы, где меня посадили на кровать и водрузили на мою ладонь то ли очень грязный кристалл, то ли стеклянное пресс-папье.

Увы, моя поза, а также дети, то и дело вбегавшие в спальню, не очень-то способствовали созданию сверхъестественной атмосферы. К тому же мадам без всяких объяснений запретила записывать сеанс на пленку, зайдя в своей настойчивости настолько далеко, что забрала мой магнитофон и вынесла его вон.

Тем не менее, гадала огненно-рыжая молодая женщина в бодром темпе, с ритмичными гипнотическими интонациями. Краткий анализ личности и прошлой жизни, можно сказать, ей удался, хотя должна заметить, что даже брошенный на меня мимолетный взгляд дал бы ей более полную информацию. Была ли тут просто умелая интерпретация или экстрасенсорика? Во всяком случае, инстинкта и интуиции этой леди не занимать.

Правда, ее упорство относительно женатого мужчины со сломанным обручальным кольцом, возникшего на моем амурном фронте, не имело под собой ни малейших оснований, но она приписала это моей неосведомленности о его супружестве. Совет же опасаться его чрезмерного участия в моей судьбе ближайшине несколько лет, так как радости это не принесет, выглядел настолько неожиданным, что история нашего знакомства окончательно покрылась туманом.

Меня также предупредили о темной женщине, которая приходит, как друг, но в действительности страшный враг. И, по известной сказке, о черном незнакомце; и о путешествии через воды... К стыду моему, единственное подобное путешествие, которое я собираюсь предпринять, — это отнести свои заметки через О'Коннел Бридж на Баггот Стрит².

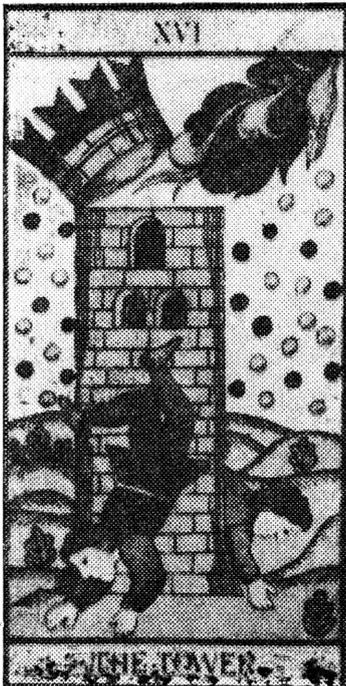
А вообще-то мое будущее, как мне его обрисовали, выглядит значительно лучше, чем прошлое. Не такое тяжелое. Но ни наследства, ни удачи в лотерее, ни неожиданного счастья на пути не светит. Остается надежда попасть в объятия стройного, страстного мультимиллионера, однако очень слабая. Ну, и этот, со сломанным кольцом, на котором мадам, по моему, просто закичилась. Вот все, что смогла она разглядеть в своем грязном кристалле.

Сеанс продолжался двадцать — двадцать пять минут. Пятнадцать фунтов, заработанные без особых проблем, были у меня изъяты и меня проводили за дверь.

Ричард де Меф

Мистер де Меф рекомендует себя ведущим ясновидцем Ирландии. Длинный, лет сорока с небольшим, одетый, словно житель Гавай, в рубаш-

² О'Коннел Бридж — мост через реку Лиффи, протекающую в Дублине; Баггот Стрит — улица, на которой расположена редакция «Ир Даблин».

ку кричащих тонов и шорты, он обладает весьма властным характером. Если бы я могла не обращать внимания на его покровительственные манеры и запросто уплатить затребованные им тридцать фунтов, мне было бы обеспечено хорошее развлечение на час с элементами просвещения.

Мистер де Меф реализует свою психическую энергию через хиромантию и карты тарокко. Карты эти, ныне признанные церковью вредными, как орудие дьявола, изобрели итальянские монахи-доминиканцы в 14-м веке для тренировки памяти. До 18 века они не употреблялись для гадания³.

Первые пятнадцать минут мы провели с ним, внимательно вычисляя мое прошлое и свойства натуры по ладони, остальное время с картами. Поскольку его прогнозы отличались определенной точностью, кое-что мне открылось. Так, он установил: в ближайшие недели меня ждут перемены (сейчас я меняю жилье). Хочется верить, что и в остальном он не ошибся. В отличие от бедной пожилой женщины, сидевшей напротив, которой, по словам мистера де Мефа, карты не сулили ничего хорошего, ко мне ближайше десять лет небо куда более благосклонно. Жаль, с любовью будет неважно. Зато по крайней мере хоть обойдется без ужасного женатого мужчины!

Часовое гадание ясновидца, сообщившего, что своим бизнесом он занимается больше тридцати лет, можно записать на пленку и унести с собой, чтобы потом до смерти надоедать друзьям и родным.

Мистер де Меф прочит в предстоящем году крупные национальные победы. Почему он не делает ставок и не прибегает к услугам букмекеров? Мистер де Меф имеет принципы и не верит, что чужие люди используют его дар достойно. Это не мешало ему, тем не менее, запрашивать по тридцати фунтов за сеанс.

Справедливости ради надо сказать, что протяженность гадания, старательность мистера де Мефа и запись, которую вы можете сохранить для потомков, делают ваши затраты значительно более осмысленными.

³ По-английски название карт пишется tarot. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона, видимо, они же названы «тарок». А вот что сказано по этому поводу в словаре Гранат, вариантом которого мы предпочли воспользоваться: «От собственно игральнх карт надо отличать «тарокко» — колода, состоящая из 78 карт неодинакового размера, из коих на 22-х были эмблематические фигуры, а остальные 56 карт разделялись на 4 комплекта (масти) по 14 карт в каждом. Эти масти перешли к собственно игральным картам»...

⁴ Скорее всего, речь идет о победах на скачках, традиционным увлечением ирландцев, букмекер — человек, принимающий ставки при игре в тотализатор, чаще всего — на скачках и бегах.

Мадам Фьюче⁵

Мадам Фьюче (тел. 608005), стремящаяся к профессиональной известности, считает себя «истинной» прорицательницей. Гадалка по картам тарокко и медиум, мадам проводит свои магические сеансы в стенах старинного дома из красного кирпича в Боллсбридже⁶. Тут же, на кушетке, дремлет ее «близкий друг», как я думаю, из породы рыжих чихуа-хуа.

Она пыталась, расскажет вам мадам, тасуя карты, продать этот дом. Уже дважды приходили агенты по торговле недвижимостью. Но ничего не вышло. «Они» не пускают ее. «Они» — духи, или потусторонние силы, с которыми она связана. Себе-то самой она не слишком доверяет. Прондираясь сквозь лающий кашель, который мадам наотрез отказывается связывать со своим непрерывным курением, она хрипит и воодушевленно болтает больше часа.

По картам мадам Грядущее гадает неотразимо и в высшей степени проницательно. Ряд событий из моего прошлого она описала довольно точно. В будущем, в противоположность мистери де Мефу и вполне совпадающая с мадам Грей, заметила некоторые улучшения, но ничего особенно захватывающего. Будущее выглядит достаточно банальным. Что ж, вероятно, мои сердечные дела действительно обречены, если и третья, последняя прорицательница, не разгля-

⁵ Фьюче (future) по-англ. — будущее.
⁶ Район Дублина

дела на горизонте рыцаря в сияющих доспехах.

После пятидесяти минут гадания на тарокко мадам неожиданно вошла в состояние транса, вызывая из табачного дыма образы и инициалы моих умерших родственников. Следующие четверть часа я провела в сомнениях, можно ли отнести к их числу шерстяной колпак, слона, подсвечник... Круг утраченных друзей и родных ширился. В конце концов, мы решили, что «в контакт» вошла моя прабабушка по материнской линии, скончавшаяся десять лет назад. Правда, никто из нас так и не смог объяснить смысла шутки с шерстяным колпаком, над которым прабабка изрядно посмеялась, однако мадам гарантировала, что мои бабушка или мама должны знать этот символ. Они не знают. Но, когда я рассказывала о происшедшем, смотрели на меня с любопытством...

Полагаю, реальная стоимость всего сеанса выше умеренных пятнадцати фунтов. Гадание было успешным, экстрасенсорный контакт — увлекательным, хотя и не больше. Сеанс прошел динамично, с юмором, и даже отъявленному скептику, наверное, хватило бы впечатлений, чтобы подумать о повторении визита.

Перевел с английского
и подготовил А. ПОНИЗОВКИН

Екатеринбург, 73-03-07

Реклама в немалой степени определяет не только состояние и репутацию Вашей фирмы, но и меру уважения к Вам со стороны общества.

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ АГЕНТСТВО РЕКЛАМЫ И ДИЗАЙНА
«ХАРД-КИВИ»**

для тех, кто не хочет отставать от современных направлений рекламы и дизайна.

Вас заботит реклама Вашей фирмы, Вашего товара, товарный знак, пакет, афиша? Интерьер офиса, кафе или просто детской комнаты? Гастрольная реклама, щиты и стенды? Может быть, мультипликационный ролик? Витрина или вывеска Вашего магазина? Оформление новогоднего вечера? Позвоните по телефону 73-03-07 — и «Хард-Киви» возьмет это на свои плечи, обеспечит Вам быстрое и надежное обслуживание.

Мы готовы изучить Ваши деловые предложения.
Удостоверьтесь в преимуществе сервиса агентства.

73-03-07, Екатеринбург.

«РУССКАЯ АМЕРИКА» —
историко-географический, научно-популярный,
иллюстрированный журнал,
уделяющий большое внимание литературе и искусству.

«Русская Америка» начинает выходить в 1992 году — в год 500-летия великого плавания Колумба и 260-летия открытия русскими Северо-Запада Америки.

В 1992 году «Русская Америка» распространяется наложенным платежом по заявкам, направленным в адрес редакции, и через собственных распространителей.

Во втором полугодии 1992 года выйдет два номера журнала. Цена одного номера — 7 руб. 50 к.

«Русская Америка» ищет распространителей в больших городах страны и эксклюзивного представителя в Америке.

Имеется возможность размещения рекламы.

Адрес редакции: 160034, Вологда-34, а/я 84. Телефоны: в Вологде — [817-22] 3-28-67, в Москве — [095] 925-97-69 [редакция журнала «Мир путешествий»].

Редакционная коллегия:

Станислав МЕШАВКИН

(главный редактор),

Евгений АНАНЬЕВ,

Виктор АСТАФЬЕВ,

Виталий БУТРОВ,

Юний ГОРБУНОВ,

Герман ИВАНОВ

(заместитель главного редактора),

Сергей КАЗАНЦЕВ

(ответственный секретарь),

Владислав КРАПИВИН,

Юрий КУРОЧКИН,

Николай НИКОНОВ,

Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,

Борис СТРУГАЦКИЙ,

Юрий ШИНКАРЕНКО,

Марат ШИШИГИН

Художественный редактор

Дмитрий ЛИТВИНОВ

Технический редактор

Людмила БУДРИНА

Корректор

Ольга НАГИБИНА

Адрес редакции:

620219, г. Екатеринбург,
ГСП-353, ул. Декабристов, 67

Телефоны отделов:

22-36-62 (фантастики),

22-45-01 (краеведения, секретариат),

22-10-74 (писем, науки и техники),

22-04-81 (прозы и поэзия, публицистика,
молодежных проблем).

Рукописи принимаются перепечатанными
на машинке через 2 интервала,
60 знаков в строке,
23—30 строк на странице.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
«Союзпечать».

Бракованные экземпляры
отправлять в типографию издательства
«Уральский рабочий»

Сдано в набор 04.02.92.
Подписано к печати 07.07.92.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆.

Бумага газетная.

Высокая печать.

Усл. печ. л. 10,08.

Уч.-изд. л. 16,10.

Усл. кр.-отт. 10,84.

Тираж 62 700 экз.

Заказ 436. С.—38.

Типография издательства

«Уральский рабочий»

620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

КЛУБ СОБИРАТЕЛЕЙ

Коллекция «Мойдодыра»

С этой необходимейшей человеку вещи начинается день: человек идет в ванную комнату и первым делом открывает тюбик с зубной пастой. Конечно, в стаканчике стоит один тюбик — зачем человеку два? Но если это семейный человек и имеет запасливую жену, то тюбиков этак пять-десять припрятано, что вовсе не осудительно при нашем повальном дефиците.

Если же у человека несколько десятков тюбиков — то это либо очень большой пессимист, либо... коллекционер. Но можно ли вечно хранить зубную пасту?

Сергей Грибовский, студент из Минска, ее и не хранит, он пользуется ею, как все мы. А хранит он тюбики: выдавит содержимое до конца, придаст тюбику прежнюю форму и — в коллекцию.

Мысль о таком необычном собирательстве пришла Сергею совершенно неожиданно и в совершенно неожиданных обстоятельствах — когда начал служить в армии. С одной стороны, сыграла однообразность солдатского бытия, которая не новость и которую хочется чем-то интересным заполнить. С другой — в армии, как правило, собирались ребята из самых разных городов и республик (по крайней мере, когда существовал Союз), и многое из присылаемого им родными было необычным и привлекало внимание, в том числе и зубные пасты. А с третьей стороны, авиачасть, куда пришел служить Сергей, находилась рядом с крупным «перевалочным» гражданским аэропортом, где чего только не увидишь — иностранного и своего, доморощенного... То ли он купил какой-то интересный тюбик, то ли смятый где-то привлек его внимание — Сергей сейчас и сам не помнит, но вдруг его «заклинило» на зубной пасте. Что кому в армию пришлют — он все перепробует...

Как дегустатор, он уже мог определять на вкус разные пасты. А памяти-то никакой не остается... Вот и начал собирать тюбики.

Теперь уже третий год идет, как он отслужил и вернулся из армии, имеет Сергей в наличии три десятка тюбиков, и ни одного похожего — не так уж мало и, конечно, не только из нашего скудного отечественного ассортимента. Зная его увлечение, ему дарят и привозят отовсюду

ду зубную пасту друзья и приятели.

— Ну, и как, Сергей, — спросили мы его, — какая паста приятнее всего?

— Самая любимая — «Репсодент», только не американская: она почему-то у них жжется. Самая симпатичная — индийская «Маклинз», у нее и оформление очень хорошее. Из наших предпочитаю «Лесную» — она очень полезна. Но у наших, отечественных, дизайна никакого нет. Да и выбору откуда быть, при жестоким нашем дефиците... У иностранных паст в каждой категории — гигиенической, лечебной, профилактической — выбора намного больше.

— И чем же зарубежные пасты отличаются от наших?

— После дизайна — еще и добавками. Наши тоже неплохи, но уж в них если мята — то мята, хвоя — так хвоя, фруктовой эссенцией в той же «Ягодке» прямо разит... Грубовато и однозначно. А у них свежесть другая — действительно, как свежего воздуха вдохнешь, ароматов и вкусовых ощущений множество. Паста есть паста, но нюансы самые разные, даже у синтетических составов. В Китае делают пасты с очень нежными добавками — банановыми, ананасными, фруктовыми. Очень хороши и египетская, и голландская, немецкая «Силка», индийский «Крест» — индийские пасты даже лучше американских.

— Мы не можем себе представить никакой другой упаковки, кроме тюбика — это что, стандарт? Или бывает другая форма?

— В основном, да, тюбики во всем мире, и, как правило, одного объема. Я видел еще баллончики, другие формы мне не попадались.

— А цвет? Везде одинаков? Тоже в основном белый?

— Ну, у нас есть цветные тоже, но за рубежом палитра богаче — голубоватые, розовые, желтые, прозрачные...

— Как вы утром выбираете пасту: по настроению, или есть какой-то особый принцип при таком богатом выборе?

— Принцип, как у всех — беру тюбик, выдавливаю до конца, потом меняю. Стараюсь долго не пользоваться фторовыми пастами — от них зубы темнеют, и время от времени перехожу на зарубежные пасты, у которых лучше эффект белизны. Хотя, бывает, вдруг сменю и по настроению, если захочется особой какой-то свежести...

Это, мы поняли, как вроде бы захочется какого-нибудь лакомства. Ну, что ж, кто имеет — тот и может позволить себе прихоть. Хотя, конечно, такая «мойдодырская» коллекция сама по себе вызывает уважение и хорошую зависть. По нам — только был бы тюбик на каждый день и не ввели вдруг талоны...

— Какая перспектива у вашей коллекции, Сергей? Есть она?

— Хочу начать собирать зубные эликсиры.

Вот тут впору посочувствовать Сергею! Зубных эликсиров лет десять никто уже в продаже не видел, наверное, легче птичье молоко раздобыть...

А, впрочем, для коллекционера нет ничего невозможного.

Нина МИТИНА

Фото Владислава Донецкого

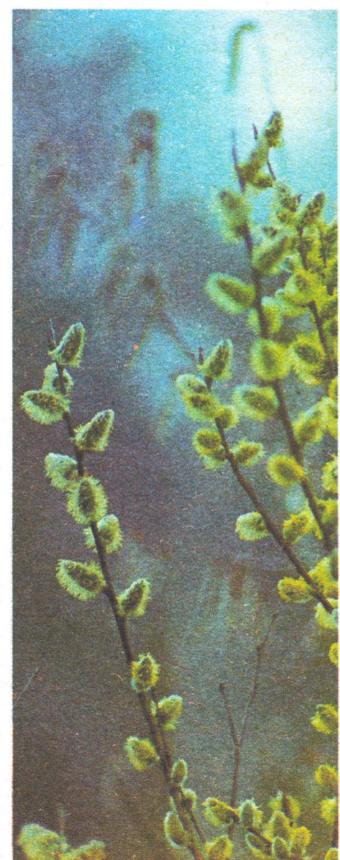

Фото Олега Капорейко

